

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2014

О жизни и творчестве
художника Василия Пукирева читайте на стр. 66

Штрихи к портрету

Денис Логинов **Жизнь за дворянство**4

Неизвестное об известном

Татьяна Харламова **Целительный глоток**20

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Изобретатель музыки**27

Новое имя

Валерий Акимов **Слепец**34

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Святой черт**39

Забывтые страницы

Виктор Ардов **Гипнотизер**.....56

Поэзия

Валерий Митрохин **Стихи**.....61

Шедевры

Ирина Опимах **«Неравный брак» Василия Пукирева**.... 66

Рандеву

Елена Воробьева **Юрий Веденеев: «Все жанры хороши, кроме скучного...»** 76

Житейские истории

Александр Аннин **«Братва» и братия Александра Архангельского**..... 84

Елена Калмыкова **Сорока на колу** 113

Рассказ

Джоан Босуэлл **Мистер Мордашка** 90

Владимир Карпов **«Злата»** 122

Память

Алла Зубкова **Мачо, которому завидовал Хемингуэй** 96

Это интересно

Валерий Митенев **«Десятка» по-фински**134

Детектив

Рудольф Вчерашний **Чисто компьютерное убийство**..... 142

Кроссворд. Эрудит 188

Главный редактор, генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	фото Екатерины Кизиловой
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 9000 экз.

Зак. №853

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.03.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Уважаемая редакция журнала «Смена»!

Являясь по образованию филологом, я работаю главным библиотекарем в читальном зале центральной городской библиотеки города Бендеры. И как сотрудник отдела хочу поделиться следующей информацией.

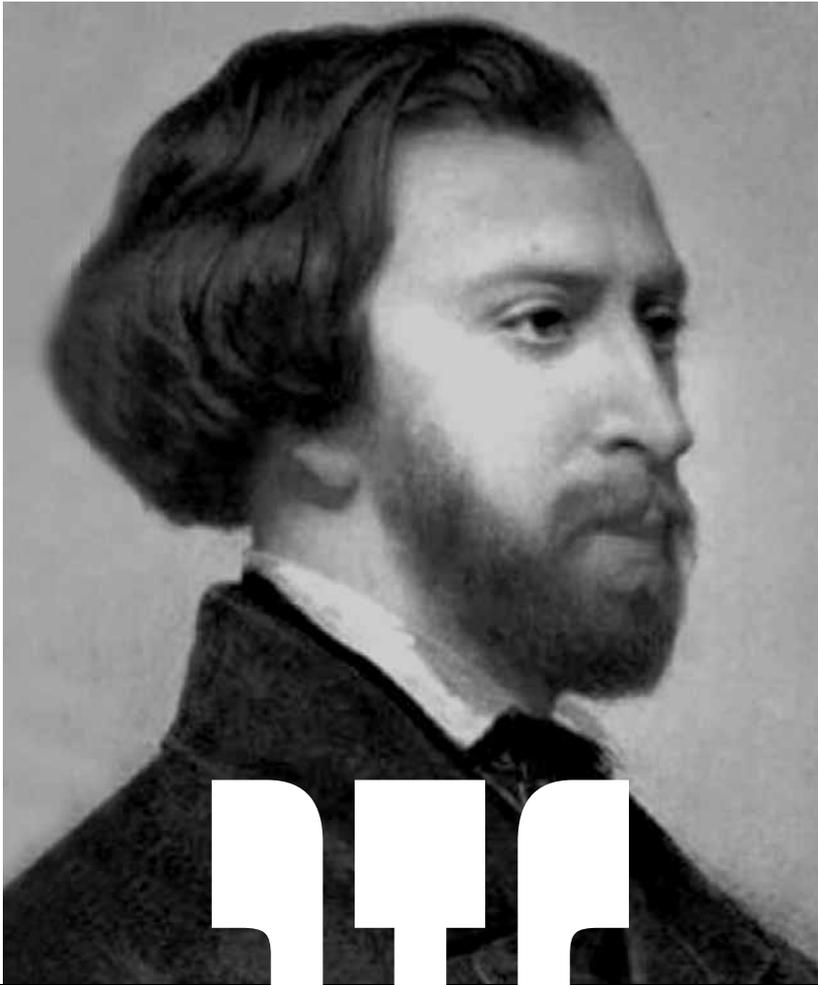
Ежегодно на протяжении многих десятилетий наш читальный зал оформляет подписку на журнал «Смена». Когда я в 1990 году пришла работать сюда, отдел выписывал практически все «толстые» литературно-художественные журналы. Они пользовались спросом, читатель «шел» за ними в библиотеку, занималась даже очередь...

Но пришли другие времена, экономически чрезвычайно тяжелые, и на сегодняшний день из-за проблем материального плана мы можем себе позволить выписать очень и очень немного. Однако подписка на журнал «Смена» осталась незыблемой и даже не обсуждалась: на него по-прежнему, как и в 90-е, к нам «идет» читатель, его спрашивают, хотят читать именно в бумажном варианте, берут и перечитывают старые подшивки, которые не просто хранятся в нашем зале. Они описываются нами от первой странички до последней, затем карточки вливаются в картотеки, и мы таким образом всегда можем найти по запросу читателя любой материал из «Смены» за любой год и месяц. Конечно, на сайте журнала есть архив, но поверьте моей практике: читатель идет за «живым» журнальным номером. Да и сами мы, библиотекари, имея все Интернет, с удовольствием читаем его печатный вариант.

В заключение хочу заметить, что иногда журнал доставляет нам огорчения следующего плана. Целиком, без помощи Интернета и энциклопедических изданий разгадывая первый кроссворд номера, мы, считающие себя неплохими интеллектуалами, на круг с трудом отвечаем не более чем на десять-пятнадцать вопросов следующего кроссворда — «Эрудит». Поэтому у нас такая просьба: будьте снисходительнее впредь и печатайте какие-нибудь его «облегченные» варианты!

Извините за несколько сумбурное письмо.

С уважением,
Муза Гончарова,
г. Бендеры

Денис Логинов

ЖИЗНЬ

За несколько месяцев до его рождения мать, которой было 22 года, сбежала от мужа с 45-летним любовником из Германии в Россию. При крещении по православному обряду в селе Новоселки Орловской губернии мальчик был записан в метрической книге законным сыном дворянина Шеншина, хотя венчание Афанасия Неофитовича и Шарлотты произошло лишь два года спустя после этого, когда Шарлотта приняла православие и стала называться Елизаветой Петровной Фет (по фамилии оставленного ею в Германии мужа). Под этой фамилией, избавиться от которой он пытался всю жизнь, и вошел в историю русской поэзии Афанасий Фет.

Происхождение поэта — самое темное место его биографии. В начале 1820 года в Дармштадте появился лечившийся в Германии 44-летний русский помещик, отставной ротмистр Афанасий Неофитович Шеншин. Из-за отсутствия мест в гостинице он поселился в доме оберкригскомиссара Карла Беккера. Вдовый Беккер жил с дочерью Шарлоттой, зятем и внучкой. Дочери было в то время 22 года. За полтора года до этого она вышла замуж за амт-ассессора Иоганна Фета и имела уже дочь Лину (Каролину), а почти сразу после появления русского жильца забеременела вторично.

Шеншин прожил у Беккеров до осени, а в сентябре 1820 года. Шарлотта бежала с ним в Россию, в его имение. Трудно понять, чем так пле-

и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фета и горячо любимое дитя...»

Бракоразводный процесс затянулся, и венчание Шеншина и Фет произошло только после рождения мальчика, что и сыграло роковую роль в его судьбе.

Родившийся младенец был записан в метриках как сын Шеншина, и до 14 лет будущий поэт считался несомненным Афанасием Шеншиным. Правда, по другой версии, отцом его был первый муж Шарлоты Иоганн-Петер Фет, и, опасаясь, чтобы Афанасий не попал в незаконнорожденные, Шеншин поспешил увезти ребенка в лифляндский городок Верро (ныне эстонское Вы-

За дворянство

нил молодую женщину пожилой — вдвое ее старше — не слишком богатый, некрасивый, угрюмый иностранец, что она бросила мужа, отца, годовалую дочь, свою страну, вообще все родное и близкое.

В недоумении и ужасе отец Шарлотты писал Шеншину (7 октября 1820 г.): «Употреблением ужаснейших

ру). Он стал хлопотать перед немецкими родственниками о признании мальчика «сыном умершего ассессора Фета». И хотя брошенный муж при жизни не признавал мальчика своим сыном, согласие было получено.

Благополучный исход стал источником дальнейших жизненных

несчастий Фета. Из русского столбового дворянина он превратился в иностранца и утратил право наследовать родовое имение Шеншиных.

Роковыми для мальчика документами оказались... письма его матери к брату Эрнсту, в которых она повествовала о том, как хорошо заботится Шеншин о ее сыне Афанасии, что даже: «... Никто не заметит, что это не кровный его ребенок...» В марте 1826 года умер ее первый муж, и она вновь написала брату, что умерший не оставил ей и ребенку денег:

«... Чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно... Попытайся, если это возможно, упробить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он получить фамилию...»

Затем, в следующем письме:

«... Очень мне удивительно, что Фет в завещании забыл и не признал своего сына. Человек может ошибаться, но отрицать законы природы — очень уж большая ошибка. Видно, перед смертью он был совсем больной...»

Что ж, Орловская консистория исправила эту ошибку. Афанасий Шеншин был лишен фамилии, дворянства и русского подданства и стал «гессендармштадским подданным Афанасием Фетом».

В 1838 году Фет поступил в Московский университет, где проучился шесть лет: сначала на юридическом факультете, затем — на историко-филологическом (словес-

ном) отделении философского факультета. В университете он сдружился с Аполлоном Григорьевым, своим сверстником, товарищем по увлечению поэзией. «Благословение» на серьезную литературную работу Фету дал Гоголь, сказавший:

— Это несомненное дарование.

Фет пробыл студентом шесть лет вместо положенных четырех, потому что, как говорил он сам, «вместо того, чтобы ревностно ходить на лекции, я почти ежедневно писал новые стихи».

Первый сборник стихотворений Фета «Лирический пантеон» вышел в 1840-м году и получил одобрение Белинского, что вдохновило его на дальнейшее творчество. Стихи Фета стали регулярно появляться во многих изданиях, в том числе в «Москвитяине» и «Отечественных записках». За 1842–1843 годы там было опубликовано восемьдесят пять его стихотворений, многие из которых вошли в хрестоматийный канон поэзии Афанасия Фета («Не здесь ли ты легкою тенью», «На пажитях немых», «Знаю я, что ты, малютка», «Печальная береза», «Чудная картина», «Кот поет, глаза прищуря», «Шумела полночная вьюга» и т.д.).

Творчество Фета характеризуется стремлением уйти от повседневной действительности в «светлое царство мечты». Основное содержание его поэзии — это любовь и природа. Фет был представителем так называемой чистой поэзии и по этой причине на протяжении всей жизни спорил с Некрасовым — представителем социальной поэзии.

Особенность его стихотворений — говорить о самом важном прозрачными намеками. Самый яркий пример — стихотворение «Шепот, робкое дыханье...»

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,*

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,*

*В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..*

где всегда царила ночь, и куда даже дети ее допускались лишь на несколько минут.

Он понимал, что его мать сходит с ума, боялся, что эта болезнь наследственная, и ему тоже может грозить сумасшествие. Этот круг душевного ада Фет особенно оберегал от посторонних взглядов.

После окончания Московского университета он неожиданно круто изменил свою судьбу и поступил нижним чином в один из провинциальных полков, расквартированный в Херсонской губернии. Цель, которую преследовал начинающий поэт, была одна — дослужиться до потомственного дворянства и вернуть утраченное положение. Хотя это было неве-

ворчество Фета характеризуется стремлением уйти от повседневной действительности в «светлое царство мечты». Основное содержание его поэзии — это любовь и природа. Он был представителем так называемой «чистой поэзии», по этой причине на протяжении всей своей жизни он спорил с Некрасовым — представителем социальной поэзии

Приезды на каникулы в Новоселки всегда были тяжелы для Фета. Мать тяжело болела, ей становилось все хуже и хуже, и вскоре она умерла. Причина ее болезни была непонятна. В своих мемуарах Фет пишет об «истерических припадках», о «меланхолии», о том, что она жила то в Орле, «чтобы находиться под ежедневным надзором своего доктора», то в Новоселках, в особом флигеле,

роятно трудно: призвания к военной службе юноша никогда не испытывал и физически не был к ней готов.

Оторванный от столичной жизни и литературной среды, он почти перестал печататься — тем более что журналы, вследствие падения читательского спроса на поэзию, никакого интереса к его стихам не проявляли.

В херсонские годы произошло событие, предопределившее личную

жизнь Фета: у него завязался роман с образованной девушкой, тонкой ценительницей поэзии Марией Лазич, дочерью отставного генерала. Это была серьезная, сдержанная, прекрасно образованная девушка, отличная музыкантша, ценительница поэзии. Она увлеклась стихами Фета и безоглядно влюбилась в их автора. Любовь была взаимной, но не принесла ни ей, ни ему счастья.

9 марта 1849 г. Фет писал другу:

«Я <...> встретил существо, которое люблю — и, что еще, глубоко уважаю. Существо, которое, если бы я со временем — да какое у меня, больного человека, может быть вре-

мя впереди — и сочетался законным браком хотя с царевной Помаре, то это существо стояло бы до последней минуты сознания моего передо мною — как возможность возможного для меня счастья и примирения с гадкою действительностию. Но у ней ничего, и у меня ничего — вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...»

Ни чувство, ни сознание того, что он встретил женщину, способную понять его и осветить его жизнь своей любовью, не смогли победить убеждения Фета в том, что он окончательно погибнет, женившись на бесприданнице.

«Я не женюсь на Лазич, и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений <...> этот несчастный гордиев узел любви или как хочешь назови, который чем более распутываю, все туже затягиваю, а разрубить мечом не имею духу и сил. <...> Знаешь, втянулся в службу, а другое все только томит, как кошмар...»

Любовь Марии Лазич была беспредельной, а вот любовь Фета отступила перед прозаическим расчетом. Роман завершился разлукой, за которой вскоре последовала смерть Лазич. Она погибла от полученных ожогов — ее платье вспыхнуло от уроненной по неосторожности или нарочно спички. Версия самоубийства кажется наиболее вероятной.

Всю последующую жизнь поэт тяжело переживал ее гибель. Памяти Лазич посвящены шедевры любовной лирики Фета.

*«Нет, я не изменил. До старости
 глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей
 любви,
И старый яд цепей, отрадный
 и жестокий,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между
 нас могила,
Хоть каждый день бреду
 томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня
 забыла,
Когда ты здесь, передо мной.
Мелькнет ли красота иная
 на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я
 узнаю;*

*И нежности былой я слышу
 дуновенье,
И, содрогаясь, я пою»*

В 1853 году Фет перешел в гвардейский уланский полк, расквартированный близ Волхова, в Крымскую кампанию находился в составе войск, охранявших Эстляндское побережье. Таким образом, он получил возможность бывать изредка в Петербурге, где сблизился с новой редакцией «Современника» — Некрасовым, Тургеневым, А. Дружининым, В. Боткиным. Полузабытое имя Афанасия Фета стало появляться в статьях, обзорах, хронике ведущего российского журнала, а с 1854 года его стихи уже широко печатались.

В 1856 году появилось новое издание стихотворений Фета. В том же году Фет оставил военную службу, так и не выслужив дворянства, поскольку планка все время повышалась: чтобы стать дворянином, нужно было получить уже чин полковника. Но поэзией он зарабатывал вполне прилично, что позволило ему совершить путешествие по Европе.

В 1857 году в Париже Фет женился (по расчету, без малейшей любви) на дочери богатейшего чаеоторговца и сестре своего почитателя В. Боткина — немолодой и некрасивой Марии Петровне, получив за ней солидное приданое, на которое он приобрел поместье в Мценском уезде. По-видимому, этот брак был исполнением определенной части жизненного плана, о чем он писал другу после смерти Марии Лазич:

«Итак, идеальный мир мой разрушен давно <...>. Ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга <...>. Если никто никогда не услышит жалоб моих на такое непонимание друг друга, то я буду убежден, что исполнил свою обязанность, и только».

Женой Марья Петровна оказалась хорошей, спокойной, хозяйственной, умевшей подлаживаться к характеру Фета.

«Он сделался теперь агрономом — хозяином до отчаянности, отпустил бороду до чресл... о литературе слы-

писал он в письме к одному из своих знакомых, намекая на отсутствие интереса и непонимание со стороны современников, увлеченных гражданской поэзией и идеями народничества.

Современники отвечали тем же:

«Все они (стихи Фета) такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если бы выучилась писать стихи», — так звучит хрестоматийная оценка Николая Гавриловича Чернышевского. Удивительно то, что несколькими годами ранее Чернышевский высказывал прямо про-

осле окончания Московского университета Фет неожиданно для всех круто изменил свою судьбу и поступил нижним чином в один из провинциальных полков в Херсонской губернии. Цель у него была одна — дослужиться до потомственного дворянства и вернуть утраченное положение, а также законную фамилию — Шеншин

шать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом», — так комментировал произошедшие с Фетом перемены И.С. Тургенев. И действительно, в течение долгого времени из-под пера талантливого поэта выходили только обличительные статьи о пореформенном состоянии сельского хозяйства, которые с удовольствием публиковали в реакционном «Русском вестнике».

Но еще до этого, в 1859 году, Фет решительно порвал все отношения с журналом «Современник».

«Людам не нужна моя литература, а мне не нужны дураки», — на-

тивоположное мнение о творчестве Фета, ставя его по таланту на второе место среди современных русских поэтов, — видимо, сразу после Некрасова. Он писал:

«Могу сказать мое мнение г. Фет — не Гете, даже не Лермонтов; но, после одного из нынешних наших поэтов, он даровитейший из нынешних наших лирических поэтов. У него много пьес, очень милых. Кто не любит его, тот не имеет поэтического чувства».

Кстати, Фет не остался в долгу: революционная демократия и народничество вызывали у него ужас и омерзение, а о романе Чернышев-

ского «Что делать?» он написал столь резкую статью, что даже «Русский вестник» не рискнул ее напечатать.

Трудный жизненный путь выработал в Фете мрачный взгляд на жизнь и общество. Его сердце ожесточили удары судьбы, а стремление компенсировать свои социальные нападки сделало его тяжелым в общении человеком. Он почти перестал писать, стал настоящим помещиком, работая в своем имении, был избран мировым судьей в Воробьевке. Так продолжалось почти 20 лет.

К литературному творчеству Афанасий Фет вернулся лишь в 1880-х годах, когда появился в Москве. Теперь он уже был не безродный бедняк Фет, а богатый и уважаемый дворянин Шеншин (в 1873 году сбылась, наконец, его мечта, получена дворянская грамота и фамилия отца), крупный орловский помещик и владелец особняка в Москве. Он снова сблизился со своими старыми друзьями: Полонским, Страховым, Соловьевым.

Будучи одним из самых утонченных лириков, Фет поражал современников тем, что это не мешало ему одновременно быть чрезвычайно деловитым, предприимчивым и успешным помещиком. Известная фраза-палиндром, вошедшая в «Приключения Буратино» Алексея Толстого, «А роза упала на лапу Азора», написана Фетом, о чем Толстой со свойственной ему скромностью предпочел умолчать.

Поэзия Фета — одна из вершин русской лирики. Сейчас в этом вряд ли кто-либо сомневается. Но современники Фета оценивали его

Мария Лазич

поэзию далеко не так высоко, как мы. Только Некрасов сказал о творческой силе Фета проникновенные слова, которые, наверное, многим тогда показались странными. Вот что он писал:

«Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным; но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области».

Но все было не так просто. Начало поэтической деятельности Фе-

та пришлось на самый трагический период истории русской поэзии. Только что был убит Пушкин. Вскоре убили Лермонтова. Через год после смерти Лермонтова погиб Кольцов. И как-то сразу сошли со сцены все видные поэты.

40-е годы — это время, когда пушкинское поколение могло достигнуть полного расцвета творческих сил. Но многие не пережили своей молодости. Еще до ранней кончины Пушкина русская литература потеряла Рылеева, Веневитинова, Грибоедова, Дельвига, а непосредственно вслед за Пушкиным — Полежаева, А. Одоевского, Дениса Давыдова, Козлова. В начале 40-х годов еще появлялись в журналах и

выходили отдельными сборниками стихотворения Баратынского и Языкова, но и эти два поэта ненадолго пережили «пушкинскую плеяду», Баратынский умер в 1844 году, Языков — в 1846-м году.

Крупнейший после Пушкина поэт его поколения — Тютчев, оторванный от русской литературной жизни и публиковавший свои стихи главным образом во второстепенных изданиях, почти всегда без полной подписи, был мало известен читателям и не привлекал внимания критики. С необычайным успехом дебютировавший в середине 30-х годов Бенедиктов, объявленный соперником Пушкина, потерял популярность у читателей так же быстро, как и приобрел ее. Правда, еще был жив Жуковский, но в конце своего пути — в 40-е годы и начале 50-х — он занимался только переводами да написал несколько сказок, в подражание пушкинским.

На опустевшую сцену в начале 40-х годов вышло новое поколение поэтов: Некрасов, Фет, Полонский, Огарев, Тургенев, Майков, Каролина Павлова, Плещеев... Среди перечисленных поэтов Фет, бесспорно, был самым даровитым. Но, к несчастью для него, 40-е годы, в особенности вторая их половина, и начало 50-х — это время резкого падения интереса к поэзии со стороны читателей, критиков, издателей и журнальных редакторов. В истории русской литературы не было периода, когда поэзия испытывала бы такое пренебрежение, как в эти годы.

Причины этих явлений понятны. Слишком резок был контраст между творчеством только что ушедших великих поэтов и юношескими опытами поэтической молодежи. Ни о каком соизмерении с предыдущей эпохой не могло быть и речи, всякое сравнение приводило к осуждению мелкости, бледности, узости современной поэзии.

Упадок интереса к поэзии как нельзя ярче сказался на судьбе стихов Фета. Ему рано пришлось осознать, что самое дорогое на свете — поэзия — может только оставаться домашним занятием, но не опорой в жизни. Надо было сделать выбор основных жизненных целей и путей — и он его сделал. К тому же всю жизнь его преследовали запутанные обстоятельства рождения, «чужая фамилия» и сплетни вокруг всего этого. Все эти досужие домыслы больно ранили самолюбие Фета, и он решил стать уже не потомственным, а столбовым дворянином. В 1873 году им было подано прошение «на высочайшее имя» о признании его потомственным дворянином Шеншиным. Фет сочинил такую версию своего рождения: он — сын А.Н. Шеншина, женившегося в Германии на вдове Шарлотте Фет, но брак их, совершенный по лютеранскому обряду, не был признан в России, и супругам пришлось венчаться вторично — уже по православному обряду. А проситель был рожден до этого второго венчания своих родителей — и при разбирательстве дела был поэтому объявлен сыном первого мужа своей матери.

«Канцелярия статс-секретаря у принятия прошений» потребовала от Фета представления документа о первоначальном, лютеранском венчании его родителей. Фет ответил, что в «настоящее время, по истечении 53 лет, лишен возможности разыскивать подлинный акт венчания». Это было неубедительно, но он имел хорошую репутацию в глазах правительства и ярко описал в своем прошении, какие «жесточайшие нравственные пытки» испытывал он всю жизнь. Прочтя прошение, царь Александр II сказал:

— «Je m' imagine, ce que cet homme a du souffrir dans sa vie». (Я представляю себе, сколько должен был страдать этот человек в своей жизни).

И разрешил Фету «принять фамилию ротмистра А.Н. Шеншина и вступить во все права и преимущества его по роду и наследию».

Фет превратился в Шеншина. Прежнюю фамилию он сохранил в качестве литературного псевдонима, но ревностно следил за тем, чтобы в быту, в адресах писем его именовали Шеншиным. Наконец-то сбылась мечта! Богатый помещик, полноправный дворянин продолжал выпускать поэтические сборники и заниматься публицистической и переводческой деятельностью.

Отношение общества к этой перемене было недоуменным или ироническим. Так, Тургенев написал Фету по этому поводу:

«Как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию».

Эпиграммы и насмешки проникли и в печать, но Фета-Шеншина

это не трогало. Он добился своей цели.

Более того, в 1888 году, в связи с «пятидесятилетием своей музыки», Фету удалось получить придворное звание камергера; день, в который это произошло, он посчитал, как и день, когда ему вернули фамилию «Шеншин», «одним из счастливейших дней своей жизни». В отличие от Пушкина, который присвоение ему аналогичного звания в гораздо более молодом возрасте, счел насмешкой и оскорблением.

Единственным близким Фету человеком из литературного мира в эту

Со временем отношения эти стали заметно холоднее. «Где тот жгучий интерес взаимного ауканья?» — писал Фет другу в 1883 году, а в письме великому князю Константину Константиновичу говорил:

«Беседа с могучим Толстым для меня всегда многозначительна, но, расходясь в самом корне мировоззрения, мы очень хорошо понимаем, что я, например, одет в черном, и руки у меня в чернилах, а он в белом, и руки в мелу. Поэтому мы ухищряемся обнимать друг друга, не прикасаясь пальцами, марающими приятеля».

ет решительно порвал все отношения с журналом «Современник». «Людям не нужна моя литература, а мне не нужны дураки», — написал он в письме своему знакомому, намекая на отсутствие интереса и непонимание со стороны современников, увлеченных в то время гражданской поэзией и идеями народничества

пору был Лев Толстой, с которым он часто виделся и переписывался. «Вы оба моя критика и публика, и не ведаю другой», — писал Фет в 1878 г. Льву Толстому и его жене. В свою очередь, Толстой отвечал Фету: «Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении дает мне тот другой хлеб, которым, кроме единого, будет сыт человек... Я свежее и сильнее Вас не знаю человека... От этого-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем умом сердца, как вы называете».

Социальное положение Фета формально было теперь таким, какого он желал. Но жестоко раненное смолу самолюбие требовало все новых компенсаций. Такой и стала возникшая в 1886 году дружба с великим князем Константином Константиновичем, писавшим посредственные стихи под инициалами К.Р.

Фет посвятил Константину Константиновичу и его жене много поздравительных, благодарственных и тому подобных стихов. Через Константина Константиновича он получил возможность поздравлять его

сестру — греческую королеву, дочь сестры и ее мужа — великого князя Павла Александровича. Эти стихи Фет включал в свои сборники. Он, очевидно, мечтал о сближении с царским двором, и эти мечты увенчались возделанным камергерским мундиром.

Смерть поэта в 1892 году, подобно его рождению, оказалась окутана тайной. К концу жизни его одолевали старческие недуги: резко ухудшилось зрение, так что пришлось нанять секретаршу — писать под диктовку, терзала «грудная болезнь», сопровождавшаяся приступами удушья и мучительнейшими болями.

Свое последнее стихотворение он начал словами:

*«Когда дыханье множит муки
И было б сладко не дышать...»*

За полчаса до смерти Фет настойчиво пожелал выпить шампанского, а когда жена побоялась дать его, послал ее к врачу за разрешением. Оставшись с секретаршей, Фет продиктовал ей необычную записку:

«Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному».

Под этим он сам подписал: «21-го ноября, Фет (Шеншин)». Затем схватил стальной стилет, но секретарша бросилась вырывать его и поранила себе руку. Тогда Фет побежал в столовую к буфету, очевидно, за другим ножом, и вдруг, часто задышав, упал на стул. Наступил конец.

Формально самоубийство не состоялось, но по характеру всего происшедшего это было заранее обдуманное самоубийство. Всю жизнь преодолевавший превратно-

*Мария Петровна Боткина,
жена Фета*

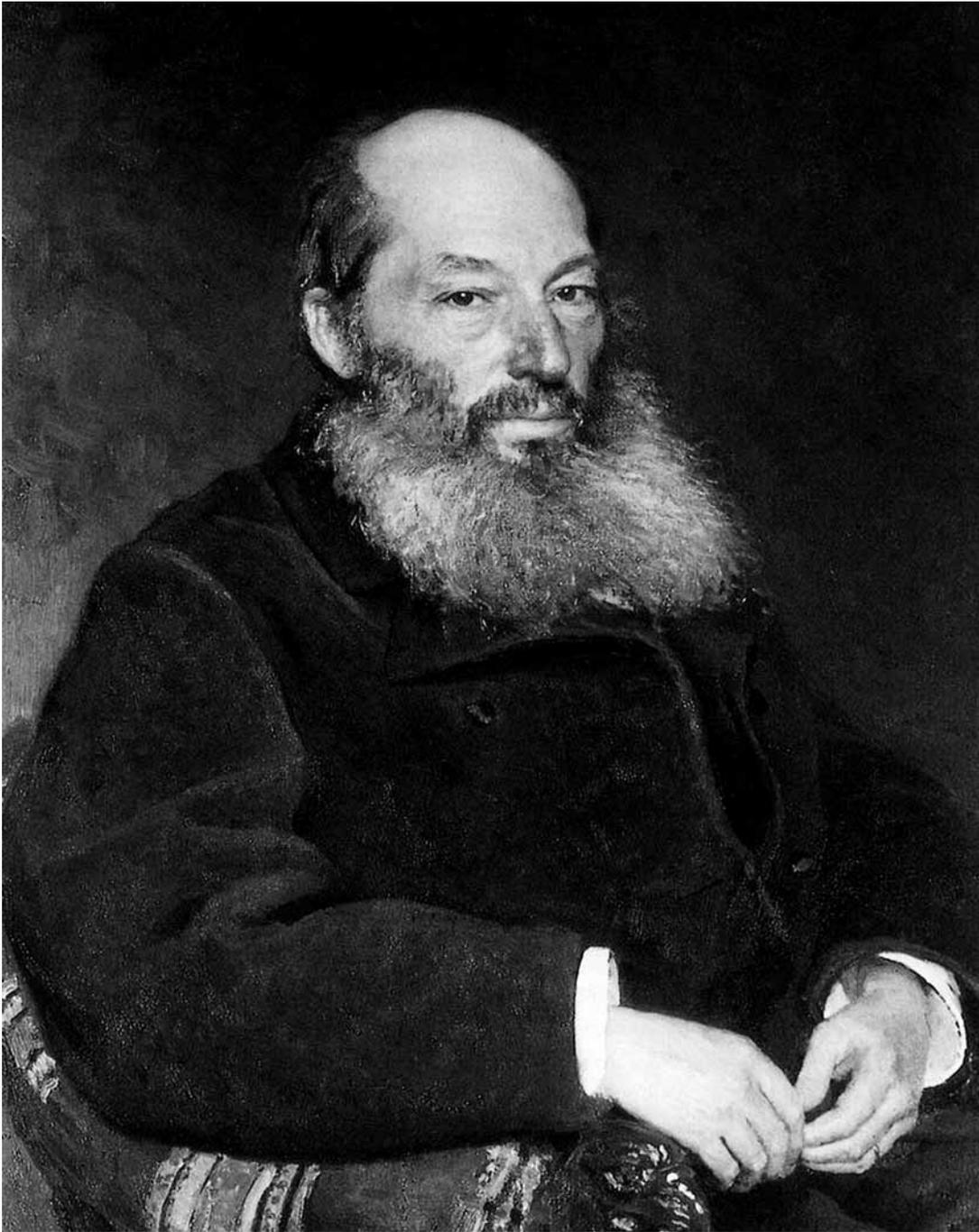
сти судьбы, поэт и ушел из жизни, когда счел это нужным.

Творческий путь Фета длился более полувека. Он выпустил свой первый сборник в один год с Лермонтовым, а последний — в один год с первым сборником Бальмонта.

Отношение к нему русской критики и русского читателя круто изменилось сразу после его смерти. Поэты новой школы ставили Фета на одно из первых мест в русской поэзии и объявили его своим прямым предшественником.

Брюсов писал о Фете в 1895 году:

«Я лучше всего определяю впечатление, которое он произвел на меня, если скажу, что то была моя первая любовь. Одно время я смотрел на

Фета как на божество, я упивался гармонией каждого стиха, я знал наизусть обе части издания 63 года и мог проводить целые часы, повторяя про себя фетовские стихи <...>. Вслед за Фетом я прочел Майкова, Лермонтова и Апухтина. Эти показались мне много более слабыми по сравнению с моим богом Фетом».

Глубже и непосредственнее всех символистов был связан с Фетом Блок. Ассоциативная семантика Фета открыла путь к символам Блока, и многое определила в дальнейшем развитии русской поэзии.

Через считанные годы после смерти Фет стал классиком поэзии, и остается им по сей день.

Афанасий Фет

* * *

Ты прав: мы старимся.
Зима недалеко,
Нам кто-то праздновать мешает,
И кудри темные незримая рука
И серебрит и обрывает.
В пути приутомясь, покорней мы
других
В лицо нам веющим невздам;
И не под силу нам безумцев
молодых
Задорным править хороводом.
Так что ж! ужели нам, покуда
мы живем,
Вздыхать, оборотясь к закату,
Как некогда, томясь любви
живым огнем,
Любви певали мы утрату?

Нет, мы не отжили! Мы властны
день любой
Чертою белою отметить,
И музы сирые еще на зов ночной
Нам поторопятся ответить.
К чему пытаться судьбу? Быть
может, коротка
В руках у парки нитка наша!
Еще размывчива, душиста
и сладка
Нам Гебы пеннистая чаша.
Зажжет, как прежде, нам
во глубине сердец
Ее огонь благие чувства, —
Так пей же из нее, любимый наш
певец:
В ней есть искусство для искусства.

* * *

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханье весны
всепобедной
Не поминай мне, о друг мой
прекрасный,
Ты о любви нашей робкой
и бедной.
Дышит земля всем своим
ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;

Самое небо с нетленным
закатом
В тихом заливе себя повторяет.
Что же тут мы или счастье
наше?
Как и помыслить о нем
не стыдиться?
В блеске, какого нет шире
и краше,
Нужно безумствовать —
или смириться!

* * *

Еще акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла.

Дышал горячий ветерок,
В тени сидели мы друг с другом,
И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.

Жужжал пчелами каждый куст,
Над сердцем счастье тяготело,
Я трепетал, чтоб с робких уст
Твое признание не слетело.

Вдали сливалось пенье птиц,
Весна над степью проносилась,

И на концах твоих ресниц
Слеза нескромная светилась.

Я говорить хотел — и вдруг,
Нежданным шорохом пугая,
К твоим ногам, на ясный круг,
Спорхнула птичка полевая.

С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать «прости» чему-нибудь
Душе казалось утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.

* * *

Когда мечтательно я предан
 тишине
И вижу кроткую царицу ясной
 ночи,
Когда созвездия заблещут
 в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться
 очи,

И близок час уже, условленный
 тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного
 пугает;

И нетерпение сосет больную
 грудь,
И ты идешь одна, украдкой,
 озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной
 заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо,
 улыбаясь,

Ты на слова любви
 мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать
 стараясь речи,
Дыханьем пламенным дыхание
 ловлю,

Целую волоса душистые
и плечи,
И долго слушаю, как ты
молчишь, — и мне

Ты предаешься вся
для страстного лобзания, —
О, друг, как счастлив я,
как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового
свиданья!

* * *

О, долго буду я, в молчанье ночи
тайной,
Коварный лепет твой, улыбку,
взор случайный,
Перстам послушную волос
густую прядь
Из мыслей изгонять и снова
призывать;
Дыша порывисто, один, никем
не зримый,
Досады и стыда румянами
палимый,

Искать хотя одной загадочной
черты
В словах, которые произносила
ты;
Шептать и поправлять бывшие
выраженья
Речей моих с тобой, исполненных
смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем
будить ночную тьму.

* * *

Солнце ниже лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной
волной,
Чтоб и мне было сладко
вздохнуть;

Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде
ключевой!
Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный
навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый
лес! □

ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ

ГЛОТОК

Татьяна Харламова

По преданию, Николо-Перервинская обитель была основана во времена Куликовской битвы. Расположенная на высоком берегу Москва-реки, откуда были видны «сорок сороков московских церквей», она всегда была поистине обителью, «тихим островком» среди житейского моря. История монастыря неразрывно связана с историей нашего Отечества.

Примечательно само его название, полученное от близлежащей

местности — Перерва. Москва-река изменяет здесь свое русло, как бы «прерывая» его, и поворачивает вправо к селу Коломенское, расположенному как раз напротив обители на другом берегу. Именно это название послужило основанием для пророческих слов, которые в свое время произнес митрополит Московский Платон: «Перерва! Не страшись своего наименования, ибо Бог не допустит тебе прерваться! Воздай хва-

...Если идти от Южного порта вдоль набережной Москва-реки, то можно увидеть издали громадные голубые купола, уходящие в небо и сливающиеся с ним. Это купола одного из самых красивых и намоленных монастырей в Москве — Николо-Перервинского в Печатниках.

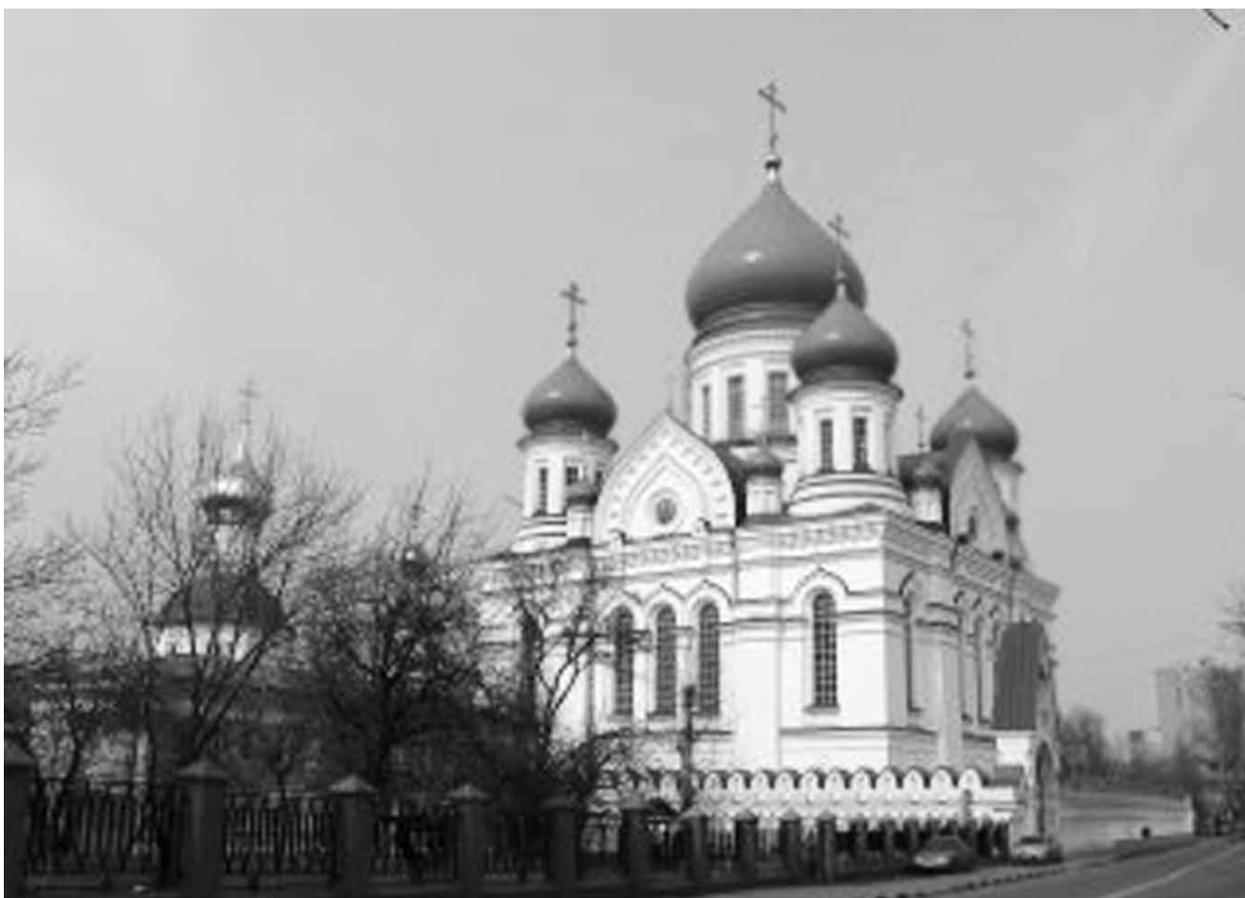
Шум, суета, гул многочисленных машин, даже само название улицы, где стоит монастырь, — Шоссейная. Но вот заходишь в обитель — и там совсем другая жизнь. Тишина, глубокая и невесомая. Весной в монастырском саду — море тюльпанов, а летом — разноцветье царских роз, за которыми трепетно ухаживают. Можно просто посидеть на скамейке, впуская в душу целебный покой, или покормить белочек, круглыми сутками скачущих в большом уютном загоне. Сюда многие приходят, запасаясь орешками. И вообще, побывав в монастыре один раз, обязательно захочется придти сюда еще и еще. Потому что в нашей очень нелегкой московской жизни просто необходим такой островок тепла и покоя, где можно снять напряжение и выплеснуть весь накопившийся негатив.

По воскресеньям здесь проводится Божественная литургия, начинается она в шесть часов утра, а поздняя — в девять. На причастие приходит столько народу, что храм не может вместить всех, и порой люди даже в дождь и слякоть стоят под зонтами с маленькими детьми на улице. Но они не ощущают холода, сама атмосфера сближает их, делает мягче и добрее. Здесь тепло всем.

лу Провидению, которое печется о тебе, и никогда не переставай совершенствоваться, идти вперед по тому пути, на который так успешно ступила».

Первоначально монастырь именовался «Никола Старый», но уже в летописях XIV века его называют «Перервинским». В 1623 году в «Указе царя Михаила Феодоровича из Приказа Большого Дворца» упоминалось о деревянной церкви Николая Чудо-

творца и об игумене и двух старцах, живущих в обители. Историки предполагают, что в Смутное время монастырь был разорен поляками, подобно многим другим. При царе Феодоре Михайловиче он был отстроен заново, а в царствование Алексея Михайловича положение обители значительно улучшилось. Благодаря царским дарам и пожертвованиям влиятельных лиц здесь были построены несколько новых храмов.

Николо-Перервинский монастырь

Новейшая история Николо-Перервинской обители начинается со времени пребывания здесь десятого и последнего перед Синодальным периодом Патриарха Московского и всея Руси Адриана (годы патриаршества 1690–1700). В трудное время петровских преобразований он был противником западных обычаев, чтит русскую старину и стоял за чистоту православной веры. Не желая вступать в борьбу с царем, поскольку тот считался «помазанником Божиим», он отошел от дел и уединился в любимом им Николо-Перервинском монастыре, обустроив здесь кельи — приют для уединенного молитвенного жития.

Крыльцо Иверского собора. Вдали — Никольский собор

В феврале 1696 года патриарх серьезно заболел, поэтому практически уже не покидал обитель. Глядя на дивную панораму Москвы, открывавшуюся из монастыря, он горячо молился о Святой Руси и просил Господа защитить православную веру от иноземцев и иноверцев, устремлявшихся на русскую землю.

Еще одна веха в истории Николо-Перервинской обители связана с именем замечательного русского иерарха, человека высоких духовных дарований и святой жизни — митрополита Московского Платона (1775–1812). Прекрасный проповедник, именуемый в Москве вторым «Златоустом», законоучитель и вос-

питатель императора Павла Первого, он воспитал целое поколение священников. Один из самых просвещенных людей своего времени, Платон видел недостаток духовного образования, потребности которого не могли удовлетворить существовавшие тогда две духовные школы — Славяно-греко-латинская академия и Троицкая семинария. Выбор его пал на, казалось бы, заштатный Николо-Перервинский монастырь, стоящий недалеко от Москвы, но в то же время удаленный от столичной суеты. В 1775 году он, в то время архиепископ Московский и Калужский, основал здесь семинарию, которая по праву стала именоваться Плато-

Памятник митрополиту Платону

новской. Митрополит Платон до конца дней своих заботился о семинарии, вникал в каждую деталь ее жизни, заботился о семинарском хозяйстве, одежде для семинаристов, трапезе. Особое внимание он обращал на преподавание, присут-

Иверский собор

ствовал на экзаменах, задавал вопросы, слушал ученические проповеди и радовался любому проблеску таланта, любому успеху в науках. Так, на экзамене в Перервинской семинарии он заметил способного ученика — Алексея Виноградского, бедного сироту. Написанные им латинские стихи понравились владыке, и он стал выделять его, увидев в нем своего преемника—архиепископа Августина. То же случилось и с другим учеником — будущим митрополитом Московским Серафимом Глаголевским.

Платоновская семинария просуществовала почти сорок лет. Ее сменила Московская Перервинская семинария. Мало кому известен тот факт, что Московская духовная се-

Никольский собор

Старый семинарский корпус и надвратная церковь

минария, которая находится в Троице-Сергиевой лавре, имеет свои истоки в Николо-Перервинском монастыре.

Традиции сохранились. Духовная семинария Николо-Перервинского монастыря и сейчас принимает молодых одаренных людей. Сегодня здесь обучаются 47 семинаристов. Практику они проходят во время службы в храмах. Срок обучения, как в обычном вузе — пять лет.

В монастыре несколько великолепных храмов. Главный из них — храм Иверской Богоматери. У этой самой почитаемой иконы всегда горят свечи, здесь каждый день читают акафист и священники, и просто

верующие. Известно, что именно Иверская чудотворная всегда заступалась за Святую Русь.

8 сентября 1908 года состоялось освящение вновь построенного собора Иверской Богоматери. Чудотворную икону несли из Кремля через всю Москву. Десятки тысяч человек приняли участие в крестном ходе. Во главе процессии следовал митрополит Московский Владимир. Из всех 24 храмов, находящихся по пути, под колокольный звон выносили хоругви и иконы, громадные толпы богомольцев сопровождали эту необычную процессию.

Пройдя через всю Москву, митрополит Владимир у Покровского мо-

настыря оставил крестный ход и направился на лошадях в Перервинскую обитель, чтобы там встретить шествие, которое было по-настоящему триумфальным. Богомольцы, неся чудотворную икону, передавали ее из рук в руки, а когда вечером процессия прибыла к монастырю, там яблоку негде было упасть. Чудотворная Иверская икона была внесена в храм, поставлена на особое место, после чего состоялось торжественное всенощное бдение, и в храме, и под открытым небом. Архитектором этого величественного храма, рассчитанного почти на три тысячи богомольцев, является П.А. Виноградов. Красивый резной вызолоченный иконостас был сооружен И.А. Соколовым, а святые иконы писаны по вызолоченному фону придворным иконописцем В.П. Гурьяновым.

Роспись храма началась в 1910 году. Артелью художников руководил реставратор и иконописец В.П. Гурьянов. Он происходил из семьи потомственных художников — иконописцев Владимирского села Мстеры. Образцом для Гурьянова, как и для многих художников того времени, было творчество В. Васнецова, его росписи кафедрального Владимирского собора в Киеве.

...Приблизился 1917 год... Несмотря на тяжелые времена, обитель продолжала вести большую просветительскую и благотворительную работу, здесь постоянно проходили религиозно-нравствен-

ные чтения. А потом судьба обители слилась с трагической судьбой всей России. Храмы на долгие годы превратились в завод, где алтарь и иконы вытеснили станки.

Известно, что в годы революционного лихолетья грабители не раз проникали в Иверскую часовню. С иконы были сорваны корона и убрус, похищены драгоценные камни. Что не сделали грабители, довершила власть. Только несколько лет назад она была восстановлена. Все возвращается на круги своя. И икона Иверской Богородицы по сей день является одной из самых почитаемых.

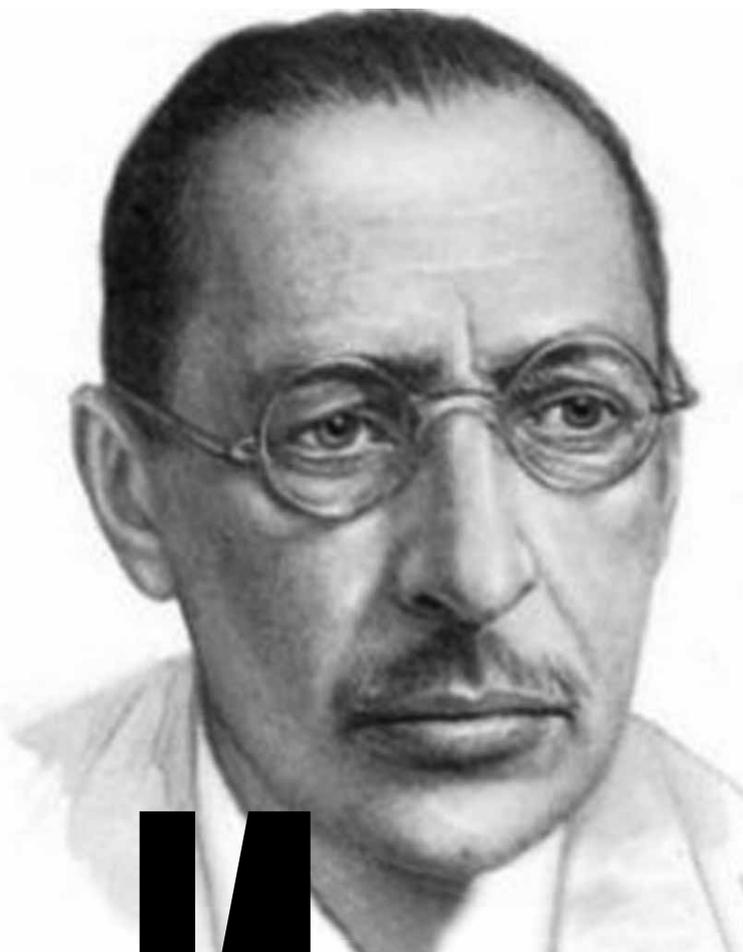
В монастыре регулярно организовываются паломнические поездки по святым местам, продолжается его большая благотворительная работа. В воскресной школе уже двадцать лет ведутся занятия для детей от четырех лет и взрослых. Во время школьных каникул монастырь организует православный детский лагерь под Звенигородом. Речка, лес, совместные молитвы в храме, беседы с батюшкой у костра — такое не забывается.

... Неспешно течет под стенами монастыря Москва-река. Неспешно течет и духовная жизнь обители. Где, как не здесь, можно обрести умение жить, наслаждаясь каждым ее мгновением? Не торопиться, не бежать, не спешить. Начать путь к гармонии с собой и окружающим нас миром. □

Евгения Гордиенко

Какой должна быть классическая музыка, чтобы зрители, впервые услышав, освистали ее и пылали праведным гневом? Как минимум — не быть классической, отходить от канонов настолько, насколько это вообще возможно. И кем должен быть композитор, написавший такую музыку? Как минимум — гением, ведь посредственностей не освистывают — их просто не замечают...

Именно гением был тот, кто потребовал в свой первый заграничный паспорт в графу «профессия» записать «изобретатель музыки». Он действительно изобретал ее — музыку, такую но-

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

вую, но ставшую со временем образцом классики и вкуса. И сам он стал одним из самых известных композиторов не только своего времени, но и всей музыкальной истории человечества. Именно потому, что Игорь Стравинский был настоящим изобретателем музыки...

Семья, в которой родился будущий композитор, словно и не предполагала какого-то другого будущего для ребенка, кроме как музыкального. Отец, Федор Игнатьевич, был прославленным певцом Мариинского театра, а мать — знаменитой пианисткой. В юном возрасте Игорю суждено было увидеть на юбилейной постановке «Руслана и Людмилы» самого Чайковского, чья музыка всегда восхищала его.

Однако в детстве будущий композитор мало занимался музыкой. Правда, к ним домой приходила учительница, но единственное, что он запомнил о ней, это то, что она запрещала ему импровизировать за роялем. Поэтому, достигнув определенного возраста, Стравинский по настоянию родителей поступил в университет... на юридический факультет.

Но талант не спрячешь. С юных лет вращаясь в музыкальных кругах, Стравинский впитывал в себя все, что мог предложить ему этот круг. И, прежде всего, — общение. С Дягилевым, Дебюсси, Римским-Корсаковым. Именно последний и стал настоящим наставником будущего композитора. Благодаря Римскому-Корсакову музыкальное образование, полученное Стравинским, было настолько полным, что уже через три года первое произведение, написанное им, исполнялось в зале Петербургской музыкальной школы.

По-настоящему же знаменитым Стравинский стал через несколько лет, когда ему было всего двадцать восемь. Слава пришла вместе с показом в Париже балета «Жар-птица». С этого момента и начался триумф композитора, не прекращавшийся более шестидесяти лет...

Стравинский был невероятным трудоголиком. По его собственным словам, процесс сочинения музыки он осуществлял «не по наитию, а ежедневно, регулярно, наподобие человека со служебным временем».

Даже когда ему было уже далеко за семьдесят, он работал по 10 часов в сутки — до обеда над сочинением музыки 4–5 часов, и после обеда 5–6 над оркестровкой или переложением.

Но все это будет позже.

А пока «Жар-птица», написанная по заказу Дягилева, имела в Париже бешеный успех. Публика была в восторге не только от русского балета как такового, но и от необычной музыки. Однако появившиеся после «Жар-птицы» «Петрушка» и особенно «Весна священная», постановщиком которой был сам Нижинский, вызвали уже резкое отторжение публики. И немудрено — эта музыка

няла его музыку, но со временем понял, что ориентироваться на зрителя — не самый верный путь для композитора. И оказался прав.

С 1910 года он вместе со всей семьей подолгу жил за границей, а в 1914 окончательно перебрался в Швейцарию. Это было связано со здоровьем жены Екатерины, которая страдала от туберкулеза и жить в Петербурге не могла совершенно...

История их брака довольно загадочна. Прежде всего, Игорь Стравинский и Екатерина Носенко приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Как им удалось обойти церковный запрет на браки между родственниками — загадка.

По-настоящему знаменитым Стравинский стал в двадцать восемь лет. Слава пришла к нему вместе с показом в Париже балета «Жар-птица». С этого момента и начался триумф композитора, не прекращавшийся более шестидесяти лет...

оказалась слишком сложной для зрителя. Она изобиловала диссонансами, была полна экспрессии и рваных ритмов. И зритель оказался к ней просто не готов.

Дягилеву после начавшегося во время спектакля шума и свиста пришлось даже вызвать полицию, однако представление продолжалось. И по окончании его Дягилев кратко сказал: «Это именно то, чего я хотел»...

Сам Стравинский был огорчен тем, что публика поначалу не при-

Однако они счастливо прожили вместе более 30 лет, воспитав четверых детей. Младшая дочь, Милена, родилась в 1914 году уже в Швейцарии, где семья и осталась из-за расстроенного здоровья Екатерины Гавриловны.

Когда в России началась революция, Стравинские оказались отрезаны не только от дома, но и от всех материальных благ. Молодая страна, появившаяся на месте Российской империи, не спешила зани-

ние Дягилева привело к ссоре между друзьями.

Правда, вскоре отношения были восстановлены, а вот при переезде в Париж в 1920 году оказалось, что жить семье Стравинского не на что...

И на помощь композитору пришла женщина, с которой ему много лет приписывали роман, — Коко Шанель. Будучи давней знакомой Дягилева и поклонницей его «Русских сезонов», она пригласила Стравинских на свою виллу «Бель Респир»

В отличие от жизни многих людей искусства, жизнь Стравинского никогда не была... неупорядоченной. Постоянный труд был для него необходимостью, он всегда находил вдохновение — и силы — в работе. И, как большинство людей, занимающихся любимым делом, прожил достаточно долгую жизнь.

мать себя такими маловажными вопросами, как вопросы авторского права. В результате все опубликованные в России произведения, включая «Жар-птицу», было разрешено исполнять где угодно, ничего не платя автору.

Этим воспользовался всегда искавший выгоду Дягилев, работая с музыкой Стравинского в своих спектаклях. Композитору пришлось делать новые редакции произведений и обеспечивать их авторским правом, чтобы избежать подобного в будущем. Однако такое поведе-

ро» в Гарше, где сама, имея хорошую квартиру и множество дел в Париже, появлялась далеко не каждый день. Два года семья композитора жила на вилле, а самому Стравинскому при этом выделялись деньги на организацию концертов.

Шанель не просто разрешила им жить в своем доме, но и потом в течение почти тринадцати лет выплачивала им ежемесячный пенсион. Композитор так привык к денежному содержанию со стороны Коко, что считал ее помощь почти обязанностью и даже писал сердитые

письма, если она задерживала очередную выплату...

Невзирая на слухи, у Стравинского, скорее всего, не было романа с Коко Шанель. Его интересовали ее деньги, а не чувства. А чувства он питал совсем к другой женщине, с которой у него был многолетний роман.

Ее звали Вера Судейкина. Она успела не раз побывать замужем и сменить множество фамилий — Боссе, Люри, Шиллинг. Позже — Стравинская. Когда в 1921 году Стравинского и Веру познакомил Дягилев, она была женой Сергея Судейкина, театрального художника и живописца. Она обладала многими талантами — актриса, танцовщица, художник по костюмам. Познакомившись со Стравинским, Вера оставила мужа и переехала в Париж, где вместе с подругой открыла магазинчик

Вера Стравинская

модных и театральных аксессуаров, а по заказу Дягилева делала костюмы для балетов его труппы.

Стравинский не собирался бросать семью, но в страшном для него 1939 году почти одновременно от туберкулеза умерли мать, жена и одна из дочерей. Вера в эти тяжелые дни находилась рядом с ним. Она вообще все эти годы была рядом и...ждала.

Они поженились в 1940 году, почти через 20 лет после первой встречи, и вместе уехали из воюющей Европы в Америку.

За все годы жизни в Европе и Америке Стравинскому пришлось выучить множество языков. Он остался в истории как уникальный пример композитора, свободно владеющего семью языками: русским, английским, немецким, французским, итальянским, латинским и

ивритом. А его библиотека в Лос-Анджелесе, библиотека страстного читателя, насчитывала около 10 000 томов.

Приехав в Америку в возрасте почти 60 лет, Стравинский едва ли мог принять эту страну как свою. Он жил в ней, но любить продолжал Россию и Европу. Спасала, как всегда, работа. За годы жизни в Америке он написал немало, но основными произведениями этого периода считаются «Священное песнопение», «Плач пророка Иеремии» и «Заупокойные песнопения».

Несмотря на ссоры с Дягилевым из-за авторских прав, по-настоящему судился Стравинский всего лишь один раз — с Уолтом Диснеем

и его кинокомпанией. Великий мультипликатор использовал музыку Стравинского для фильма «Фантазия» без разрешения автора. Увидев диснеевских динозавров, сражающихся на фоне доисторического пейзажа под музыку из «Весны священной», Стравинский отметил, что «не видел ничего более идиотского».

Справедливости ради стоит отметить, что однажды композитор и сам пострадал за «плагиат»: был арестован в США за попытку аранжировки государственного гимна. Где еще могло такое случиться, как не в Америке?

Происходило со Стравинским и немало забавного. Так, например, будучи чрезвычайно озабоченным своим здоровьем и возя с собой целую аптеку, однажды он потребовал у врачей, чтобы они вырезали ему аппендикс «в профилактических целях».

Еще более смешной случай произошел со Стравинским в Риме, где во время Первой мировой войны он познакомился с Пикассо. Великий художник, восхитившись талантом Стравинского, написал его портрет — в своей манере, разумеется, — и подарил композитору. Когда же Стравинский вывозил портрет из Италии, пограничники задали ему вопрос:

— Это у вас что такое, синьор, вот эти кружки и линии?

— Мой портрет работы Пикассо.

Посоветовавшись, таможенники все же конфисковали портрет, решив, вероятно, что это план какого-то стратегического сооружения...

Много позже, на аукционе в Лондоне продавалось с молотка первое издание партитуры одного из ранних балетов Стравинского. Желающих приобрести эту редкость было немало, но один из присутствовавших — старый седой господин — все время набавлял цену. В конце концов, партитура досталась ему — за три тысячи фунтов стерлингов.

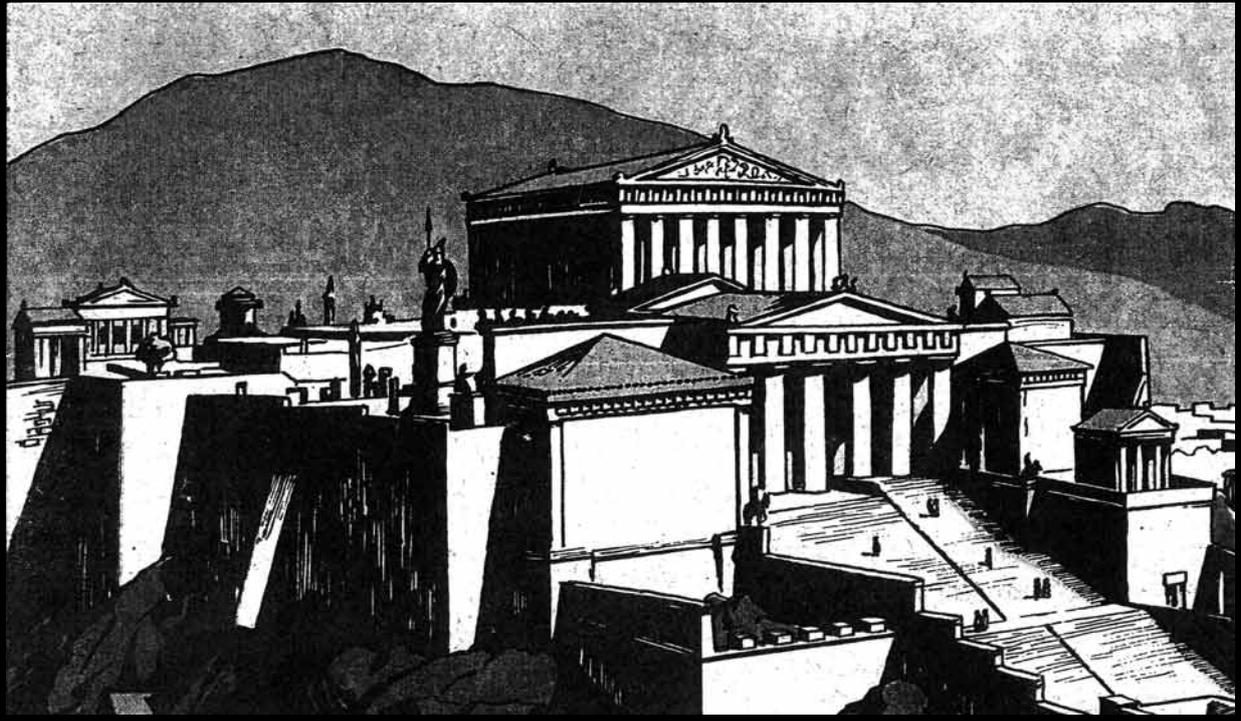
Репортеры заседали:

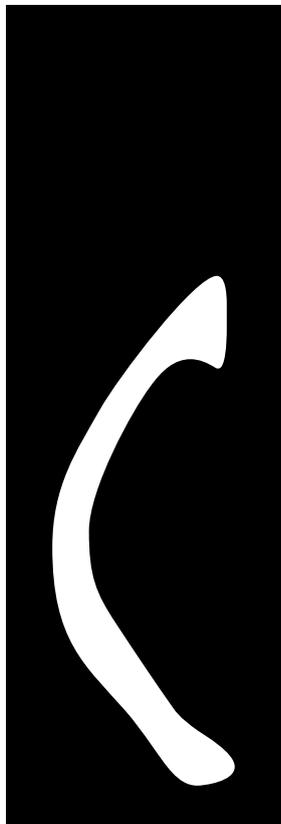
— Кто вы, и почему решили купить партитуру во что бы то ни стало?

— Игорь Стравинский. Я никогда не представлял себе, что за собственную партитуру придется платить вдвое больше того, что когда-то в молодости я получил за весь балет!

В отличие от жизни многих людей искусства, жизнь Стравинского никогда не была... неупорядоченной. Хоть его, как и всякого человека, разумеется, периодически накрывали волны грусти, или в жизни начиналась черная полоса, он всегда находил отдохновение — и силы — в работе. Постоянный труд был для него необходимостью. И, как и большинство людей, занимавшихся любимым делом, он прожил достаточно долго. Скончался Игорь Стравинский в 1971 году, не дожив всего 2 месяца до своего 89-летия.

Опередив во многом свое время, великий композитор сделал главное — он научил зрителя, не раз освистывавшего его произведения, смотреть вперед, думать, развиваться и расти — главным образом, над самим собой... □

Валерий Акимов

СЛЕПЕЦ

— Открой! Открой же! Черт возьми, открой! Прошу... — Голос его гремел, так же сильно гремели и удары в дверь. Но минуту спустя Эдип замолчал, шепча в омрачающей рассудок лихорадке: «Прошу, прошу, прошу...» Он ничего не чувствовал, он забыл, где находится, что с ним происходит, какое безумие охватило его — Эдип словно бы исчез, исчез человек со всей его памятью, со всеми словами о том, кто он на самом деле. Остался только мир и события, из которых он состоит, остался пронзительный до костей ужас, населяющий душу при одном только взгляде на изнанку мира, являющейся его настоящим ликом.

Вдруг новое затмение накатило на Эдипа, оно вселило в его тело невыразимую ярость, и новая сила вспыхнула в нем. Выпрямившись и отшагнув от двери, Эдип навалился на нее, еще и еще раз, пока, наконец, та не слетела с петель и не рухнула. Вслед за яростью наступила невероятно тонкая тишина, царящая то ли в самом пространстве комнаты, то ли в душе Эдипа. Он шагнул внутрь.

Посреди комнаты в нескольких сантиметрах от пола висело в петле тело его жены. Эдип вспомнил, как несколько минут назад держал

в руках меч, зовя царицу, разрываясь в собственных желаниях уничтожить весь тот позор, который он навлек на свою судьбу и судьбу этой несчастной женщины, ставшей ему и матерью, и женой, матерью его сыновей.

Стоная и плача, Эдип подошел к телу, прикоснулся к руке, ожидая, что она ответит на это прикосновение, и все это окажется лишь страшным сном. Но мгновения надежды быстро улетучились, и действительность вновь воцарилась в мире. Эдип взвыл от бессилия и отчаяния, вынул из ножен меч и перерубил веревку. Поймав тело царицы — меч с лязгом упал на пол, — положил его перед собой. Смерть страшно преобразила лицо царицы, но Эдип смотрел на это лицо без всякого ужаса и молчал. Молчало все — мысли ушли в небытие, чувства потухли, а сердце перестало биться, безумие сменилось умиротворяющим покоем, в котором застыли мгновения краха и кошмара. Эдип положил руку на плечо царицы и нащупал кончик короткой золотой спицы.

«Слепой, — прошептал он про себя, — я не знал, в какую пламень бросаю свою жизнь, судьбу. Хотя, что есть судьба, и безжалостна ли она на самом деле, как говорят жрецы? О, нет, не безжалостна, а бесхитростна, ибо, будь она безжалостной, ей бы доставляло удовольствие лицезреть наши терзания и боль, когда мы, самонадеянно думая, что обманули саму судьбу, снова становимся ее жертвами. А она смеется над нами — смеется где-то рядом смехом старого хитреца и обманщика, для которого уже нет ни морали, ни закона. Слепой, я не знал, что делаю. Но что значит знать в мире, где зрячий видит порой меньше, чем чувствует слепец? Судьба бесхитростна — человек безжалостен, ибо у сил, стоящих выше этого мира, иллюзия которого оборачивается против человека правдой, а правда — иллюзией, нет человеческих чувств, делающих людей падшими созданиями. Я слепой, слепой... Убил отца, сам того не ведая. Бежал от проклятья и к нему же вернулся. Я — брат собственных детей. Хуже меня вряд ли еще когда появятся на свете люди. Они будут помнить меня — слепого Эдипа, трезвого в уме, но глухого в божественных глубинах мироздания».

Он вынул из одежды спицу, сжал ее в кулаке, направив острием в лицо, и ударил себя в левый глаз. Из глазницы густым темно-красным потоком заструилась кровь, одновременно из легких вырвался леденящий крик, став несмолкаемым, — Эдип кричал до тех пор, пока полностью не ослепил себя, пока глаза, наконец, не вытекли из его глубоких глазниц, а кровь не скрыла его лицо. Он бил себя беспощадно — слепцу глаза ни к чему.

Его вела рука — легкая худая рука какого-то слуги. В Фивах была ночь, и город спал, молчаливый в своем забвении. Только Эдип, призвавший велением раскаявшегося разума вечную тьму на свои глаза, шел, аккуратно переставляя ноги. Мир, утративший краски, формы, очертания, которые можно было увидеть за десять шагов, за двадцать, стал теперь опасным, таящим какую-то загадку, будто, стоит Эдипу сделать поворот в какую-нибудь другую сторону, как тут же все бесповоротно изменится.

Слуга вывел Эдипа во двор, где его ждал Креонт.

— Я чувствую ветер, — хрипло вымолвил царь. Креонт увидел в сиянии луны пустые глазницы Эдипа и замер. — Кто здесь?..

— Это я, Эдип, Креонт. Что ты с собою сделал?

— Теперь я тот, кем был всегда, милый Креонт, — слепой. Мне ни к чему видеть. Ребенком я должен был быть убитым. Но ведь судьба — она неумолима. И я убил отца, как говорил оракул, как решил рок. Я женился на собственной матери. Мне не дано было видеть душой — я видел лишь глазами, и то, что я видел, казалось мне правдой. Но, Креонт, глаза мне уже не нужны, я более не достоин видеть.

— Что с царицей?

— Она мертва. Убила себя, не выдержав позора. Креонт, Креонт... Я обещал найти убийцу царя — что ж, вот он. Я учиню над собою расправу.

— Ты уже учинил.

— Это наказание, Креонт, наказание мне, человеку. Как царю... На заре я покину Фивы, и болезнь отпустит город. Гармония вновь придет в эти стены, и жизнь снова будет парить здесь, дышать и награждать своим дыханием людей.

— Эдип...

— Да, Креонт?

— Ты сам себе судья, я знаю, и от решения своего не оступишься, но ты теперь незрячий, как ты пойдешь? Как выживешь?

— Судьба, Креонт, судьба. Никто не пойдет со мной. Я — один. А Фивы расцветут вновь. Я поклялся в этом, и теперь пора выполнить клятву.

Его провожали братья, собственные дети. Эдип просил у них прощения, они же молча плакали, и он вслушивался в этот плач. Креонт стоял неподалеку.

Неужели так беззащитен человек перед властью рока? Неужели ничто не может скрыться от тирании судьбы? Царь поднял голову, подставив лицо под порывы ветра, и, ощутив безграничную свободу, затеплившуюся

в сердце, подумал: «Это необыкновенно!» Перестав видеть, он начал чувствовать — таинство бытия, как человеческого, так и божественного, стало проникать в него, вливаться тонкой струйкой прохладной воды, и Эдип вкушал сладкий вкус воли и знал, что, искупившись и вытерпев проклятье, он имеет право принять этот дар. Предрассветный сумрак был для него великим чудом; сейчас настанет утро, сейчас вспыхнет заря и будет разгораться дивным пламенем, пока не разбухнет день, и жара не накроет своим существом Фивы — теперь уже свободные от оков провидения и деяний рока. Эдип переживал наступление рассвета так, как никто из людей.

— Мне пора, — обнимая Креонта, сказал он.

Подходя к городским воротам, Эдип услышал голос сестры. Антигона подбежала к брату и, вцепившись в его плечо, твердо проговорила:

— Я пойду с тобой.

Поняв, насколько сестра решительна в своем намерении, Эдип не стал ее отговаривать, сказал только:

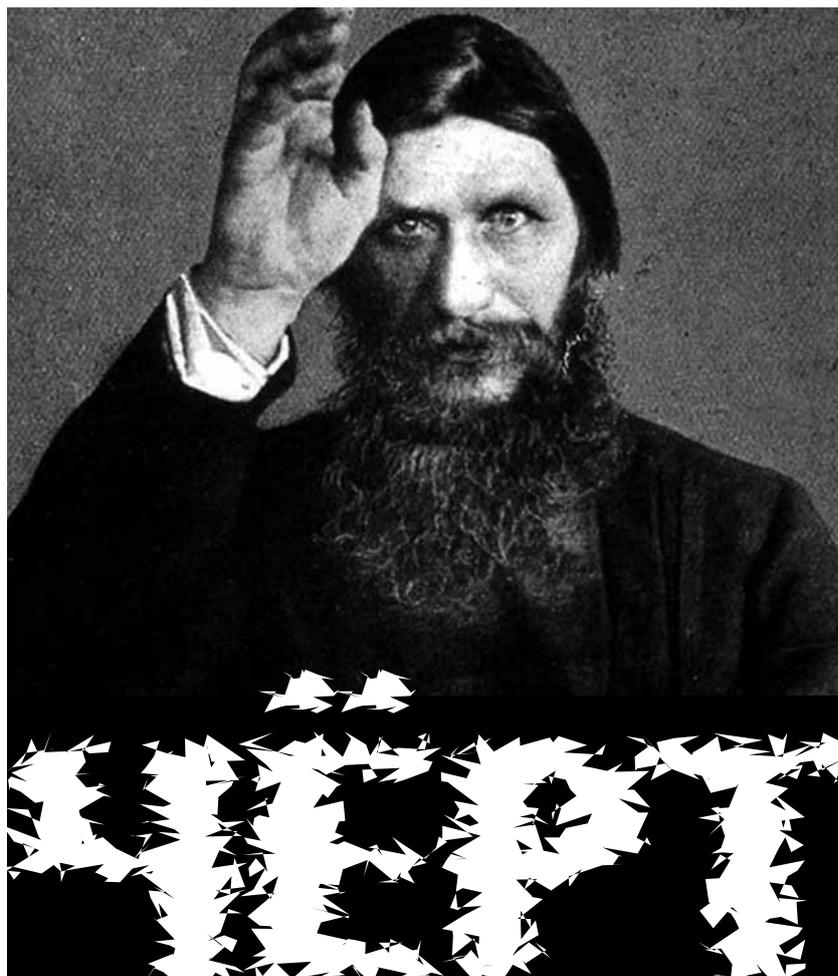
— Хорошо, мы пойдем вместе.

Далеко в степи зажегся огонь, растекаясь по линии горизонта. То была заря. Не боясь тьмы, она гордо поднималась над землей, освещая своим ликом все, не оставляя места для тени. Солнце светило ранними лучами в лица двух путников, которые шли все дальше и дальше навстречу ему, в чужие земли и чужие страны.

Слепец и человек, готовый идти за слепым, как за юродивыми безумцем, зная, что каждый безумен в своей мудрости. □

Светлана
Бестужева-Лада

СВЯТОЙ

О Распутине написаны десятки книг и сотни статей. В свое время многочисленные его почитатели (и особенно фанатичные почитательницы) считали его святым, а не менее многочисленные враги — исчадием ада. С момента появления Распутина в Петербурге о нем распространялись самые невероятные слухи. И сегодня мало кто знает всю правду об этом человеке, зато с удовольствием смакуют самые неправдоподобные версии, созданные авторами с богатым воображением.

Что же это за явление по имени «Распутин», которое, между прочим, стало одной из причин (и не последней) революционных переворотов в России начала прошлого века и фактически погубило семью Романовых?

1 ноября 1905 года в дневнике императора Николая II появилась короткая запись:

«В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губернии...» — это первое упоминание о Распутине, с которым царская супружеская чета познакомилась у сестер-черногорок.

Тут необходимо пояснение. «Сестры-черногорки» — это супруги великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича, в девичестве — принцессы Черногории Милица и Анастасия, которые славились в Санкт-Петербурге своей приверженностью к мистике, спиритизму, столоверчению и привечали всяких «колдунов» и «целителей» — по большей части, шарлатанов.

Начальник сыскной полиции А.В. Герасимов в своих воспоминаниях прямо писал:

«Надо сказать, события этих лет вообще вызвали сильный рост мистических увлечений в высших классах общества. В петербургских салонах, игравших в придворных кругах такую заметную роль и наложивших свою роковую печать на общие судьбы России, наперебой занимались спиритизмом, вертели столы, вызывали духов и т.д. <...> Среди таких салонов особенно значительную роль играли салоны великих княжон Анастасии и Милицы — дочерей князя Николая Черногорского».

Событие, отмеченное в дневнике императора, как малозначительное, повлекло за собой серьезные последствия, которые кратко резюмированы Анной Вырубовой в ее показаниях на допросах в Чрезвычайном Следственном Комитете в 1917 году:

«По временам у меня шевелилась мысль о том, что Милица Николаевна познакомилась с Государыней с Распутиным для того, чтобы сделать его затем орудием для достижения своих целей. Все, что говорилось плохого про Государыню, исходило теперь от Милицы и Анастасии Николаевны, они говорили о том, что Государыня психически ненормальна, что она слишком часто видится с Распутиным».

Удивительно, но история начала Французской революции практически повторилась в России. Там тоже пасквили на королеву-«австриячку» распространяли родные братья короля, мечтавшие занять трон, руками возмущенного народа свергнув брата. Что из всего этого вышло, прекрасно известно.

Сестры-черногорки встретились с Распутиным на богомолье в Михайловском монастыре, где у них зашла речь о разных болезнях, была упомянута и гемофилия, на что Распутин ответил, что он лечит все болезни, и ее тоже. Милица Николаевна, конечно же, не без умысла спросила о гемофилии и вскоре после этого представила странника Николаю и Александре Федоровне.

Откуда вообще взялся Распутин?

Родился Григорий Ефимович в 1869 году в Тюменском уезде Тобольской губернии, в слободе Покровской, в семье, как говорили тогда, крестьянина-середняка. В начале жизни никто не замечал за ним ничего особенного, за исключением, быть может, лишь огромной физической силы. Отличался он любовью к выпивке и прекрасному полу, но в сибирских селах это было не в диковину. Да и фамилия его никого не смущала — Распутиными называлась едва ли не половина его односельчан.

В двадцать лет он женился, у молодых супругов родились две доче-

ри — Матрена и Варвара и сын Дмитрий. Отец Распутина, по данному когда-то обету, каждый год ходил в Верхотурье, в Николаевский монастырь, но как-то занемог и попросил сходить туда сына. Продолав неблизкий путь — за Уральский хребет, сотни верст по Сибири, — Григорий вернулся преображенным.

Встретившие его по возвращении односельчане решили, что он сошел с ума — Распутин размахивал руками, дико озирался, а, войдя в церковь, запел исступленным голосом. Он бросил пить и курить, перестал есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, по много часов стоял на молитве. А потом ушел

Г.Е. Распутин со своими детьми — Матреной, Варварой и Дмитрием

из дома и долго странствовал, обойдя многие святыни России.

Возвратившись в Покровское, он устроил под своим домом молельню, где подолгу молился и пел псалмы в окружении своих поклонников и поклонниц. Они-то первыми и распространили славу о великом чудотворце и праведнике старце Григории далеко за пределы уезда, а потом и губернии.

Докатилась весть и до Санкт-Петербурга, где о «старце Григории» узнали многие, в том числе и высшие духовные иерархи. Узнал о нем и отец Феофан, личный духовник великого князя Петра Николаевича и

его жены великой княгини Милицы Николаевны. Именно он привез Распутина в великокняжеское имение Званка, где старец произвел на великокняжескую чету, особенно на Милицу, очень сильное впечатление.

Надо сказать, что Распутин сразу же поражал воображение своей неординарной внешностью и особенно своими глазами. Вот какое описание его внешности оставил французский посол в России Морис Палеолог:

«Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная густая борода; высокий лоб; широкий, выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом».

А вот как описывала Распутина светская дама Е.Ф. Джанумова:

«Он был в белой вышитой рубашке, навывпуск. Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается».

В это полугипнотическое состояние впадали почти все, кто соприкасался с Распутиным. Не стала исключением и Милица Николаевна.

И она, разумеется, сообщила об этом царице, которая тогда находилась с ней в очень близких и теплых отношениях, и которая, смертельно обеспокоенная неизлечимой болезнью сына, готова была с распростертыми объятиями принять любого, обещающего помощь. И до Распутина в царском дворце появлялись колдуны, ясновидцы, целители, но — тщетно. В том отчаянии, в котором пребывала императорская чета, можно было за бритву схватиться — лишь бы помогло выбраться.

Однако первая встреча ни на царя, ни на царицу особого впечатления не произвела, хотя оставила благоприятное воспоминание. За два последующих года у них были две-три случайных встречи, не более. И только с конца 1907 года Григорий и августейшая чета начали встречаться почти регулярно.

Виновницей этого стала фрейлина императрицы Анна Вырубова, в чей дом в Царском Селе часто навещался старец Григорий. Вечером 12 марта 1908 года, когда Распутин и отец Феофан в очередной раз сидели у Вырубовой, к ней заехали Николай и Александра Федоровна и не без удовольствия провели время, беседуя со старцем.

Затем такие встречи участились, а однажды старец впервые появился во дворце. Но впечатление, произведенное им на придворных, было столь неблагоприятным, что августейшая чета решила впредь встречаться с Распутиным только у Вырубовой.

Это было тем более логично, что его нельзя было пригласить за стол: он оставался неотесанным мужиком, понятия не имевшим о хороших манерах, не говоря уже об этикете. Его секретарь Арон Симанович писал, что, «сидя за столом, старец не пользовался ножом и вилкой, а брал еду с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами, правда, непременно чистыми... Большие куски он, как зверь, разрывал на части и запихивал в большой рот, где у него вместо зубов торчали черные корешки. Остатки еды и крошки застревали у него в бороде, и многие... не могли смотреть на все это без отвращения».

К Вырубовой царь и царица со временем стали приезжать с детьми, которые, кстати сказать, сразу же безоглядно полюбили старца: дети росли глубоко религиозными, и их восхищала святость Распутина и его любовь к Богу, проявлявшаяся во время бесед с ними. Ну и, конечно, те случаи, когда старец действительно сумел помочь купировать начинавшиеся приступы страшной болезни у цесаревича Алексея, не могли не расположить к нему царскую семью еще больше.

Эти отношения, получившие дальнейшее развитие через несколько лет, хранились и Распутиным, и царской семьей, и Вырубовой в глубокой тайне. Однако уже в самом начале знакомства со старцем связь царской семьи с неграмотным мужиком оценивалась как некий нон-

сенс и монарший каприз, могущий привести к нежелательным скандальным последствиям. И потому дворцовый комендант, обеспокоенный появлением в царской семье неизвестного мужика, который мог оказаться кем угодно, в том числе, и переодетым революционером, сообщил о Распутине начальнику петербургского охранного отделения генерал-майору А.В. Герасимову.

Охранка быстро установила, что с революционерами Распутин никак не связан, но одновременно открылась другая сторона жизни «святого старца»: чудовищный разврат, бесконечные оргии и непомерное пьянство. Причем сведения, полученные Герасимовым, далеки от каких-то иллюзий о добродетельности человеческой природы, привели его в неподдельное глубокое изумление. Невозможно было поверить, даже увидев это собственными глазами, что обыкновенный человек мог обладать такими воистину нечеловеческими, а прямо-таки космическими силами в служении что Венере, что Бахусу.

До поры до времени сведения эти охранка придержала у себя, но потом, весной 1911 года, довела их до самого премьера П. А. Столыпина. Столыпин пришел к царю и откровенно выложил все, что узнал, желая раскрыть Николаю II глаза на человека, представлявшего серьезную угрозу репутации императора и его семьи. Николай II внимательно выслушал Петра Аркадьевича, по-

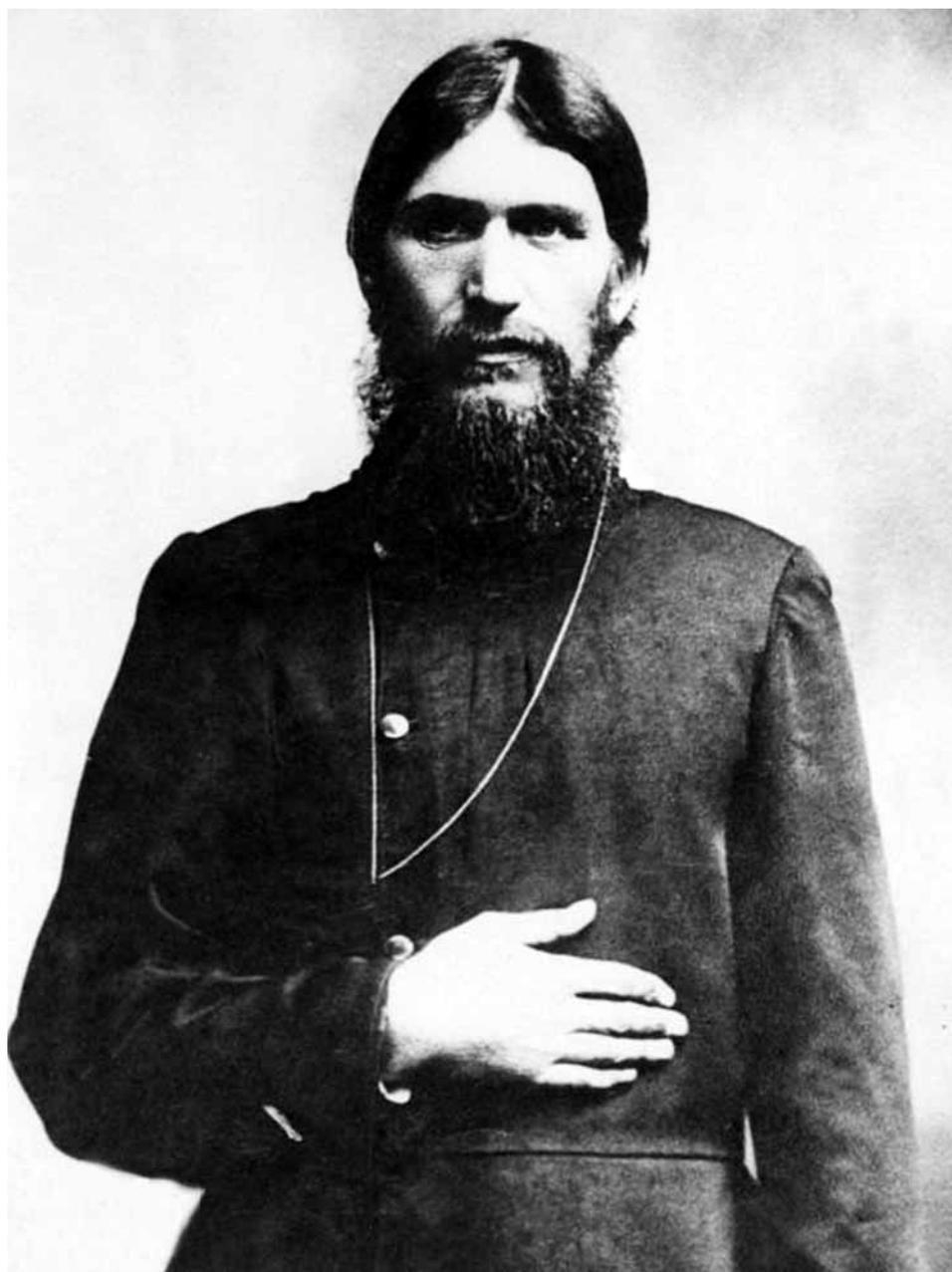
благодарил за то, что тот искренне ему предан, но в заключение сказал:

— Быть может, все, что вы мне говорите, — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не упоминать. Я все равно сделать ничего не могу.

Через несколько месяцев после этого разговора Столыпин был застрелен секретным осведомителем охранного отделения.

Но еще до этих событий царская семья оказывалась во все большей изоляции среди своих же родственников. Сестры-черногорки не простили императрице охлаждения к ним и сближения с Распутиным, который отказался быть послушной марионеткой в руках великих княгинь. За обиженных жен вступились любящие мужья, из-под чьей опеки царская чета фактически ускользала, все больше попадая под влияние простого крестьянина, ставшего им другом, мудрым советчиком и духовным наставником.

Правда, внешние приличия еще соблюдались довольно долго, хотя клубок грязных сплетен потихоньку начинал катиться по Санкт-Петербургу, обрастая все новыми подробностями. А в 1909 году сестры-черногорки и их мужья начали почти открыто строить козни против императорской четы. Прикрывал их при этом своим авторитетом владыка Феофан, уже не считавший себя другом Распутина под сильным влиянием своих покровительниц-княгинь.

Все это пока еще можно было рассматривать как месть со стороны сестер-черногорок, ущемленных в женском самолюбии и оскорбленных поведением мужика, пренебрегшего их благосклонностью и обошедшего их.

Но почему всемогущий император не имел никакой власти над одним из своих простых подданных? Почему высокообразованный, ин-

теллигентный и глубоко нравственный Николай оказался связанным практически нерасторжимыми узами с неграмотным и развратным сибирским мужиком? Почему так фанатично верила ему императрица?

Ответ на это можно прочесть в показаниях Вырубовой:

«Царь и царица верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому; страшно ему верили; и когда у них горе было,

когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться».

Наверное, нет необходимости повторять, что значил наследник для несчастных родителей, любивших его больше всего на свете. Но ни один, даже самый знаменитый, врач в мире не мог принести мальчику такого облегчения, как старец Григорий.

С конца 1907 года, когда царица впервые попросила его помочь больному сыну, Распутин много раз снимал боли, останавливал кровотечения и усыплял многострадального цесаревича. Несомненно, старец был выдающимся экстрасенсом, гипнотизером и психотерапевтом. Совершенствуясь в своей практике, он брал уроки у известного в Петербурге врача, пользовавшего больных по рецептам тибетской медицины, Петра Александровича Бадмаева.

Все это в совокупности приносило удивительные результаты — старец мог прерывать ход болезни не только пассами и внушением, непосредственно находясь возле больного, но и разговаривая с Алексеем по телефону. Более того, на больного ребенка оказывали исцеляющее воздействие даже посланные Распутиным телеграммы. И тому есть множество неопровержимых доказательств.

Не один Столыпин сообщал Николаю II и императрице о темных делах старца, но, увы, бесполезно. Одной из первых попробовала разоблачить Распутина воспитатель-

ница царских дочерей, фрейлина С.И. Тютчева, и добилась того, что... вскоре получила отставку.

Старец же, узнав о случившемся, решил на время исчезнуть из Петербурга и дать улечься начинающейся буре. Он ушел паломником в Грецию на Афон — Святую гору, где располагались два десятка православных мужских монастырей, а оттуда еще дальше — в Святую землю, в Иерусалим.

Действия против Распутина сестер-черногорок и их мужей в 1910 году были вызваны уже гораздо более веской причиной: позицией России в первом балканском кризисе. Распутин, высказавший императорской чете свое резко отрицательное мнение по этому вопросу, неожиданно оказался втянутым в большую политику и фактически нарушил планы высокопоставленных лиц империи, заинтересованных в этом деле.

И это тоже было одной из веских причин того, что старец отправился в длительное паломничество, как говорится, «от греха подальше». Политику он не понимал, не любил и не желал участвовать в таких играх, где легко можно было лишиться не только дружбы с царской семьей, а и головы.

«Накат» на Григория Ефимовича действительно был страшным. Бывшие друзья из духовных лиц, академики и богословы, окружение царской семьи, различные политические силы: и министр внутренних

дел, и партии, оппозиционные правительству, пресса, родственники государя — все сплелось в яростном порыве сокрушить выскочку-мужика, простачка и невежду.

Но Распутин мужественно все терпел, сохраняя верность государю и государыне. И августейшая чета оценила это по достоинству. Его не предали, не оттолкнули, не отшвырнули, как наскучившую вещь, ни на минуту не усомнились в нем, не приняли ни одного грязного посылка в его адрес, претерпели вместе с ним и выстояли. Вместе они были несокрушимы.

Пока — несокрушимы.

Осенью 1911 года, вернувшись в Петербург, старец встретил радушный прием в царской семье и совершенно противоположную реакцию у многочисленных своих недругов — епископа Гермогена, архимандрита Феофана, великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и стародавних поклонниц, ставших его ненавистницами, — сестер-черногорок.

Феофана отправили в Крым, Гермогена — в Жировицкий монастырь под Гродно. Однако преемник Столыпина на посту председателя Совета министров В.Н. Коковцов конфиденциально переговорил с Николаем, представив множество неопровержимых фактов двойной жизни старца и осторожно рассказав часть слухов, пятнавших августейшую чету и, прежде всего, императрицу. Царь решил уступить, чтобы не дискредитировать себя и супругу, и ле-

том 1912 года старец уехал в Сибирь, в свое родное село.

Потом он то наезжал в Петербург и Москву, то снова жил у себя дома в Тобольской губернии. Однако, независимо от того, где он жил, волна ненависти к нему не стихала, и по всей России упорно распространялись грязные и нелепые слухи о его тайном сожителе с императрицей, которую эти же «обличители» без малейшей тени сомнения считали немецкой шпионкой.

Осенью 1914 года Распутин приехал в Петроград и не покидал его до конца своей жизни, окружив себя сонмом фанатичных поклонниц из всех слоев общества, веривших в то, что он — Господь Саваоф. Многие из них были связаны с двором, правительством, генералитетом, банкирами и иерархами церкви. Отсюда и пресловутое «всемогущество» Распутина в государственных делах, которыми лично он никогда не занимался и не интересовался. Все делалось другими его именем или от его имени.

К 1915 году вокруг старца возник тесный кружок «распутинцев», объединенный личной приверженностью к нему и стремлением сделать карьеру или же получить материальные выгоды для себя и своих близких. Что, впрочем, не мешало им распространять самые грязные сплетни про императрицу и ее отношения с Распутиным.

Когда 22 августа 1916 года Николай II выехал в ставку, он уже не мог уделять такого внимания много-

*Распутин с императрицей,
ее дочерьми, сыном
и их гувернанткой*

образным государственным делам, ибо большую часть времени должен был отдавать делам военным. Кроме того, он немало время проводил в пути между Могилевом и Петроградом, и из-за его частого отсут-

ствия сильно возросла роль Александры Федоровны, а, следовательно, Распутина и «распутинцев».

По утверждению Мориса Палеолога, пристально следившего через своих агентов за Распутиным и его

окружением, более всего заинтересованных в продолжении войны лиц беспокоило то, что старец все чаще стал говорить о сепаратном выходе России из войны. А это неизбежно поставило бы Францию перед катастрофой.

Но старец лишь высказывал свое мнение, а подлинными политиками, стоявшими за его спиной, были такие «кукловоды», как банкир Манус, князь Мещерский, сенатор Белецкий, председатель Государственного Совета Щегловитов и петроградский митрополит Питирим. Все эти люди и являлись подлинными виновниками неудач, обрушившихся на Россию.

По словам министра внутренних дел А.Д. Протопопова, «всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много. Но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров».

Кризис власти был налицо. В начале 1916 года измотанная, истекающая кровью армия, потерявшая убитыми, ранеными и пленными около четырех миллионов человек, отступившая на сотни верст в глубь страны, перестала верить в победу и не понимала, почему и за что идет эта война.

Историк, литературовед и издатель М.К. Лемке, ушедший на фронт в звании штабс-капитана и волею

судьбы оказавшийся в ставке, писал в своем дневнике 27 января 1916 года:

«Когда сидишь в ставке, веришь, что армия воюет, как умеет и может; когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна ворует. «Черт с ними со всеми, лишь бы сейчас урвать», — вот девиз нашего массового и государственного вора.

Страна, где каждый видит в другом источник материальной эксплуатации, где никто не может заставить власть быть сколько-нибудь честной, — такая страна не смеет мечтать о почетном существовании...

Вот к чему привели Россию Романовы! Что они погибнут, и притом очень скоро, — это ясно... Так что же делать? Надо мужественно вступить в борьбу за спасение страны от самой себя и нести крест ради молодого поколения».

То же самое — «мужественно вступать в борьбу за спасение страны от самой себя» — исповедовали и другие русские патриоты. И у многих из них спасение России напрямую связывалось с уничтожением главного «демона зла» — Распутина. Против него, против группировавшихся вокруг него министров, против императрицы, изображавшейся немецкой шпионкой на русском троне, сплотились почти все оппозиционные силы, не желавшие видеть истинных причин поразившего страну кризиса.

Довольно неожиданно для царя союзниками вечно оппозиционной

и недовольной думы стали некоторые из его собственных родственников. Богобоязненная и милосердная Елизавета Федоровна, никогда не остававшаяся в стороне, если видела какую-нибудь несправедливость, в начале декабря 1916 года сказала Николаю II:

— Распутин раздражает общество и, компрометируя царскую семью, ведет династию к гибели.

Присутствовавшая при сем Александра Федоровна решительно попросила сестру никогда более этого вопроса не касаться. Эта встреча оказалась последней в их жизни.

И уж совсем непредвиденным оказалось для Николая письмо из Лондона, от великого князя Михаила Михайловича, мужа внучки Пушкина, графини Меренберг:

«Я только что возвратился из Букингемского дворца. Жоржи (король Англии Георг V, двоюродный брат Николая II) очень огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно».

Кто знает, если бы император прислушался к этим советам и удалил Распутина из Санкт-Петербурга, история России могла бы быть совершенно иной. Однако Николай II, как и прежде, все эти просьбы, наставле-

ния, заклинания и поучения оставил без внимания.

Тогда среди его родственников нашлись смелые молодые люди, которые решились на убийство Распутина: Феликс Феликсович князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, женатый на племяннице императора Ирине, двоюродный брат Николая II великий князь Дмитрий Павлович, который, кстати, был одним из любимцев царя. Затем в курс дела был введен В. М. Пуришкевич — один из главных основателей черносотенных организаций — «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела». Друзья-заговорщики вовлекли его в свой заговор после того, как 19 ноября 1916 года Пуришкевич сказал:

— В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева.

Мать и отец Ирины Юсуповой были решительными противниками Распутина, из-за чего отношения между ними и царской четой сильно испортились. Случилось так, что ярая поклонница старца Муня Головина познакомила молодого, тогда еще не женатого князя с Распутиным. Оба они со временем стали проявлять друг к другу взаимный интерес: Распутин хотел улучшить свое сильно пошатнувшееся положение в великокняжеских кругах, а Юсупов — разобраться в этом непонятном ему феномене.

Несколько раз они встречались, и мало-помалу Феликс убедился, что многолетние разговоры о Распутине, которого резко осуждали его родители, абсолютно справедливы.

Заговорщики решили убить Распутину в ночь с 16 на 17 декабря, заманив его в дом Юсупова и отравив цианистым калием, положенным в вино и пирожные. Предлогом приглашения послужило якобы высказанное супругой Юсупова желание познакомиться со «святым старцем». Хотя самой Ирины в это время вообще не было в Петрограде.

К 11 часам вечера все заговорщики собрались в доме Юсупова, и он поехал за Распутиным. Провел его в одну из комнат первого этажа и предложил сесть в кресло рядом со столиком, на котором стояли две тарелочки с пирожными и бутылка с любимой Распутиным мадерой. В пирожных и в вине содержалась доза цианистого калия, в десять раз превосходящая смертельную. Четверо заговорщиков ждали наверху. Юсупов предложил вино и пирожные, но старец отказался и от того, и от другого.

Когда часы пробили час ночи, Распутин начал нервничать. Юсупов, успокаивая старца, снова предложил ему выпить. Разволновавшийся Распутин согласился, вино ему понравилось, и он выпил два бокала и съел два пирожных. Затем выпил еще — каждый бокал вина содержал не меньшую, чем пирожные, дозу яда, но на Распутину ничего не действовало. Испуганный

хозяин дома выскочил из комнаты, взбежал на второй этаж и сообщил заговорщикам, что яд не оказывает действия. И тогда великий князь Дмитрий Павлович дал ему револьвер. Юсупов спустился вниз и дважды выстрелил в гостя.

Распутин мгновенно рухнул на пол. На выстрелы тут же явились сообщники и, увидев, что Распутин мертв, выбежали во двор, чтобы подогнать автомобиль Дмитрия Павловича и отвезти труп к проруби на реке.

Юсупов остался в комнате с жертвой, и вскоре Пуришкевич услышал его дикий крик:

— Он жив!

Пуришкевич вернулся в комнату, но Распутина в ней не было. Выскочив за дверь, он увидел, как Распутин, шатаясь, бежит к воротам. Пуришкевич послал вдогонку несколько пуль и попал ему в голову. На упавшего старца набросился Юсупов и нанес ему несколько ударов по голове тяжелым бронзовым канделябром.

Заговорщики бросили бездыханного, как им казалось, Распутину в автомобиль и полным ходом помчались к Крестовскому острову. Там они столкнули тело в воду.

Интересно отметить, что агенты охраны, неотступно следовавшие за Распутиным уже много лет, в тот вечер ничем не выдали своего присутствия и не вмешались в разворачивающиеся на их глазах кровавые события.

...Через три дня полиция отыскала тело Распутина. А на следующий день после убийства, еще не зная о том, что произошло, Александра Федоровна писала мужу:

«Мы сидим все вместе — ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова) видела его, и он ей сказал, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за ним приедет автомобиль, чтоб он мог повидать Ирину... Я не могу и не хочу верить, что его убили. Да сжалится над нами Бог!»

19 декабря Николай II, бросив все, приехал из ставки в Петроград. Выслушав доклад министра внутренних дел Протопопова о результатах расследования, царь отдал приказ поместить Юсупова и Дмитрия Павловича под домашний арест.

Морис Палеолог записал в дневнике 2 января 1917 года (по старому стилю это было 20 декабря 1916 года):

«Тело Распутина нашли вчера во льдах Малой Невки у Крестовского острова, возле дворца Белосельского... Узнав позавчера о смерти Распутина, многие обнимали друг друга на улицах, шли ставить свечи в Казанский собор! Когда стало известно, что великий князь Дмитрий был в числе убийц, стали толпиться у иконы Святого Дмитрия, чтобы поставить свечу...»

Убийство Григория — единственный предмет разговоров в бесконечных очередях. Люди рассказы-

вают друг другу, что Распутин был живым брошен в Невку, одобряя это пословицей: «Собаке — собачья смерть».

Другая версия: «Распутин еще дышал, когда его бросили под лед. Это очень важно, потому что он, таким образом, никогда не будет святым. В русском народе существует поверье, что утопленники не могут быть канонизированы...»

21 декабря Николай II записал в дневнике:

«В 9 часов поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, который стоял уже опущенным в могилу. Отец Александр Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза...»

Гроб был закопан под алтарем будущего храма при лазарете, который построила на свои деньги Вырубова.

Юсупов в своих «Мемуарах» отмечал, что царь, узнав об убийстве Распутина, стал весел, каким ни разу не был во время войны. Он почувствовал, что «тяжкие цепи сняты». Оставим это утверждение на совести князя: вряд ли император мог обрадоваться тому, что единственный человек, который помогал его сыну выжить, зверски убит, причем ближайшими к Николаю людьми.

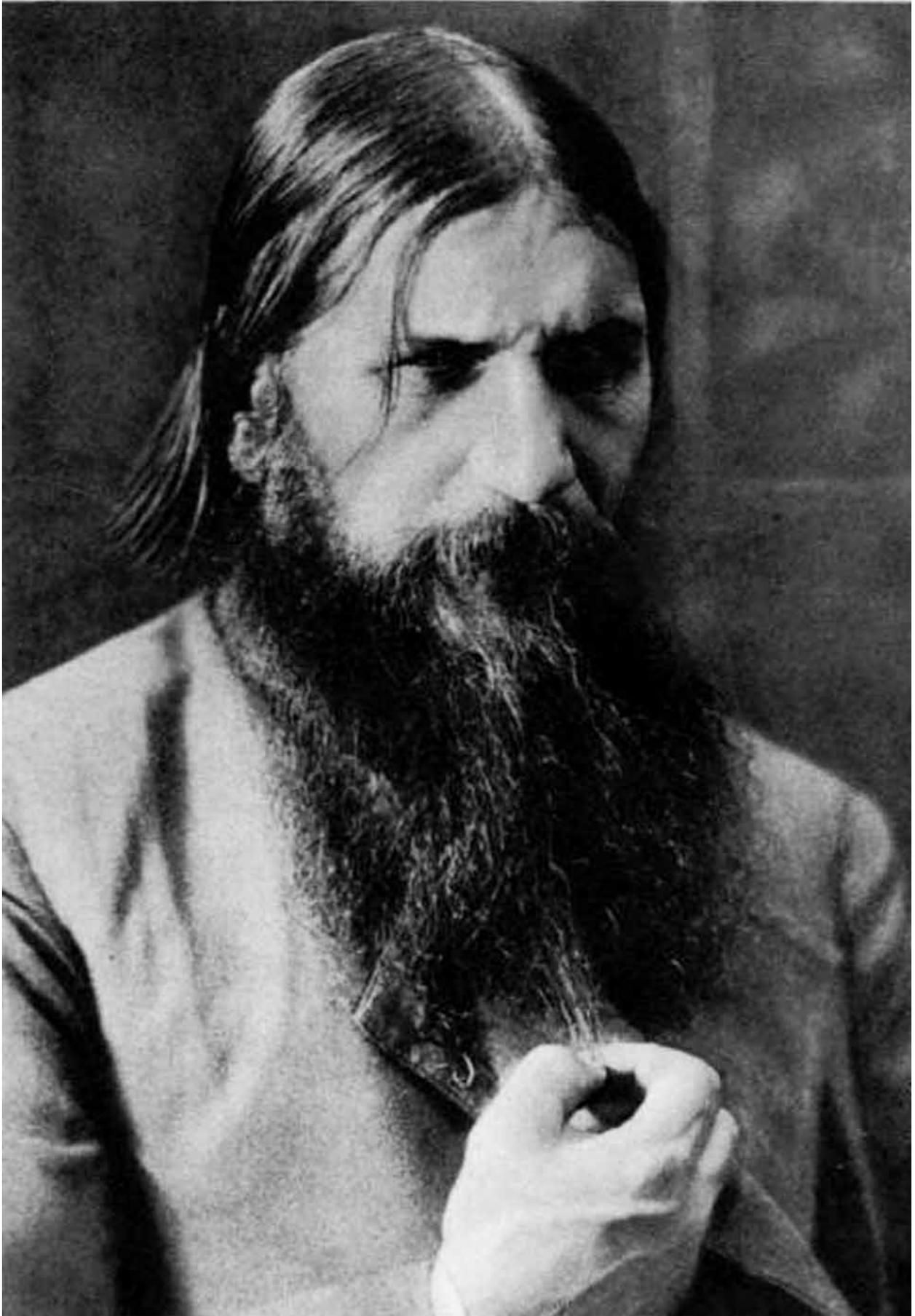
*Распутин в кругу своих почитателей,
Санкт-Петербург*

Хотя наказание последовало мягчайшее: великого князя Дмитрия по приказу царя отправили на турецкий фронт, в Персию, а Юсупову велено было ехать в одно из его имений — село Ракитное, где он пережил отречение царя от престола и в конце марта 1917 года через бурлящий Петроград поехал в Москву.

А 23 марта 1917 года (по старому стилю — 10 марта), через неделю

после отречения Николая II от престола, французский посол в России Морис Палеолог записал:

«Вчера вечером гроб Распутина был тайно перевезен из Царско-сельской часовни в Парголово-ский лес, в пятнадцати верстах от Петрограда. Там на проталине несколько солдат под командой саперного офицера соорудили большой костер из сосновых ветвей. Отбив крышку гроба, они палками выта-

щили труп, так как не решались коснуться его руками вследствие его разложения, и не без труда втащили его на костер. Затем все полили керосином и зажгли. Сожжение продолжалось больше шести часов, вплоть до зари. Несмотря на ледяной ветер, на томительную длительность операции, несмотря на клубы едкого, зловонного дыма, исходившего от костра, несколько сот мужиков всю ночь толпами стояли вокруг костра, боязливые, неподвижные, с оцепенением растерянности наблюдая святотатственное пламя, медленно пожиравшее мученика старца, друга царя и царицы, божьего человека. Когда пламя сделало свое дело, солдаты собрали пепел и погребли его под снегом...»

...Через два года то же самое произошло и со всей царской семьей.

Секретарь Распутина Арон Симанович в 1921 году, находясь в эмиграции в Риге, опубликовал «Завещание», отданное ему старцем незадолго до смерти. Вот оно:

«Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровского.

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января 1917 года я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, ныне, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять.

Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то

тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией.

Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства.

Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ.

Я ухожу и чувствую в себе божеское указание сказать русскому царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых.

Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде».

Он ошибся только в одном: дворян не было в России в три раза дольше. Но такой поворот событий не смог предвидеть даже ясновидящий «святой черт». □

Виктор Ардов

ГИПНОТИЗЁР

Городишко был маленький и грязный. И номера в нем были такие же. Литература о вреде крыс, продавать которую приехал Лукашук, никак не расходилась.

Лукашуку даже стало сомнительно: наторгует ли он настолько, чтобы иметь возможность расплатиться в номерах и выехать из города. Последняя надежда на счастливый конец рухнула в правлении местного кооператива, на который, как наиболее богатое крысами место, Лукашук уповал превыше всего. В ответ на все его уговоры приобрести брошюру «Ни одной мыши под советской крышей» заведующий укооперативом бестактно выволок из-под стола здоровенного рыжего кота и, ставя его поверх разложенной Лукашуком литературы, сказал:

— Вот наша брошюра. А других нам не надо.

Лукашук злобно ущемил хвост своему рыжему конкуренту и ушел.

Сумрачно направлялся он в свои номера, тщетно придумывая выход из создавшегося положения.

Впереди него шли четыре работника, отягощенные портфелями, и слегка дискутировали на местные злободневные темы.

— Демехин-то сегодня не вышел? — сказал один.

— Не вышел, — ответил второй, — опять запил. И Балахонов не вышел. И в седьмой лавке — Усачев. Они всегда вместе запивают.

— Беда от этих запоев! — сказал опять первый. — Говорят, вот в Москве уже додумались лечить алкоголизм гипнозом. Вот бы нам хоть заухудалого какого гипнотизера.

Третий подхватил:

— Это верно. Я бы первый пришел лечиться.

— И я, — сказал второй.

— А я?

— Так ведь ты не пьешь, тебе зачем?

— Сам не пью, а зять пьет. Я бы, что мне налечили, ему и передал. Пусть бы только гипнотизер объявился.

Лукашук, два раза глотнув воздух, схватился за лоб и стремительно кинулся в номера.

Подкупленный предпоследним полтинником коридорный почти сразу вывесил на входной двери объявление о том, что приехавший в город гипнотизер остановился в четвертом номере, где с гарантией лечит от алкоголизма за умеренную плату — один рубль.

Успех объявления был самый пышный. Через двадцать минут в номер постучала чья-то почтительная рука.

Лукашук уже закончил свои приготовления (чистое полотенце, одолженное у того же коридорного, два десятка брошюр «Ни одной мыши под советской крышей» в качестве научной литературы, ключ для открывания консервов, исполняющий обязанность зловещего медицинского инструмента, и книга счетов за ту же брошюру — отныне книга пациентов) и предложил посетителю войти.

В комнату вдвинулся бурый ботинок памятникных размеров и на высоте двух метров от него мохнатая шапка с наушниками. Сейчас же под шапкой помещались могущественные усы, в которых погибли две спички и огрызок яблока.

Лукашук присел к книге счетов и солидно спросил:

— Фамилия? Давно пьете?

— С семи лет. Прунин.

Лукашук пошуршал карандашом, качнул головой и подошел к присевшим в углу усам. Перед самыми усами стал махать рукой, затем лихо свистнул, зацокал, а в заключение отбил левой ногой три такта чечетки.

— Не смей больше пить! Я кому говорю?

Влипшие уже в самую стену усы робко прошептали:

— Извиняюсь, не буду...

— То-то! — сказал Лукашук и, отойдя, вздохнул. — Гоните рубль, и поздравляю вас: вы вылечены.

Усы радостно зашевелились, теряя спички и огрызок, и стали отсчитывать медь.

Ободренный успехом, Лукашук, как заправский врач, сполоснул руки, приоткрыл дверь в коридор и крикнул:

— Следующий. Пожалуйста! Деньги — вперед.

В коридоре была небольшая, но все же очередь. Намечалась даже какая-то фигура с ребенком, с явной целью эту очередь обойти.

Лукашук принялся лечить полным ходом. Он записывал пациентов в книгу счетов, принимал рубли и потом уже гипнотизировал почем зря.

— Пьешь? — кричал он на пациентов. — Лакаешь? Водку сосеешь? А вот я тебя, сукина сына!

Перед пациентскими носами Лукашук шипел, свистел, гудел, прыгал, вертелся на одной ноге. Кого-то пнул ногой, кому-то щекотал живот, кого-то дергал за волосы. А одному пациенту не из пугливых отпустил две звонких пощечины и пообещал:

— Ну, если ты у меня еще раз налижешься! Измерзавлю!

Кучка меди, серебра и кредиток в рассохшемся ящике стола все увеличивалась. Пациенты уползали из комнаты напуганные и потрясенные магнетической силой гипнотизера. Словом, все шло отлично.

Однако Лукашук стал уставать. Сказывалось скромное питание предшествующих дней и чисто физические методы его лечения. И потому, когда вошел восемнадцатый пациент, Лукашук внезапно потерял свою энергию. Он едва только смог покачать головой:

-Ай-яй-яй! Нехорошо как! Вы уже больше не пейте, что ли...

Восемнадцатый пациент качнулся и, извлекши из внутреннего кармана бутылку, попросил:

— Может, по одной еще можно?

— Ну, разве что по одной, — сказал обессиленный Лукашук, решив, что рюмка водки может подкрепить его силы для дальнейшего приема.

Пациент суетливо сполоснул стакан, стоявший тут же, налил до половины и подал Лукашуку:

— За ваш гипнотизм!

— Спасибо. И чтоб вы бросили пить!

В голове у Лукашука слегка зашумело, и не хотелось расставаться с таким симпатичным восемнадцатым пациентом ради дожидавшихся в коридоре других. Желая отсрочить этот неприятный для него момент, Лукашук предложил:

— А не повторить ли нам?

Повторили. Собственно, два раза повторили. А потом оказалось, что третий раз повторять нечем.

— Нате вам обратно ваш рубль, который за лечение, — подумав, сказал Лукашук, — и сбегайте-ка вы за сороковочкой. А заодно и колбаски возьмите, огурчиков... В кои веки встретишь приятного человека.

Очередь глухо волновалась, когда восемнадцатый пациент два раза рассек ее, проходя за водкой и обратно. Но Лукашуку уже было наплевать.

— Тише вы там! — рявкнул он. — Не видите, гипнотизер занят. Трудный случай с этим гражданином: не хочет бросать пить.

В последнем очередь могла убедиться, когда восемнадцатый пациент еще раз побежал за водкой. Вслед ему из двери высунулся гипнотизер и крикнул:

— Чего там! Бери сразу две бутылки, а закуски больше не надо!..

Затем очередь чутко прислушивалась к тому, как гипнотизер пел «Алаверды» и пытался ногами исполнить ламцадриц-цу. После ламцадрицы-цы гипнотизер снова высунул голову и, решительно икнув, объявил:

— Чего стоите? Не видите, прием откладывается на завтра.

Очередь быстро рассосалась. А гипнотизер еще быстрее насосался. Так, по крайней мере, объяснял его поведение коридорный, когда постовой милиционер явился на звон стекол, разбиваемых гипнотизером и симпатичным восемнадцатым пациентом. Вовсе уже пьяный Лукашук в это время кричал:

— Ага! Пить будешь? А крыс разводить будешь? Ага! Ни одной мыши под советской крышей!

... Проснулся Лукашук в арестантской камере. Гипнотизерская деятельность совершенно выветрилась из его памяти. Наоборот, обстановка арестантской усилила его ревность к прежней профессии.

И допрашивавшему его участковому надзирателю он заявил:

— товарищи, по личному опыту скажу вам: у вас в камере столько крыс, что вы безусловно должны приобрести брошюру «Ни одной мыши под советской крышей»... Безусловно!

Но участковый это предложение отклонил как не имеющее отношение к допросу. □

Валерий Митрохин

НА ПАРУ

Чтоб говорить, нужны слова.
 Чтоб думать, слов не надо.
 Молчи, пустая голова,
 Глупа твоя бравада!

Мысль — свет ума
 Безумье — тьма.
 Они всегда на пару.
 Они подобны дару,
 Скользящему по грани.

Так боль течет по ране;
 Так слово — из гортани;
 Так рифма — с языка;
 Так мысль — от мозжечка —
 Окрашенная чувством,
 Становится искусством.

А слава, и молва —
 Обычные слова.

Счастливыми нас делает
 невежество.
 Незнание нам сердце бережет.

Как нежно пахнет первобытной
 свежестью
 Изящных слов не ведающий рот.

Под этим душем
Сладко нашим душам.

Дождю внимает целый скотный двор.
Все слушают природы сводный хор:

Бараны и козлы, и стайка клуш,
Бык, усмиривший свой несносный
норов,
И даже вечно недовольный боров;
Еще друзья сарайные мои —
Соловушки амбаров — воробьи...

Мы, в лужу глядя, словно на ночь глядя,
В запой уходим, но не в грязь лицом.

Мы сели в лужу, что перед крыльцом
Раскинулась, как пруд
перед дворцом.

В ней уточки не лебеди, конечно,
Все это время плещутся беспечно.

Необходимым кормом обеспечены,
Живем в довольстве, бережи и холе
Таких условий не найти на воле...

Но иногда, куражась в эпатаже,
Бесясь от жира, заявляю в раже —
Что жил в Раю, был ангелам
под стать,
Что некогда умел и я летать.

ОДНОВРЕМЕННО

Я не такой благополучный,
Каким кажусь в чужих глазах.
Знавал и я период лучший,
Умел одолевать свой страх.

Знал грязь хулы и зло хвалы,
Стонал на кончике иглы,
Дивился славе, но, увы,
Давился горечью молвы...

То зацелую, то обижу,
Лицом к лицу лица не вижу,

Я и люблю, и ненавижу
Одновременно, боже мой!
Я зиму не люблю зимой,
А лето — летом.
Что со мной?!

ОХОТА НА БЕРКУТА

Вооружась дробовиками,
Они пришли в ночную степь.
На автостраде стали в цепь,
Которую не размыкали,
Пока не появился Беркут...
От вспышек дымных звезды
меркнут.

Горят автобусы спецназа
На лицах отблесков проказа.

Лоснятся бритые затылки,
Летят гремучие бутылки.
В них не бензин, а самогон.
Поскольку подешевле он.

«**НЕРАВНЫЙ** **БРАК**»

Василия Пукирева

Ирина Опимах

В истории культуры часто бывает так, что художник или писатель остается в памяти потомков благодаря лишь одному произведению, зато такому, что в свое время потрясло души и продолжает потрясать спустя десятки, а то и сотни лет. Вот и замечательный русский художник Василий Владимирович Пукирев обязан своей славой картине «Неравный брак» — одному из самых известных полотен XIX века, которое остается актуальным и сегодня — брак по расчету еще никто не отменял...

В сентябре 1863 года в Петербурге открылась очередная выставка Академии художеств. Ценители прекрасного увидели много картин, какие-то из них публике нравились, какие-то не производили никакого впечатления. Но одно большое полотно — работа молодого художника Василия Пукирева — никого не оставило равнодушным. Его имя сразу стало известным, причем не только среди художников и их поклонников. В те годы российские живописцы в основном писали исторические картины, батальные сцены или библейские сюжеты, а что позволил себе этот Пукирев! На его холсте — настоящая жизнь, история трагической любви, обреченной на смерть в мире, где всем правят деньги...

Василий Пукирев родился в 1832 году, в крестьянской семье — его родители были крепостными вдовы поручика Александры Васильевны Грековой. Жили они в селе Лужники Каширского уезда Тульской губер-

нии. Тут многие занимались ремеслами, чеканкой, резьбой, гравировкой, а потому к искусствам относились с уважением. Когда маленькому Васе исполнилось 5 лет, его семейство получило вольную — Пуки-

ревы стали мещанами. Вася рано проявил способности к рисованию, и его еще мальчиком определили учеником к иконописцу — там и прошел он свои первые университеты: растирал краски, готовил доски, а позже ему доверили расписывать части икон — одежды святых, фон, лики. Приехав в Москву, в 1847 году Василий поступил в Московское училище живописи и ваяния. Денег, конечно, на обучение у него не было, и за него платил граф И.П. Мусин-Пушкин, известный московский меценат, представитель славного, много сделавшего для России рода, член Московского художественного общества (МХО), под покровительством которого многие годы существовало училище. В 1855 году за два женских портрета Пукирев получил от Академии художеств малую серебряную медаль и звание «некласного (свободного) художника по живописи портретной».

В 1858 году его преподаватель Е.А. Васильев, добрейшей души человек, всегда щедро помогавший своим ученикам, предложил Совету МХО назначить Пукирева в товарищи по преподаванию — тогда Пукирев получал бы половину профессорского жалованья. Однако предложение Васильева отвергли, и только после его смерти Пукиреву предложили должность младшего преподавателя (на которой он просидел 12 лет). Правда, к тому времени он уже завоевал себе имя в художественных кругах — в 1860 году Академия отметила его картину «Та-

тьяна», а через три года создал полотно, которое прославило его на всю Россию — «Неравный брак», за него академия ему тут же дала звание профессора! Еще до той выставки 1863 года «Неравный брак» купил друг Пукирева коллекционер Александр Борисовский. (В 1871 году Павел Третьяков приобрел картину за немалую сумму — 1500 рублей — для своей галереи, где она находится и сегодня).

И действительно, картина получилась замечательная. Каждый, подходивший к ней, сразу становился свидетелем и участником этой драмы — Пукирев изобразил своих героев в натуральный рост и приблизил их к самому краю. Итак, замуж выдают юную, очаровательную бесприданницу за весьма немолодого господина, зато богатого, важного. А за спиной несчастной невесты — молодой красавец, шафер, явно любящий ее, но по определенным причинам не сумевший отвоевать свою любовь и сурово взирающий на своего счастливого соперника. Священник в богатом облачении, благословляющий этот противоестественный союз, самодовольный старик-жених, высокое чиновничье лицо, с орденом Станислава, невеста в дорогом платье, печальная и смирившаяся с ужасом, который сейчас происходит с ней, ее возлюбленный, гости — кто-то завидует молодой, кто-то ее жалеет, — все написано художником очень точно и выразительно.

В шафере современники узнавали черты самого Пукирева. Присут-

ствии художника на полотне было типично для старого классического искусства, а русские живописцы тогда этого не делали. Неудивительно, что зрители воспринимали картину как рассказ художника о своей собственной судьбе, и были недалеко от истины...

Сюжет этот — бедная невеста и богатый старик-жених — весьма характерен для России того времени. Сколько юных и невинных бесприданниц стали женами, а, по сути, собственностью богатых стариков! Сколько таких историй рассказали нам русские писатели и драматурги, начиная с Островского! Недаром в 1862 году даже вышел специальный указ Синода о запрещении браков с большой разницей в возрасте.

Вот почему картина Пукирева воспринималась так остро. Выдающийся критик В.В. Стасов, писал: «Неравный брак» Пукирева — одна из самых капитальных, но вместе с тем трагических картин русской школы. Что может быть проще взятого тут сюжета? Продажа и покупка невесты — это ли еще не сцена, которую всякий видит собственными глазами чуть не каждый день? И, однако, никто раньше Пукирева не запечатлел ее на веки веков на полотне: так все заняты были греческими героями и христианскими мучениками, точно будто бы и тут не герои и не мученики... Все русское общество горячо схватилось за эту картину и сразу глубоко полюбило ее. Академия принуждена была поскорее присудить Пукиреву профессорский

диплом, даром что тут явилось одно из самых вопиющих дел: изображение ничтожной «домашней сцены» в размерах самой натуры, в тех размерах, в которых имеют право являться на свет одни высокие сцены, изображаемые истинным искусством. Это ли не торжество новой школы?..»

В «Неравном браке» Пукирев использовал по тем временам поистине революционный прием: его герои изображены в натуральную величину, хотя по законам академической живописи такое не разрешалось в жанровых картинах. Художник словно говорил: обычные люди, живущие рядом с нами, не менее интересны, чем герои античности и Святого писания, а проблемы, драмы, которые их волнуют ли сегодня, не менее важны, чем героическое, но далекое прошлое.

Картина производила сильнейшее впечатление на зрителей и в последующие годы. Многие соотносили ее сюжет с перипетиями своей собственной жизни. Так, И.Е. Репин заметил, что Пукирев «много крови испортил не одному старому генералу», а историк Н.И. Костомаров признался друзьям, что, увидев картину, отказался от намерения жениться на молодой девушке.

Картина получилась у Пукирева наполненной страстью, любовью, горечью, отчаянием во многом потому, что его вдохновляли реальные судьбы — его самого и близких ему людей. Много сделала для прояснения истории героев картины сотрудница Третьяковской галереи Людмила Полозова.

Итак, в один из дней 1860 года в московской церкви Трех Святителей, что на Кулишках, венчались известный в Москве купец Андрей Александрович Карзинкин и Софья Николаевна Рыбникова, тоже из купеческого сословия, дочь небогатого богородского купца. То был финал истории несчастной любви. Дело в том, что Софья Николаевна была влюблена в молодого красавца Сергея Варенцова, но ее родители сочли, что она будет счастлива в браке не с ним, а с Андреем Карзинкиным, успешным и состоятельным человеком, хорошо известным в московском купечестве. Причем он был не так уж стар для Софьи — разница всего-то в 13 лет. Варенцов очень страдал, но что он мог сделать? Выкрасть невесту? Видно, не осмелился, боясь гнева своих и ее родителей. Ему вовсе не хотелось все это видеть — как его любимая будет венчаться с другим! Но пришлось не только стать свидетелем этого унижения, но более того — стать шафером на свадьбе любимой! Сестра Карзинкина Анна была женой старшего брата Варенцова, и приличия требовали, чтобы он участвовал в церемонии. Пусть душа переполнена страданием, пусть сердце истекает кровью — внешне все должно быть прилично! А иначе, что люди скажут? Устои московского купечества были строги. Легко представить, что творилось в душе молодого человека во время церемонии венчания!

Пукирев был близким другом Варенцова (они познакомились в ху-

дожественном училище, куда Варенцов захаживал, и потом даже брал уроки рисования у своего товарища). Конечно же, художник хорошо знал всю эту историю, и не удивительно, что на первых эскизах к картине главные действующие лица имели портретное сходство с персонажами любовной драмы Сергея Варенцова. Но шло время, которое, как известно, умеет залечивать даже самые глубокие сердечные раны, и Варенцов нашел себе новую любовь — Ольгу Урусову, тоже из купеческого рода, на которой собрался жениться, и ему уже не хотелось, чтобы на картине Пукирева будущая жена увидела его в роли несчастного возлюбленного совсем другой девушки. Тогда Пукирев нашел простое решение — несчастный шафер приобрел его собственные черты. Надо сказать, они оба были красавцами — и Варенцов, и его друг-художник. Наверное, это решение далось Пукиреву легко — современники утверждали, что в его жизни в это время тоже разыгрывалась подобная же история, и невеста на полотне стала похожей на возлюбленную самого Пукирева, которая не смогла выйти за него замуж по сходным причинам. Звали ее Прасковья Матвеевна Варенцова (вот уж ирония судьбы — однофамилица Сергея Варенцова), она была из аристократического рода — внучатой племянницей княгини Ольги Щепиной-Ростовской (урожденной Варенцовой-Тарховской). Ну а Пукирев — всего лишь бывший крепостной, бед-

«В мастерской художника»

ный, безродный художник. Естественно, Прасковью выдали за богатого.

Спустя много лет после всех этих событий, в 2002 году, Государственная Третьяковская галерея приобрела карандашный рисунок 1907 года работы В.Д. Сухова, на котором написано: «Прасковья Матвеевна Варенцова, с которой 44 года назад художник В.В. Пукирев написал свою известную картину «Неравный брак». Госпожа Варенцова живет в Москве, в Мазуринской богадельне». Постаревшая невеста художни-

ка скончалась в приюте для бедных. Как сложилась ее семейная жизнь — точно не известно.

Друг художника С.И. Грибков, свидетельствовал: «Со скрещенными руками в картине — это сам В.В. Пукирев, как живой»; подтверждал это и Н.А. Мудрогель, преданный друг Пукирева, старейший хранитель Третьяковской галереи. Он писал, что автор изобразил на картине себя и свою невесту, и добавлял, что «богатый и знатный старик сгубил ее жизнь». Кстати, на карти-

«Прием приданого в купеческой семье по росписи»

не рядом с шафером тоже человек из окружения Пукирева — его друг и преподаватель художественного училища П.М. Шмельков. Кроме того, Пукирев изобразил на полотне еще одного своего приятеля — мастера Грабенского, сделавшего для картины роскошную резную золоченую раму. Павлу Третьякову эта рама так понравилась, что он даже стал заказывать Грабенскому рамы для других картин своей галереи.

А кто же этот старик, счастливый жених на картине? Как известно,

Карзинкина стариком назвать было нельзя, поэтому, чтобы усилить трагизм всей ситуации, Пукирев написал жениха весьма пожилым человеком — создал некий собирательный образ. Какие-то черты взял от предводителя тверского дворянства А.М. Полторацкого, какие-то, по свидетельству современника художника Н. Сырейщикова, от повара Владимира Ивановича, кормившего в те годы семейство Варенцовых, а какие-то — от князя Павла Ивановича Цицианова (в Третьяковке хранится этюд к картине, названный

«Голова старика», а на обороте указано: «Писано с князя Цицианова»).

Надо сказать, что судьба Софьи Николаевны, вышедшей замуж за купца Карзинкина, сложилась вполне благополучно. Она прожила долгую жизнь — 75 лет, и умерла в 1911 году. В браке с А. А. Карзинкиным она, видимо, была вполне счастлива и родила троих детей — двух дочерей и сына. Одна из дочерей, Софья, умерла рано от туберкулеза, а дочь Елена окончила Училище живописи и ваяния, училась у Поленова, стала художницей и вышла замуж за друга Чехова писателя Телешова. Старший сын Александр был членом московского Нумизматического общества, автором ряда работ о старинных русских медалях, дружил с П.М. Третьяковым. Софья Николаевна много жертвовала на благотворительность, в том числе и на Бахрушинскую больницу, а именно, на устройство корпуса имени покойной дочери Софьи для женщин, больных туберкулезом, была попечительницей 1-го Таганского женского начального училища.

Ее первая любовь — друг Пукирева Сергей Михайлович Варенцов — стал впоследствии купцом II гильдии (торговал москательным товаром) и даже старостой Купеческой управы в 1867–1869 годах, а еще и попечителем мещанского училища.

А вот судьба самого художника сложилась довольно печально. После такого взлета известности и популярности последовал спад. Ничего лучшего и более сильного ни по

мастерству, ни по социальной значимости, чем «Неравный брак», ему создать не удалось, хотя он написал довольно много картин на сходные сюжеты. Пукирев продолжал преподавать в училище, но жалование там платили совсем небольшое, а потому ему приходилось много делать заказных работ — иконы для московских храмов, портреты. Художник два раза побывал за границей — тут ему помог его друг, коллекционер А.А. Борисовский, тот самый, что купил «Неравный брак». В первый раз он увез художника из России в конце октября 1862 года, наверное, залечивать сердечные раны, ну и посмотреть западноевропейские собрания. Они пробыли за границей почти до конца января следующего года. Второй раз путешествовали в 1864 году — с мая по август. Вернувшись, Пукирев продолжал преподавать в училище. Среди работ тех лет — жанровое полотно «В мастерской художника», также приобретенное Третьяковым. И на этой картине персонажи Пукирева — фактически портреты реальных людей. Живопись, видно, была для него своеобразной исповедью, рассказом о том, что его волновало. Вот и на этой картине в роли художника выступает он сам, покупатель — крупный землевладелец и благотворитель Губонин, священник — протоиерей церкви Св. Параскевы на Пятницкой улице в Москве В.И. Романовский, преподававший закон Божий в московском училище, а эксперт-знаток — учитель рисования

одной из школ Замоскворечья. Пукирев, как и многие художники, жившие до и после него, размышляет здесь о важнейших проблемах творчества, о роли искусства, о творце и обществе, в котором он живет. В 1867 году вместе с московскими живописцами В.Е. Маковским, В.Г. Перовым, И.М. Прянишниковым, П.М. Шмельковым Пукирев принял участие в издании «Альбома видов и сцен из русской жизни», а два года спустя вместе с А.К. Саврасовым подготовил издание «Курс рисования» для учеников Московского училища.

Между тем, тема отношений женихов и невест его не отпускала, видно, жизнь подбрасывала новые сюжеты, и в начале 1870-х годов Пукирев пишет картину «Прием приданого по росписи»: мы видим дотошного и такого противного скрягу-жениха, по списку принимающего приданое невесты. Вот она, кульминация всего! Вот где истинные причины будущего брака! И никто даже не думает о любви — ей тут не место! Картина стала очень популярна — видно, многие невесты переживали подобные моменты перед свадьбой. Художнику даже пришлось делать копии этого сюжета, и одну из них приобрел Третьяков.

А сам Пукирев так и не женился, хотя известно, что в его доме жила некая Софья Петровна Терехова, которую знакомый художника Неврев в записке, адресованной Третьякову, даже называет госпожой Пукиревой. По-видимому, она очень любила Пукирева — согласилась на

невенчанный брак, а в то время это было очень унижительно, в глазах общества Софья Петровна считалась падшей женщиной. Но она шла на все, чтобы только быть с ним рядом. Все, знавшие Пукирева в те годы, говорили, что он всегда был чисто одет, ухожен. А сам художник Софью Терехову, видимо, все же не любил, раз не узаконил их отношения, но был благодарен за ее любовь и принимал ее. А что ему оставалось делать — Пукирев был болен (сильные приливы крови к голове, как пишут «Брокгауз и Ефрон»), и нуждался в ней, в ее тепле, в ее заботе. Уже в марте 1873 года по состоянию здоровья художник был вынужден выйти в отставку, но занятия живописью он все-таки не оставил.

Только вот работы его теперь почти не покупались, и нужда прочно поселилась в его доме. В феврале 1884 года, доведенный до отчаяния, Пукирев обратился с прошением на имя московского генерал-губернатора и председателя Совета Московского художественного общества, князя В.А. Долгорукова. «Состоя на службе в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества преподавателем двенадцать лет, — писал он, — я захворал... и вышел в отставку.

Невзирая на мой страшный недуг, вышедши из Училища, я продолжал работать; теперь же силы мне положительно изменяют, по нездоровью не могу заниматься искусством, почему средств к существованию не имею. Я обращаюсь к вашему сиятельству, как к председателю Учи-

*«Двоеженец»
или
«Прерванное
венчание»*

лица, гуманному покровителю искусства, прося ходатайствовать мне о пенсии». Но Совет Общества, куда князь В.А. Долгоруков направил это прошение, на заседании 16 мая отказал художнику. Последние годы жизни он жил на маленькую субсидию, от 300 руб. до 420 руб., выдававшуюся ему Обществом любителей художеств. Было бы совсем худо, если бы не друзья, особенно художники Неврев и Грибков, которые очень ему помогали, ну и,

конечно, о нем никогда не забывал Третьяков.

1 июня 1890 года Василий Пукирев, автор знаменитого полотна «Неравный брак», скончался — замечательный русский художник умер в крайней бедности.

В некрологе, написанном А.И. Сомовым, сказано: «Среди товарищей и учеников он оставил о себе теплое воспоминание, а в истории русского искусства — блестящий, хотя и короткий след». □

Юрий Веденеев!

«Все жанры хороши, кроме скучного...»

Юрий Петрович Веденеев — народный артист РСФСР, награжден орденом Почета и орденом Дружбы народов. Является ведущим артистом Московского театра оперетты, а в течение двадцати пяти лет проработал в Большом театре. Это редкий и очень яркий талант, он одинаково блестяще исполняет сложнейшие партии и в опере, и в оперетте, радуя своих поклонников

уникальным голосом. Юрий Веденеев пел с такими выдающимися партнерами, как Елена Образцова, Маквала Касрашвили, Тамара Синявская, Владимир Атлантов, а его дуэт со Светланой Варгузовой забываем и невероятно любим публикой. Мы не могли обойти вниманием этого удивительного человека и певца...

— Юрий Петрович, кто повлиял на ваш выбор профессии?

— В моей семье все любили музыку: оперу, оперетту. Родители обладали идеальным слухом, и, надо сказать, неплохо пели. Музыкантов и певцов среди родных не было, папа — дипломат, работал в Швеции, и я помню, как в 1956 году в Стокгольм приехала первая советская делегация. В посольской голубой гостиной выступал великий Георг Отс! Он пел знаменитую арию Мистера Икса. А много лет спустя на банкете в театре оперетты я исполнил для него арию Цыганского барона.

Мне всегда хотелось петь. С четвертого класса я принимал участие в школьной самодеятельности, а когда прошло мое сольное выступление, помню, как изменилось отношение учителей ко мне, оценки по успеваемости даже стали лучше.

Вообще, я всегда любил спорт. С детства «болел» за ЦСКА, в юности серьезно занимался легкой атлетикой на стадионе Юных пионеров и дважды был чемпионом Москвы среди юношей среднего и старшего возраста. Имею мастерские результаты по прыжкам в высоту — прыгал выше двух метров. Позже мне эти занятия спортом очень пригодились в жизни. Ведь спорт помогает артисту держать форму, двигаться на сцене. У артиста и спортсмена век короткий, нужно блеснуть и подняться на высоту!

— В оперетте надо не только иметь голос, но и уметь танце-

вать. Вы занимались в детстве хореографией?

— В 1952 году, когда объединили в средней школе мальчиков и девочек, у нас преподавали уроки балетного танца, а лучших детей, кто проявил себя на занятиях, во Дворце «Крылья Советов» отбирала сама Ольга Васильевна Лепешинская, знаменитая балерина Большого театра. Так в 1952 году я был принят в Московское Государственное хореографическое училище, но Лавровского, Васильева, Радченко из меня не получилось (хотя бы потому, что в 1954 году я с родителями уехал в Стокгольм, в Швецию).

Но с танцем я всегда, как говорится, на «ты». В ГИТИСе во время учебы мы с Инарой Гулиевой были партнерами и, когда выпускались, показы-

вали, как лучшие студенты, номер из балета «Дон Кихот». Наш педагог специально на нас поставил болеро. Вот такой был уровень обучения.

— В ГИТИС вы поступили после школы?

— Нет. Поступал я в медицинский институт, и до сих пор не понимаю, почему сдал именно туда документы. Завалил химию на вступительных экзаменах, неправильно написал формулу уксусного альдегида, и сразу же забрал документы. Поехал отдыхать к бабушке на море, в мой родной город, в Новороссийск. А меня в это время уже искали в Москве! Ну, как же так? Спортсмена такого уровня мы бы взяли, институту такие профессионалы нужны!

А я вернулся с отдыха и пошел работать на механосборочный завод, где школьную практику проходил. Деньги даже там неплохие зарабатывал. Однажды один из рабочих случайно услышал, как я запел, и сказал, тебе, Юра, в ГИТИС надо, с таким голосом, да с такой фактурой ты поступишь сразу!

И в 1964 году я действительно поступил в ГИТИС на московский курс к Георгию Павловичу Ансимову, он набирал двенадцать человек для театра оперетты.

— В июне 2012 года исполнилось девяносто лет выдающемуся театральному режиссеру, народному артисту СССР Георгию Павловичу Ансимову. Рассказывают, что он очень строгий, требовательный педагог.

— Ансимов отбирал людей только талантливых, он обладал бесценным даром видеть и растить больших актеров. Георгий Павлович — сам выпускник ГИТИСа, ученик Бориса Александровича Покровского. С 1955 по 1964 год он работал оперным режиссером Большого театра, а потом до 1975 года был главным режиссером театра оперетты.

— После ГИТИСа вы сразу пришли в театр оперетты?

— Меня еще студентом Георгий Павлович Ансимов пригласил в «Оперетту», а с 1972 года я уже был действующим артистом театра.

Помню, тогда на учебу к Георгию Павловичу Ансимову пришел после армии Лев Лещенко, а я к тому време-

ни, отучившись всего месяц, был призван в армию! В январе 1965 года вышел приказ об отсрочке от армии абсолютно для всех студентов, но я уже служил в ансамбле песни и пляски Белорусского военного округа, и только через три года вернулся к учебе.

Среди моих друзей-сослуживцев были замечательные ребята, творческие, талантливые люди. Игорь Иванович Раевский сейчас руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски, дирижер, хормейстер, народный артист. Потрясающий человек!

— В 1988 году вас пригласили в Большой театр...

— После юбилейного концерта, посвященного шестидесятилетию театра оперетты, тогда я спел каватину Фигаро, меня пригласили в Большой театр, и я проработал там по контракту двадцать четыре сезона.

— Более двадцати ведущих оперных партий: Фигаро, Скарпия,

Набукко, Онегин, Жермон... В оперетте: Мистер Икс, Айзенштайн, Граф Люксембург, Цыганский барон, Граф Данило, Эдвин... А есть ли самые любимые?

— Все партии самые любимые! И те, которые еще будут!

— ***Вообще, насколько я знаю, это редкий прецедент. Не так уж часто приглашают из оперетты в оперу...***

— Действительно редкий, но бывает. Например, Сергей Лейферкус пел и в опере и в оперетте, также и Володя Самсонов. В молодости я хотел выступить в Большом театре, но всерьез об этом никогда не думал.

Звание народного артиста РСФСР я получил через три года после того, как стал заслуженным артистом

РСФСР. Это редкость, сейчас нужно двадцать лет отработать, а потом только тебя будут рассматривать как кандидата.

Мне кажется, что звание надо давать за талант, а не за выслугу лет. Доминго, Каррерас, Паваротти, Нетребко, Хворостовский — у них нет званий, да они им и не нужны. Это имена!

— ***Сегодня, если можно так выразиться, вошли в моду мюзиклы. В театре оперетты они собирают полный зал. Вы заняты в мюзикле «Фанфан-Тюльпан» и за роль Людовика XV получили музыкальную премию...***

— Все наши артисты в нем заняты и исполняют свои роли талантливо. Роль Людовика очень выигрышная для актера, и мне она нравится. Но, в целом, в мюзикле

абсолютно другая манера исполнения, и перестроиться сложно.

Мой педагог всегда говорил: «Ты — баритон. Будешь лирико-драматическим певцом. В опере и оперетте надо петь одинаково хорошо, учитывая характер музыки и произведения».

Когда я пел партию Ланчотто Малатеста в опере «Франческа да Римини» Сергея Рахманинова (она «низкая»), мне предложили спеть и партию Бориса Годунова. Но я отказался, потому что можно посадить голос, и вообще надо полностью поменять всю психологию, чтобы из баритона перейти в басы. Голос можно опустить, но вернуться — сложно. У Шаляпина был высокий бас. Уникальный голос! Многие басы пробуют спеть его репертуар, но не каждому это удается. И дело не только в голосе, но и во внутренней энергетике, высоком актерском мастерстве, в особой эмоциональности. Среди артистов единицы, которые могут все.

Константин Сергеевич Станиславский пригласил Федора Ивановича Шаляпина прочесть для труппы МХАТа «Короля Лира». А когда слушание закончилось, он сказал, что не будет ставить этот спектакль. И объяснил: «Нет у нас такого Лира!» Вот и все.

— «Веселые ребята», «Свадьба в Малиновке» — кто называет их музыкальными комедиями, кто киномюзиклами. А на ваш взгляд, какой советский мюзикл появился первым?

— В театре оперетты в 1973 году прошел первый мюзикл «Свадьба Кречинского» Владимира Воробьева-Георгия Ансимова на музыку Александра Колкера.

Песню Лидочки лучше Варгузовой никто не поет, даже сама Мария Пахоменко говорила Светлане, что она это делает блестяще.

Мюзикл — американское искусство. После Второй мировой войны появились популярные театральные мюзиклы и киномюзиклы: в 1956 году — Ф. Лоу «Моя прекрасная леди», в 1957 году — Л. Бернстайн «Вест-Сайдская история».

Исаак Дунаевский создал своеобразный вариант американского мюзикла, какая музыка!

— Музыкальный театр подразумевает артиста многогранного, умеющего многое. Этому можно научиться или талант дается с рождения, от Бога?

— В институте тебя готовят, а в театре можно раскрыться, набраться опыта. Учить можно — научиться невозможно. Талант или есть, или нет.

Я часто бываю председателем государственной экзаменационной комиссии в ГИТИСе с Тамарой Ильиничной Синявской. Она тоже выпускница ГИТИСа, солистка Большого театра. Когда-то на одной сцене пели, я — Онегина, Тамара Синявская — Ольгу. Смотрим, как обмельчало все...

Сейчас форматы, проекты — столько иностранных слов произносится, а на самом деле все это —

«филькина грамота». Образовательная система стала другой.

Помню, как знаменитый профессор Щукинского училища Лев Свердлин показывал нам, студентам, что такое биомеханика.

Со словами: «Это очень просто!» он вскакивал и делал кульбит через стол и тут же вставал. Вот это шок! Все драматические отрывки мы готовили с Анатолием Ивановичем Борисовым, у которого учились Константин Райкин, Наталья Гундарева. Время тогда было совсем другое, и вообще, каждое время диктует свои права и интересы. Жаль только, что уже ушли из жизни такие великие педагоги. Но на это сетовать нельзя. Надо жить и, пока востребован, — работать. Спину всегда надо держать прямо!

— Кто ваши кумиры в опере?

— Владимир Атлантов и Марио дель Монако. Уникальные голоса.

— Юрий Петрович, как вы относитесь к современным постановкам классических спектаклей? К новым формам в опере, оперетте?

— Скажу так: не можешь — не берись! Если это сделано талантливо и мастерски — то почему бы и нет? Есть современная постановка «Богемы» Пуччини с участием блистательной Анны Нетребко. Действие перенесено в наши дни — рокеры, Макдоналдсы... Но! Как артисты пели и играли! На разрыв... Прощается все! Искусство — это когда в сердце входит ниточка белая, а выходит красная. Это трудно.

Все жанры хороши, кроме скучного. И драма, и балет, и мюзикл, и опера могут быть плохими. Все зависит от того, с какими руками и мозгами к этому подойти. Но сегодня в театре возможно все.

— Дуэт Светлана Варгузова — Юрий Веденеев называют дуэтом всех времен и народов. Как он родился?

— Однажды на гастролях в Ленинграде в 1976 году, в Октябрьском зале, спели дуэтом с Варгузовой «Помнишь ли ты?» Так и пошло. До сих пор мы вместе на сцене. Весь репертуар исполнили, концерты, поездки за рубеж...

С Варгузовой раньше часто снимались на ТВ, когда-то оперетту у нас любили и часто показывали по телевидению. Зрители на гастролях из разных городов нередко спрашивают, а почему сегодня на экране нет оперетты?

— Наверное, в Европе оперетту любят больше?

— Думаю, да... Австрия — Мекка оперетты. Франция — родина. Жак Оффенбах 5 июля 1855 года открыл свой маленький театр в Париже, на Елисейских Полях, и этот день считается днем рождения оперетты.

Оперетта никогда не умрет, и переживет даже мюзикл.

— В театре оперетты недавно прошла премьера «Феи карнавала» в постановке Жанны Жердер, с мастерами сцены: Светланой Варгузовой, Юрием Веденеевым, Герардом Васильевым...

— Комедия положений, прекрасная музыка Имре Кальмана, искрометный юмор, заняты ведущие артисты, молодежь. Спектакль яркий, костюмный, балет отлично работает. Семь хороших рецензий у постановки, что большая редкость для любого спектакля. Здорово!

— **Артист должен всегда хорошо выглядеть?**

— Конечно, ведь это публичная профессия. Я всегда стараюсь быть на высоте, хорошо одет и причесан не только на работе, но и дома. Некоторые артисты позволяют себе выглядеть неряшливо: им все равно, в чем ходить, и это неправильно. Нужно всегда держать планку, и даже если ты начинающий артист — соответствуй. Не выходи на репетицию в кроссовках, халат держи в примерке. У человека должна быть внутренняя культура. Безразличие к своему внешнему виду недопустимо.

— **У вас есть хобби?**

— Хобби — это моя работа. Это данность. Удачное сочетание. Рыбачить люблю, но удается редко. Я — гурман, нравится самому что-то вкусное приготовить. Люблю быть хорошо одетым! Но в нормальных пределах — никаких Гуччи и Версаче.

В 1996 году с «Пиковой дамой» гастролировали в Аргентине, в знаменитом театре Колон, в Буэнос-Айресе. В дорогом обувном магазине я купил лайковые сапожки для репетиций. Владимир Атлантов, тоже большой любитель одеваться, купил себе точно такие же, но ко-

ричневые. Так мы и щеголяли на репетициях в новых сапожках.

Это не вещизм, а одна из составляющих актерской профессии. Артист должен всегда хорошо выглядеть!

— **Что вы напоследок пожелаете зрителям?**

— Я рекомендую всем, я требую, дорогие зрители, вы обязательно должны прийти в оперетту, чтобы получить огромный заряд бодрости, здоровья и любви! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Александр
Аннин

«Братва» И БРАТИЯ

Александра Архангельского

В эту северную православную обитель я езжу каждый год, случается, и не по разу. Проторил, что называется, дорожку. Много на Руси монастырей, почти все они возвращены Церкви, хоть худо-бедно, а населены иноками, послушниками. И хочется, конечно, побывать и там, и сям... Но... Подумаешь, подумаешь, да и едешь привычным маршрутом.

И вот оно, студеное озеро, а на лесном берегу — братские корпуса и монастырский собор Богоявления...

БАНЩИК

«Докладываюсь» местному начальству в лице хлопотливого игумена Арсения: прибыл, мол, потрудиться во славу Божию (на церковном языке это означает, что паломник готов работать бесплатно, за стол и кров —

жиденский, надо сказать, стол, и ветхий такой кров). Наскоро благословив меня, без лишних расспросов (как старого знакомого), отец Арсений устремляется дальше, по своим игуменским делам.

— Саша Архангельский здесь еще? — только и успеваю спросить вдогонку.

— Здесь, здесь, куда ему деваться, — ворчит игумен. — Иди в баню!

В баню, так в баню... Значит, представил меня отец Арсений помогать брату Александру пилить-колоть дрова, поленницы складывать. Помнится, в прошлый раз игумен послал меня «в сад» — монастырский огород с плодовыми деревьями да теплицами...

Не больно-то любит Архангельского монастырское начальство. Да и за что его любить-то? В обителях испокон века приветствуются смирение да неприметность. А Саша — во всяком деле первый, да еще донимает настоятеля новыми «проектами». Прямо выскочка, прости Господи!

Не один я, приехавши, первым делом спрашиваю Архангельского: из рыбнадзора ли местного пожалуют, из пожарной инспекции, строительной организации — все, после обязательного визита к игумену, ищут Сашу, именуют его «монастырским представителем». Талант у него такой — обо всем со всеми договариваться.

Кто же это такой — Саша Архангельский? Рясофорный послушник Александр (Антонов) родился в 1968 году в Архангельске. Окончил строительный техникум. Мастер спорта по вольной борьбе. В конце 80-х и начале 90-х был «переговорщиком» в одной из организованных преступных группировок Архангельска. А в 1991-м приехал сюда, стал сначала «трудником», затем — послушником строго-

го мужского монастыря на Севере России.

Всякий раз боюсь, что не застаю Архангельского в стенах обители. Монахи да послушники — они ведь как солдаты: скажет начальство, и отправишься кормить мошкарку в отдаленный скит — там тоже люди нужны. Или, хуже того, в Москву, на подворье — это своего рода «посольство» монастыря в стольном граде. Шум, суета, искушения всякие... От чего ушел, к тому и вернулся. Хоть плачь.

А еще могут и вовсе выгнать за провинность, или сам уйдешь, коль тоска заест. Или западет в голову дурная мысль, будто бы в другой обители лучше будет подвизаться: там, дескать, и братия поприветливей, и молитва доходчивей до Бога, и труды, то бишь — послушание, спасительнее... Много таких странников в порыжелых подрясниках мотаются по белу свету, ищут себе монастырь на «вечное» жительство. И все не находят успокоения...

Рыбалка, трапезная, огород, мастерская...

Саша выпрямляется, откладывает колун, вытирает ладони о рабочий подрясник с истрепанным подолом.

Жму ему руку, словно только вчера виделась, и спрашиваю:

— Значит, истопником теперь? Банщиком?

— Да, брат, теперь вот на бане...

Много послушаний сменил Архангельский. Сначала определили его на кухню — щи да каши варить,

картошку чистить... Это, как я успел подметить, поветрие такое в некоторых возрожденных российских монастырях — ставить человека именно на ту работу, к которой он меньше всего пригоден. Проверка на смирение, на твердость решения стать монахом? Не иначе.

Саша готовить вообще был не приучен, но тут словно кто-то невидимый помогать ему взялся. В одиночку, редко — вдвоем, он и воду с озера таскал, и печи в трапезной топил, и еду на два десятка монашествующих готовил. Да какую еду! Из самых простых продуктов — картошки, свеклы, капусты, грибов, чечевицы — готовил Саша такое объедение, что впору в ресторане подавать, а не в строгом монастыре. «Ну, брат, накормил, так накормил, — качали головой монахи, вываливаясь из трапезной. — Прости, Боже! Ввел ты нас, Саша, во грех чревоугодия...»

Дальше — больше: измыслил Архангельский белый хлеб выпекать. Да такой у него хлеб получался, что квадратные, поджаристые буханки не стыдно было давать на дорогу именитым гостям: что епископу местному, что генералу заезжему... Помнится, и мне, столичному журналисту, выделили как-то буханочку, да еще и «блинок» сыра в придачу: брат Александр, оказывается, наладил сыроварню в пустующей келье...

Суровый постник отец Варфоломей как-то при мне выговаривал Саше: мол, негоже в монастыре утробу тешить, не затем сюда стекались со всего бела света насельники. «А ты

не ешь, отче, — попросту ответил Архангельский. — Тогда тебе твои лишения вдвойне на том свете зачтутся».

Легко сказать — не ешь! Попробуй не испробовать...

И Сашу убрали с трапезной.

— Иди, брат Александр, рыбу ловить, — сказал игумен Арсений. — Ты же из поморов, у тебя рыбалка в крови сидит...

И то сказать: монастырь на озере, а своего рыбного промысла вовсе нет. Архангельский починил полу-сгнившие сети, доставшиеся в наследство еще от довоенной рыболовецкой артели, расставил их вдоль плеса. Глядь — рыбнадзор! Слово за слово... Взяли Сашу под белы ручки, да и увезли на моторке в райцентр. А на следующий день вернулся Архангельский в монастырь, отчитывается перед игуменом Арсением: вот, мол, договорился с властями, согласны отвести нам часть озера в бесплатную аренду. Лови — не хочу!

И стала свежая рыба в монастыре чуть ли не повседневной едой (кроме постных дней, разумеется). Все лучше, чем на пареной брюкве да на отварной пшенке сидеть — новому повару, к удовлетворению отца Варфоломея, больше ничего путного состряпать не удавалось, а хлебопечкарню и сыроварню прикрыли, как только Архангельский рыбаком заделался.

Опять начальство ворчать на Сашу принялось: нам что теперь, этой рыбой торговать, что ли? И послали Архангельского «в сад».

— Давай, огород распахивай, парники строй, — велел игумен Арсений.

Велено — сделано: соорудил Архангельский теплицы, грядки раскопал, посадил огурцы, кабачки, картошку... Тыквы у него по осени такие вымахали, что деревенские богомолки диву давались: дескать, не без Божьего чуда здесь дело-то! И потянулись в монастырь окрестные жители на тыквы диковинные поглазеть, да семена выпрашивать...

— Срубай, Саша, свои тыквы, и чтобы больше их не было, — распорядился игумен. — У нас что тут, проходной двор, что ли? Или ВДНХ какое? Давай, столярную мастерскую налаживай, иконостас соборный вырезать надо...

Как-то на Покров, уж первые морозы ударили, сидел я с братией в жарко натопленной трапезной, щи из прошлогодней квашеной капусты хлебали; с клубами пара ввалился Архангельский, а в заиндевелых руках — огромный глухарь, кровь с него на пол капает. Подранка Саша случайно нашел в лесу, когда за хвостом ходил. Все молча смотрели, как Архангельский заботливо устраивает несчастную птицу на мягкой подстилке возле печки. Первым подал голос отец Варфоломей:

— Ты, брат Александр, случайно не того? Не белены ли покушал? По уставу в монастыре мясная пища не допускается...

— А я, отче, не на еду его принес. — Саша перевел дух и добавил: — Вот выхожу птицу, а как окрепнет, так в лес обратно отпущу...

— У нас тут не ветлечебница, — как-то неуверенно молвил игумен Арсений.

— Отец настоятель! — взмолился Архангельский. — Блажен, иже и скоты милует!

Игумен сразу обрел всегдашнюю властность:

— Вот ты только меня Святому писанию учить не вздумай! Ишь, богослов!

И глухаря отдали на съедение сторожевой собаке...

В НОЧНОМ ДОЗОРЕ

Как мы с Сашей подружились (если только это слово уместно в стенах строгой обители)? А вот как. Послали нас вдвоем перед Успеньем ночью сети сторожить (без караула нельзя: проспишь, так мигом местные браконьеры снимут снасти, не посмотрят, что у монахов воруют). На берег плеса выгребали по узенькой извилистой протоке в камышах, причем, согласно упомянутой и совершенно дикой с моей точки зрения традиции, на весла был определен именно я, как человек, никогда их в руках не державший. Прямым следствием моей неопытности (и, по убеждению моему, нелепого распределения ролей игуменом Арсением) было то, что нос лодки постоянно зарывался в часток кол камышей. Саша злился, покрикивал: «Табань, говорю! Ну, куда тебя несет нелегкая!» Я мрачно сопел под нос, жутко лютовал в душе на Архангельского, который, будучи «смирненным послушником», смеет орать на меня, «вольного» человека, журналиста, с которым сам епископ ласково беседует!

И надо же! Простосердечный Архангельский принял мое молчание за чувство вины, за покаянное признание своей неуклюжести, неумелости.

Потом, когда мы уже сидели у костра, озарявшего ночной плес, Архангельский сказал:

— Надо же... Я, брат, так тебя хулил, оскорблял, а ты даже не обиделся... Не думал, что в миру есть такие смиренные люди, особенно среди столичных...

И я сразу потеплел к Архангельскому, не стал его переубеждать, разочаровывать. Да, мол, есть и среди нас люди смиренные... И смех, и грех!

Тогда вспомнилось мне, как Саша в одиночку троих бугаев-браконьеров повязал, на дно их лодки штабелем сложил да в деревню переправил. Оказалось, Архангельский в юности мастером по вольной борьбе был. А братья не знали! Не принято в монастыре о прошлой жизни расспрашивать.

У костра брат Александр поведал мне кое-что сам, без расспросов.

Вернувшись после армии домой в Архангельск, он в конце 80-х, как-то незаметно для себя, прибил к местной бандитской группировке. «Братва» Сашу уважала как известного в городе спортсмена-борца, человека смелого и справедливого. И стал он у бандитов кем-то вроде «переговорщика»: решал с конкурентами спорные вопросы, договаривался о «стрелках» и «правилках».

Саша говорил, что всегда стремился выступать как миротворец — если была хоть малейшая возможность. И я ему верю: есть в его манере общения что-то такое, что сра-

зу настраивает собеседника на миролюбивый лад (впрочем, как я убедился, к монастырскому начальству это не всегда относится). Несколько раз Саше, по его словам, удавалось в буквальном смысле отомолить у «паханов» приговоренных братков.

— Знаешь, — вспоминал послушник, — какое напряжение испытываешь во время таких переговоров? Одно неверное слово — да что слово, интонация не та, жест! — и ты, как минимум, пожизненный инвалид.

Как-то Саша пришел в храм и услышал, как священник утешал молодых родителей, которые хоронили грудного ребенка. Батюшка говорил: «Младенцы, по нашим, православным представлениям, попадают в рай. И вы, вместо того, чтобы горевать да убиваться, старайтесь жить так, чтобы после смерти встретиться в раю со своим сыночком».

И с таким спокойным убеждением сказал это священник, что Саша, стоявший в сторонке, сразу и безоговорочно ему поверил. Да, есть рай и ад, есть Бог и дьявол. С кем же встретится на том свете он, Саша по прозвищу Архангельский?

Уже через два дня он был в монастыре, лежавшем далеко-далеко от родного дома.

— Вот видишь, — сказал я Архангельскому у костра, — правду говорят: неисповедимы пути Господни. Может, если не служил бы ты бандитам, так, пожалуй, и к вере бы не пришел. Так что все у тебя удачно в жизни сложилось.

Саша помолчал, глядя на огонь, потом тихо проговорил:

— Нет, брат, уж лучше бы не был я никогда среди мафии. Еще неизвестно, отмолю ли я те два года. Даже за целую жизнь в монастыре. Хоть я и не грабил, не пытал, не убивал никого своими руками. Конечно, пути Господни неисповедимы. Это верно. Но лучше все-таки ходить прямыми стезями, а не петлять. Так Христос учит.

ОДИН В ЧИСТОМ ПОЛЕ...

Его все-таки выгнали из монастыря. Выставили, вынудили уйти — какая разница? Я узнал об этом недавно, когда ездил на похороны игумена Арсения (надо же, позвонили, отыскали в записной книжке покойного старца мой мобильный телефон!)

Посреди Богоявленского собора, у гроба настоятеля, среди прочей братии стоял и искренне, горько плакал Саша Архангельский. Я отметил про себя, что он был в необычной для его облика мирской одежде — костюме и галстуке.

Уже потом, после горестного для всей округи погребения первого бесменного настоятеля возрожденной в 1991 году обители, после поминальной трапезы я спросил Сашу:

— Что, выгнали?

А про себя подумал: «Где же ты теперь обитаешь, Архангельский, друг моей молодости. Из каких краев приехал на похороны?»

... Мы ехали к нему на попутках — есть еще на Руси такие места, где вас подвезут без денег, из человечности. Вот и деревенька посреди поля — домов этак восемь-десять, и все крепкие, северной, старинной рубки.

Во всей деревеньке живет один только Саша Архангельский. Впрочем, и не деревня это вовсе, а село: вон, на пригорке, высится полуразрушенный кирпичный храм с крестом-новоделом.

Церковь восстанавливает Саша Архангельский. По собственному почину, в одиночку. Один следит за порядком и чистотой в сельце, разводит коз, убирается на маленьком кладбище. Мечта у него: сохранить, донести эту русскую деревню до будущих, лучших, может быть, времен. Вот только храм бы восстановить, уверен Саша. Глядишь, прийдет епархия бабюшку, много сейчас их без своего прихода мыкается... С ним — семья многочисленная переберется, а там и работники заселят пустующие добротные избы.

— Оставайся, — спокойно предложил мне Архангельский.

Я аккуратно перевел разговор на другие рельсы:

— Да как же ты, брат Александр, такую неподъемную ношу осилишь? Храм восстановить...

— С Божьей помощью, потихоньку... Вот кровлю настелил, теперь стены латаю.

Рядом с церковью — штабеля свежеструганных половых досок, поддоны с хорошим кирпичом, внутри, под крышей — крафт-мешки с цементом. Кто-то из состоятельных людей, видно, проникся мечтой Саши Архангельского, поверил в него...

Этот кто-то — средней руки бизнесмен, живущий километров за двести. По вероисповеданию — мусульманин. □

Джоан
Босуэлл

Мистер Мордашка

Боже, зачем меня куда-то тащат?.. Почему мы остановились?.. Как же мне паршиво!.. Что это, лай собаки?..

— Твою мать! Никак, она откинулась?

Сразу узнаю голос своего коллеги Бруно — с виду приличного семьянина, а на поверку — страшного бабника. Последнее, что я помню — мы выпили после работы и...

— Она дышит, болван! От этого зелья они лишь вырубаются...

Это уже мой шеф, глава «Эддисон руфинг» красавчик Альберт Росс: для друзей — Берти, а для подчиненных (разумеется, за глаза) — Мистер Мордашка.

Несмотря на дурноту, я в сознании, так что, если они собираются использовать меня, как резиновую куклу, у них ничего не выйдет. Надо придумать план. Где я? Тихонько разжимаю веки. Все двоится, но, тем не менее, мне удастся разглядеть голубую дверь с табличкой «№ 37». Моя квартира. Значит, лает Саша, мой золотистый ретривер.

Не будь мне так плохо, я бы расхохоталась. Этим парням крупно не повезло. Вообще-то, ретриверы — собаки спокойные, но тренер натаскал ее выполнять все мои команды. А едва мы окажемся внутри, я молчать не стану.

— Может, тогда не стоит? Я и не знал, что у Сони есть собака. — Мое лицо обдаёт струя сигаретного дыма. Это толстяк Доминик — обрюзгший коротышка с волосатыми руками и неестественно длинными зубами, придающими ему сходство с барракудой.

Хотя голова раскалывается от боли, а в желудке пышет изжога, злость берет верх. И как только они посмели?..

— Соня — женщина одинокая, вот и купила кассету с собачьим лаем, чтобы воры держались подальше от дома. — Берти продолжает строить из себя Казанову, знатока женской природы.

— Ну, и черт с ней! Ненавижу собак. Может, лучше свалим отсюда?
Что ж, настало время проучить их как следует, и я, закатив глаза, издаю тихий протяжный стон.

— Она приходит в себя! Я — пас! — У Бруно явно шалют нервишки.

— Едва мы затащим ее в квартиру, ты мигом передумаешь, — уверяет его Мистер Мордашка, упрямый, как осел, и «добрый, как кобра».

— Маленькая, а тяжелая! — ворчит Доминик. — Давайте быстрее, пока нас не засекли! Откройте эту чертову дверь.

— О, Господи... — еле слышно бормочу я. — Что случилось? Мне так плохо...

— Парни, я готов, — сообщает Бруно.

Стоит Саше узнать мой голос, лай переходит в угрожающее рычание, и собака начинает бросаться на дверь.

Повернув ключ в замке, Доминик делает шаг вперед, и я что есть мочи кричу:

— Саша, фас!

Удивленный вскрик. Треск раздираемой материи. Ругань. Свирепый рык.

— Господи, он меня цапнул! — в панике визжит Доминик. — Помогите! Я делаю рывок и падаю на пол прихожей.

Еще один вскрик... хлопок закрывающейся двери... и тишина.

Шершавый язык лижет мою щеку.

— Умница, Сашенька... я знаю, как тебе было противно... Ты у меня хорошая собачка.

Я поглаживаю ее шелковистую голову, чтобы она подвинулась, перекачиваюсь на спину и дожидаясь, пока мир перестанет вращаться, а в животе наступит относительное спокойствие. Открывать глаза совсем не хочется, а придется. Собравшись с силами, я хватаюсь за косяк и поднимаюсь на колени. В коридоре — ни звука, и я, приоткрыв дверь, нащупываю связку ключей, торчащую в замочной скважине. После чего запираюсь на два оборота и накидываю цепочку...

Валиум — вот что, скорее всего, они сыпанули мне в бокал в ходе импровизированной вечеринки в офисе. М-да, мне следовало быть начеку. Голова трещит так, будто по ней залепили чугуновой сковородкой, и я, проглотив целых три таблетки аспирина, тащусь на кухню в надежде, что большая чашка зеленого чая более-менее приведет меня в порядок.

Пока я осторожно, стараясь не приложиться виском о стену, плетусь по коридору, мне не дает покоя мысль, как поступить с Мистером Мордашкой и его друзьями.

Мэри-Джо — моя напарница и совладелица нашей совместной фирмы (мы обе — судебные исполнители с лицензиями частных детективов) —

наверняка посоветует мне выйти из игры. Кроме того, начнет уговаривать заявить в полицию. Наркотик не менее суток будет находиться в моем организме, а его следы — в одном из оставленных в приемной «Эддисон руфинг» бокалов с моими отпечатками пальцев.

Отличный способ рассчитаться с этими подонками, не так ли?

Если бы не одно «но» — мистер Джеймс Уиттейкер, вложивший в компанию изрядную сумму, почему-то вбил себе в голову, что она отмывает деньги мафии, и нанял нас, чтобы это доказать. Устроившись туда секретаршей, я накопала достаточно улик, подтверждающих его подозрения. И что теперь — все бросить, да еще вернуть ему аванс?

Крошечными шажками добираюсь до кухни и, включив газ, ставлю чайник на огонь.

Прихлебывая чай с ромашкой, размышляю, как быть дальше. И понимаю — если настрочить заявление в полицию, то к «Эддисон руфинг» меня не подпустят и на пушечный выстрел, что будет означать полный провал.

После ночных кошмаров, заставивших меня несколько раз просыпаться в холодном поту, я встаю, принимаю еще три таблетки аспирина и, придирчиво осмотрев свой гардероб, выбираю мягкий голубой свитер из ангоры и строгую черную юбку. Одевшись, подвожу глаза карандашом цвета морской волны, накладываю синие тени для век и крашу губы нежно-розовой помадой. Сегодня мне надлежит выглядеть недотрогой, которую любой мужчина был бы не прочь затащить на сеновал, но в то же время и не постеснялся бы познакомиться со своей матерью.

Мистер Мордашка появляется в офисе ровно в десять и, похоже, весьма удивлен, видя меня в приемной.

— Альберт, что вы вчера подсыпали мне в выпивку? — с ходу спрашиваю я, не давая ему опомниться. — Учтите, я упаковала все бокалы в пластиковые пакеты и спрятала в надежном месте. И если вы не сможете толково объяснить, почему я очнулась на полу своей квартиры, то передам их полиции. Насколько мне известно, суды выносят довольно суровые приговоры похотливым самцам, которые травят женщин, лишь бы добиться своего.

Берти бледнеет, и у него на верхней губе выступают крошечные бисеринки пота. Он уже не похож на Мистера Мордашку, и у меня не вызывает сомнений, что, стоит мне подойти к нему поближе, как я учую запах страха. Сама мысль о тюрьме повергает Берти в ужас — его старшего брата, отбывавшего срок в «Аттике», сокамерники убили прямо во время прогулки.

— Нет-нет, вы все не так поняли! — испуганно бормочет он, судя по всему, лихорадочно придумывая какое-то убедительное оправдание. — Должно быть, вы подхватили простуду, о которой сейчас все только и говорят. Это какой-то вирус. Гадкая штука. Я слышал, он действует так быстро, что

люди приезжают с работы домой и тут же валятся с ног. Единственный плюс заключается в том, что все проходит через двенадцать часов.

Я долго смотрю на него в упор.

— Неужели такое и впрямь возможно?

Берти выдавливая жалкую улыбку, утирает пот тыльной стороной ладони и поспешно кивает:

— Я понимаю, насколько странно это звучит, однако именно это случилось с вами прямо у меня на глазах. Мы сидели, спокойно выпивали, и вдруг вы совершенно неожиданно «отключились». Я предложил вызвать «скорую», но Доминик сказал, что его сестра подхватила простуду точно таким же образом. Мы подумали, что вам плохо, и решили отвезти домой.

— Что-то мне не верится ни в какую простуду.

— Клянусь, Соня, я не давал вам никаких наркотиков или снотворных препаратов. Судя по всему, это и был тот самый злосчастный вирус. Впрочем, если уж вам так не терпится уволиться, препятствовать не стану. И гарантирую солидное выходное пособие.

Понятно — «кнут» и «пряник» в одном флаконе.

— О'кей, — после продолжительной паузы киваю я. — Будем считать, что ничего не было.

Мистер Мордашка облегченно вздыхает и делает шаг к моему столу.

— Резвая у вас собачка, — криво ухмыляется он.

— Саша? Просто лапочка! Кроткая, как овечка. — Вспоминая, как был Доминик, я не силах удержаться от смеха.

Когда до Берти доходит, что я не шучу, он одобрительно бормочет:

— Классная псина!

Окончательно успокоившись, он вновь горделиво выпячивает грудь и устремляется к своему кабинету, но у двери оборачивается:

— Сегодня мы с ребятами уезжаем на весь день, так что если вам захочется посвятить свободное время магазинам, не возражаю.

Спасибо — я как раз успею скопировать все документы, подтверждающие его связи с мафией, недостающие ФБР, чтобы возбудить против него уголовное дело. Мало того, Альберт Росс служит всего лишь «ширмой», а на самом деле «Эддисон руфинг» полностью принадлежит его отцу — одному из боссов местной Организации, то есть Мафии с большой буквы. Так что сынку и папаше гулять на свободе осталось совсем недолго.

Как, впрочем, и «ребятам», которые подтягиваются к одиннадцати, когда я наливаю себе стакан воды из кулера. На руке Доминика белеет повязка, и меня так и подмывает спросить, как он перенес прививку от бешенства.

— Как самочувствие? — участливо интересуется он.

Я лишь пренебрежительно фыркаю и отворачиваюсь.

— Надо полагать, не очень, — хмурится Бруно. — А у тебя? Что с рукой?

Доминик быстро сует ладонь в карман.

— Пустяки. Случайно порезался.

Проходя мимо, он пытается меня приобнять, но я быстро научилась уворачиваться от его якобы «случайных» прикосновений, зато толстяк Бруно ухитряется легонько и незаметно ущипнуть за ягодицу.

Будь это моей настоящей работой, я бы уже давно подала на «Эддисон» в суд за сексуальные домогательства и наверняка слупила бы с них такую сумму, которой с избытком хватило бы на то, чтобы лет десять подряд потчевать Сашу собачьими деликатесами!

— Джентльмены, вас ждет мистер Росс, — окинув их ледяным взглядом, напоминаю я.

Даже сквозь плотно закрытую дверь до меня доносятся громкие голоса этих «шестерок», изображающих друг перед другом стопроцентных «мачо». Должно быть, парни насмотрелись «Крестного отца» или телесериалов вроде «Клана Сопрано» — во всяком случае, они ведут себя, как актеры из второсортных гангстерских фильмов.

Два дня спустя у меня набирается толстенная папка, полистав которую, любой агент ФБР пришел бы в неопишуемый восторг. Задание выполнено, и теперь можно со спокойной совестью послать Берти с сотоварищами куда подальше, но я решаю вернуться в офис, чтобы лично полюбоваться, как Мистер Мордашка и «ребята» получают по заслугам. Однако сначала стоит посоветоваться с Мэри-Джо.

Позвонив в «Эддисон», я оставляю на автоответчике сообщение, что задерживаюсь у дантиста, переодеваюсь в серый твидовый брючный костюм и замшевые сапожки, после чего спешу в наше агентство, чтобы высказать ей свои соображения по этому поводу.

— ФБР наверняка не понравится то, каким способом мы раздобыли улики, — сразу предупреждает она. — У нас могут отобрать лицензии.

— Теоретически — да, хотя, думаю, нас и пальцем не тронут, — решительно возражаю я. — Они связаны по рукам и ногам массой самых разных инструкций. Кто за них на свой страх и риск будет копаться в чужом «грязном белье», выживая компромат? Но прежде мы обязаны сообщить Уиттейкеру, что его подозрения полностью оправдались.

Мэри-Джо торопливо кивает, словно «китайский болванчик».

— Да-да, именно так нам и следует поступить.

Открыв стоящий у моих ног атташе-кейс, я достаю отчет для Уиттейкера и кладу его перед Мэри-Джо.

— Как прочту, сразу же отправлю ему с курьером. Но неужели тебе охота туда возвращаться? Ты проторчала там больше месяца, и представляю, каково это было.

Вспоминая недавние события, я чувствую себя так, словно вляпалась ладонью во что-то теплое, мягкое и зловонное. Впрочем, у меня хватило ума не рассказывать Мэри-Джо о своих «достижениях» в роли femme fatale.

— Видишь ли, мне хочется полюбоваться на это своими глазами. Нужно позвонить в ФБР сегодня же. Например, Бобу Джонсу. Мы вместе работали над нашими дипломами, и он подскажет, к кому именно обратиться. И предупредить, что действовать надо в темпе, пока какому-нибудь умнику из «Эддисон» не взбрело в голову замести все следы. Федералы предпочитают получить подлинники, а не ксерокопии.

Десять утра. Едва я успеваю подать Берти двойной кофе вместе с его любимым кремовым пончиком, входные двери из резного дуба распахиваются настежь, и в приемную вваливается ватага агентов ФБР, вооруженных постановлением на обыск.

Любые звонки из офиса или по мобильным телефонам запрещены, сейфы и компьютеры взяты под охрану. Всех сотрудников выгоняют в коридор и вежливо выпроваживают вон, предварительно убедившись, что они выносят с собой только личные вещи. До чего же приятно смотреть, как работают профессионалы!

Мистер Мордашка, застигнутый врасплох, рвет и мечет. Поначалу он наотрез отказывается сдать ключи от всех помещений, но при виде бумаги с соответствующей печатью капитулирует, сообразив, что у него и впрямь серьезные неприятности.

— Это незаконно! — визжит он. — Я имею право на телефонный звонок! И требую адвоката!

— Вы его получите. У вас будет куча времени на разговоры.

Когда до Берти доходит смысл сказанного, его лицо вытягивается и покрывается красными пятнами.

Старший агент приказывает нам с Россом сесть в машину, чтобы отвезти в местное отделение ФБР для дачи показаний. И пока нас заталкивают на заднее сиденье черного седана, я с ласковой улыбкой шепчу ему на ухо:

— Альберт, я ведь знаю, что это вы подсыпали мне валиум в выпивку на той вечеринке. И что вы с «ребятами» собирались со мной сотворить, если бы Саша не укусила Доминика. — И, прежде чем он успевает придать своему лицу выражение оскорбленной невинности, добавляю: — Берти, ты такой симпатяга! Вспоминай обо мне и своих планах на мой счет в тюремной камере — когда станешь Мисс Мордашкой!

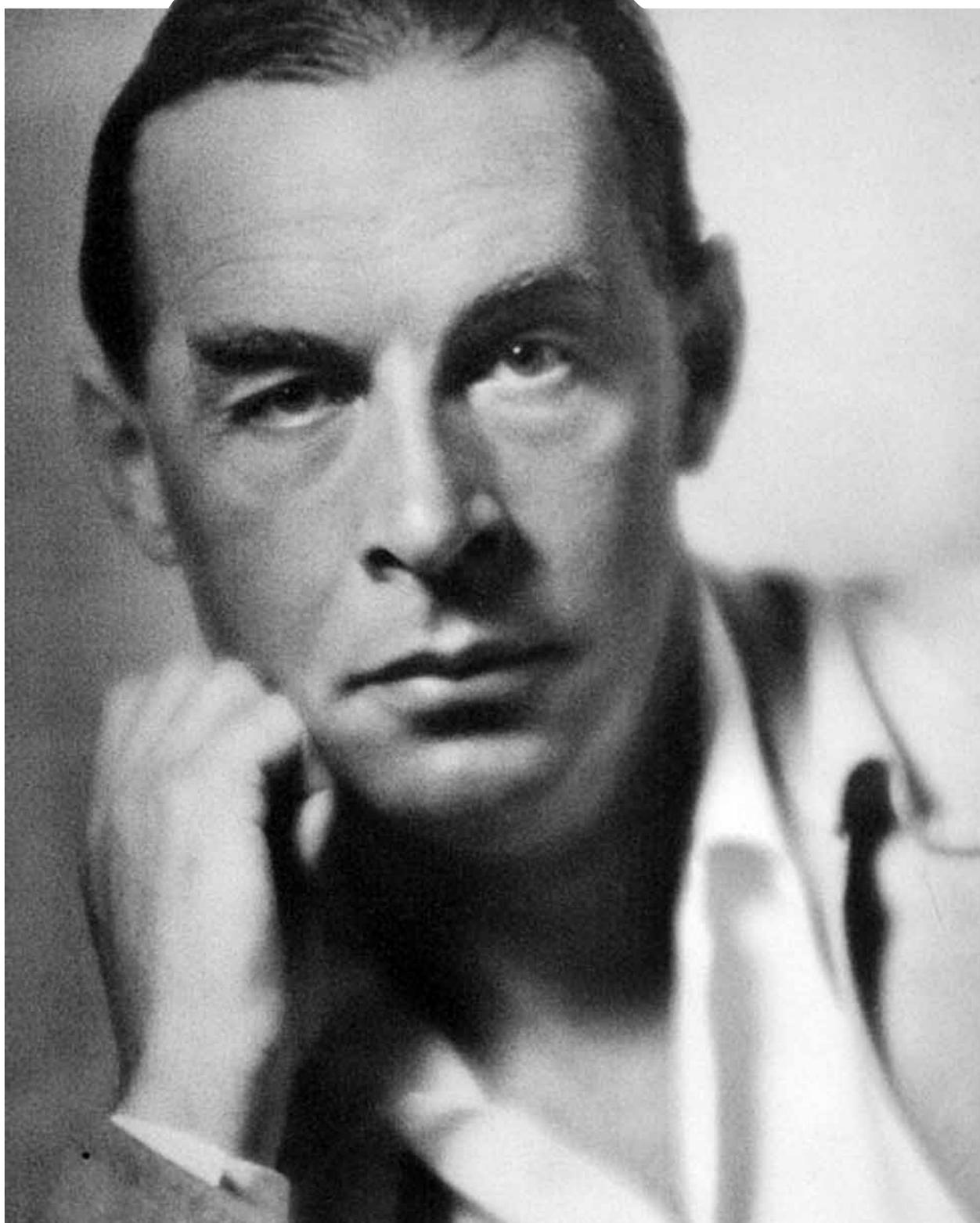
Я бы не сказала, что месть — приятна, но то, что она сладка — это точно! □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

МАЧО,

которому
завидовал
Хемингуэй

Алла Зубкова

Начнем этот очерк, как ни странно, с эпитафии. Причем, даже не герою нашего повествования. И для этого перенесемся в послевоенную Германию в небольшой городок Оснабрюк.

Почтенный седовласый бюргер в свои 83 года выглядел еще молодцом. Сопровождая соседку на церковную службу, он, бравирюя своей бодростью, отказался надеть пальто, хотя в храме было довольно холодно, и вернулся домой изрядно окоченевшим. Встревоженная дочь сказала, что принесет ему коньяку. Старик кивнул и откинулся на диванную подушку. Через минуту его не стало. Ну а теперь обещанная эпитафия. «Если уж говорить о смерти, то, что может быть прекраснее смерти в ожидании рюмки коньяка?» Слова эти принадлежат великому Эриху Марии Ремарку. А уж он, как мало кто другой, понимал толк и в коньяке, и в смерти. И посвятил он их уходу из жизни своего отца, явно восхищаясь и завидуя тому, как тот покинул этот бранный мир.

Что ж, остается узнать, выражаясь языком всем известной песни, повезло ли в смерти и, конечно же, в любви самому Ремарку.

Мальчишкой Эрих почти ничем не отличался от своих сверстников. Ну, разве что неуемной страстью к коллекционированию. Он собирал бабочек, марки, минералы. Пока еще не пришло время, когда он будет с такой же легкостью коллекционировать светских красавиц, спортивные автомобили и бесценные полотна импрессионистов.

В школе он не был прилежным учеником, но обожал музыку и превосходно играл не только на фортепьяно, но и на органе. Разумеется, он был романтиком. Кем еще мог быть юноша, упивавшийся стихами Гете? Однако розовых иллюзий по поводу своего будущего Эрих не пи-

тал. Родители его были бедны и не могли дать сыну университетского образования, единственная «интеллигентская» профессия, которую он мог получить бесплатно, была профессия учителя начальной школы. Он проучился в педагогическом колледже два года, но тут вмешалась Первая мировая. Вместо того чтобы оказаться в классной комнате и учить несмышленишей правописанию и четырем действиям арифметики, молодой человек очутился в болотистых перелесках Фландрии. Там солдат саперных и строительных войск Ремарк тянул заграждения из «колючки», строил блиндажи и бункеры. В штыковые атаки сапе-

ры не ходили, но служба их была, что называется, «и опасна, и трудна». В начале июля 1917 года Ремарк вынес с линии огня неприятельской батареи своего тяжело раненного друга. А тремя неделями позднее осколки снаряда, выпущенного английской гаубицей, серьезно ранили его самого. Эриху повезло — из госпиталя его выписали за несколько месяцев до заключения перемирия.

Вскоре, уже получив диплом учителя, Ремарк принялся «сеять разумное, доброе, вечное». Ученики,

местной газете был напечатан портрет Ремарка в офицерском мундире (а офицером он не был), украшенном железными крестами первой и второй степени и еще какой-то медалью. Документы на награды, которые представил Ремарк, оказались липовыми, и, в конце концов, снабрюкский магистрат обязал его подписать признание в том, что подобные «мистификации» больше не повторятся. Но будем снисходительны к будущему писателю. Ведь парню было всего 20 лет.

«Если уж говорить о смерти, то что может быть прекраснее смерти в ожидании рюмки коньяка?» Слова эти принадлежат Эриху Марии Ремарку. А уж он, как мало кто другой, понимал толк и в коньяке, и в смерти

особенно девочки, обожали светловолосого, голубоглазого красавца-учителя. Однако родители юных чад относились к молодому человеку с плохо скрываемой подозрительностью. Некоторые основания для этого у них, надо признать, имелись. Ну, представьте, что мог подумать добропорядочный бюргер, встретив на улице господина учителя в экстравагантной широкополой шляпе, с широченным галстуком и хлыстом для верховой езды, да еще в сопровождении большущей немецкой овчарки. Иногда для пущей важности «herr Remarque» вставлял в глаз монокль...

А в конце 1918 года разразился жуткий скандал. Дело в том, что в

Когда ему надоели косые взгляды земляков, тем более что особого призвания к педагогике он никогда не ощущал, Эрих ушел из школы. Чем он занимался? Да много чем. К примеру, разъезжал по горам с образцами материи в чемодане, служил рекламным агентом фирмы, изготовлявшей памятники, подвизался в нескольких небольших газетах в качестве литературного и музыкального критика, кроме того, в свободное время играл на органе в церкви лечебницы для душевнобольных. Приличный диапазон, не правда ли?

Однако постепенно им все больше овладевало стремление посвятить себя журналистике, и начал Эрих с журналистики спортивной,

а конкретнее — с автомобильной тематики. Он обожал «самодвижущиеся экипажи» и был превосходным водителем. По причине отсутствия средств, у него не было своей машины, и он утолял «автомобильный голод», участвуя в тест-драйвах лучших образцов германского и европейского автопрома, а потом выплескивал свои восторженные впечатления на страницах журналов.

Помимо автомобилей, Ремарк довольно много писал и о спиртных напитках. Даже тогда, в молодости, он слыл среди друзей непревзойденным экспертом в этой области. Его тоненькая брошюрка с многообещающим названием «Гимн коктейлю» стала настольным, или застольным, справочным изданием для завсегда-таев многочисленных баров и ресторанов Берлина.

«Вино, Любовь и Песни» — называется один из самых известных вальсов великого Штрауса, который, наряду с модными тогда опереточными шлягерами Кальмана, любил на дружеских пирушках исполнять Эрих.

О вине и гимну ему, сочиненному Ремарком, уже сказано, но пока еще мы ни словом не обмолвились о любви. А в повествовании о таком человеке, как Ремарк, это совершенно непростительно. Обаятельный, всегда элегантно одетый, красавец Эрих имел немалый успех у женщин. При каких именно обстоятельствах он познакомился со своей будущей женой Жанной, никто не знает. Зато точно известно, что именно Жанна стала прототипом Патриции Хольман, героини романа

Ремарка «Три товарища». Вполне возможно, что в жизни это случилось примерно так же, как и в книге. Там трое друзей на собранном ими автомобиле, который они любовно именовали «Карлом», на пари и без ононого, обгоняли практически любую быстроходную машину на автобанах Берлина. Объяснялось это достаточно просто: внешне неказистый «Карл» обладал необычайно мощным мотором, снятым с гоночного автомобиля. На нем-то трое друзей и обогнали дорогую машину, на которой ехала Патриция со своей компанией. Любовь Эриха и Жанны была столь же страстной и трогательной, как и отношения его героев.

И так же печально завершилась: Патриция Хольман умерла от туберкулеза, а Эрих и Жанна развелись после нескольких лет совместной жизни. Любовь ушла, но добрые отношения сохранились, и через несколько лет после развода Эрих, уже известный писатель, вновь вступил в брак с Жанной, на этот раз фиктивный, для того, чтобы она могла эмигрировать в Штаты из фашистской Германии.

Ну а пока Ремарк с молодой женой наслаждались светской жизнью в Берлине. Они посещали модные столичные тусовки. Отрывались, что называется, по полной. Пока еще нереализованные амбиции порой заставляли Эриха терять чувство меры и вести себя весьма эксцентрично. С трудом собрав довольно крупную для него сумму в 500 марок, он заключил договор с неким бароном фон Бухвальдом. За эти деньги Бух-

вальд соглашался усыновить взбалмошного журналиста. Все, что Эрих получил в результате этой сделки, было право печатать на своей визитке баронскую корону с пятью зубцами. Самым забавным было то, что, скорее всего, Бухвальд тоже купил свой титул у какого-то обедневшего аристократа.

Впрочем, довольно скоро Ремарк раз и навсегда отказался от всяких экстравагантных попыток привлечь к себе внимание. Он ведь не только прожигал жизнь, но и упорно работал. И вот в начале 1929 года в свет вышел его роман «На Западном фронте без перемен» — едва ли не лучший роман, когда-либо написан-

нотеатре демонстрировался голливудский фильм, снятый по роману Ремарка. На вечернем сеансе «наци», с криком «Германия, проснись!», выпустили в зал десятки белых мышей. По залу распространилось нестерпимое зловоние — это рвались бомбы, начиненные каким-то вонючим составом. Словом, сеанс был сорван. Однако это еще только цветочки по сравнению с тем, что началось потом. Нацистская пресса вела целенаправленную травлю писателя. Прежде всего, Ремарка, естественно, объявили евреем, потом появились публикации, в которых утверждалось, что он и в войне-то не участвовал. И — пошло-поехало.

Чем он только ни занимался! Разъезжал по городам с образцами тканей в чемодане, служил рекламным агентом, подвизался в небольших газетах в качестве литературного и музыкального критика, к тому же, в свободное время играл еще и на органе в церкви лечебницы для душевнобольных

ный о Первой мировой войне. Эрих понял, что стал знаменит, когда поклонники отвинтили медную дощечку с его именем, висевшую над дверью квартиры. Но это бы еще ничего. Гораздо неприятнее было то, что поднимавшие головы нацисты объявили Ремарка врагом Германии, оскорблявшим память героев, павших за «фатерланд». Наиболее масштабное действие они предприняли, когда в крупнейшем берлинском ки-

Ремарк вынужден был эмигрировать в Швейцарию. В Асконе, в Порто-Ронко на берегу озера Маджоре, Эрих приобрел прекрасную виллу, которую назвал Casa Remarque. Там он и поселился, захватив с собой замечательную коллекцию полотен импрессионистов, собранную им в двадцатые годы. Тогда эти шедевры еще не вошли в моду, и цены на них были вполне приемлемые. Захватил он с собой и любимый автомо-

лицейским кроме штрафа, а иногда и вместо него, он презентовал свои книги, некоторый запас которых неизменно возил в багажнике...

Отъезд, точнее бегство Ремарка из Германии в 1931 году стало событием достаточно заметным, даже для будущих властителей Третьего рейха. Утверждали, что как-то сам Геринг явился в ресторан, где любил сживать с друзьями Эрих. Заведение славилось своим «пфальцским», которое он особенно ценил. Геринг пожелал попробовать любимого вина писателя, но официант с почтительным поклоном ответил ему, что господин Ремарк перед отъездом выпил последнюю бутылку этого божественного напитка.

Обаятельный, всегда элегантно одетый, красавец Ремарк имел немалый успех у женщин. При каких именно обстоятельствах он познакомился со своей будущей женой Жанной, никто не знает. Зато точно известно, что именно Жанна стала прототипом Патриции Хольман, героини романа «Три товарища»

биль — золотистую Lancia Dilambda. Получив крупные гонорары за издание и экранизацию своего первого романа, Ремарк в полной мере «порадовал свою душеньку», приобретая одно за другим дорогие авто. Каких машин у него только не перебивало — и «мерсы», и «бугатти», и другие дорогие модели. Он был фанатом скорости, и даже несколько пережитых аварий не смогли потушить в нем эту страсть. По-

Ну а Эрих в ту пору делил время между работой на своей швейцарской вилле и частыми наездами в Париж. Там у него были свои изблюбленные злачные места. Особенно любил он проводить время в двух фешенебельных парижских борделях. Это были заведения, куда заглядывали не только известные актеры и певцы, такие как Фернандель, Эдит Пиаф, Морис Шевалье, Жозефина Бейкер, но и светские

Слева:
*Ильзе Ютта
Замбона
(Жанна) —
первая жена
Ремарка*

знаменитости вроде герцога Виндзорского. Как правило, эти люди не поднимались на второй этаж к «девочкам», а проводили время в уютном салоне, попивая отменное шампанское, бургундское и более крепкие напитки. Порой там бывал и Хемингуэй. Он тоже никогда не поднимался вверх. Злые языки утверждали, что американец не делал этого из-за того, что боялся оказаться не на высоте и «подмочить» свою репу-

тацию крутого мачо. Эрих тоже не поднимался вверх. Скорее всего, по той же причине.

Как это не странно, но с Марлен Дитрих Эрих впервые встретился не в Париже, куда они впоследствии часто приезжали, а в Венеции. Марлен была в восторге от знаменитого писателя, остроумного собеседника и элегантного кавалера. Они сразу же стали любовниками. Она называла его «Бони», он ее — «Серой пу-

Справа:
*Полетт
Годдар —
вторая жена
Ремарка*

*Ремарк
и Марлен
Дитрих*

мой», в отличие от другой пумы, золотистой, своей «Lancia». Они проводили много времени в Париже и на Лазурном берегу.

Ремарк был подвержен частым приступам меланхолии. В такие моменты Эрех не желал никого видеть, даже Марлен. Он садился за руль своей «Lancia» и гнал ее, куда глаза глядят, по узкому серпантину опасных горных дорог. Марлен жутко волновалась и посылала на его по-

иски друзей, а порой и своего супруга Зибера. Иногда такое случалось и после ссор, когда Эрех обвинял подругу в связи с какой-нибудь заезжей знаменитостью. Однажды он обвинил ее в том, что она спала с Хемингуэем. Это было не так. Марлен и Эрнеста связывала настоящая крепкая дружба, но физической близости между ними никогда не было. И все же втайне американец завидовал Ремарку и порой позволял

себе даже уничижительные замечания на его счет.

Особенно памятным для звездной пары стало лето 1939 года, проведенное ими в отеле «Мыс Антиб» на Лазурном берегу. Вместе с ними там отдыхал посол Соединенных Штатов в Англии Джозеф Кеннеди со всем своим семейством. Дочь Марлен Мария загорала и купалась в обществе сыновей посла — Джона и Бобби, будущих первых лиц Штатов. На берегу Средиземного моря еще царила идиллия, но в воздухе все больше пахло приближавшейся военной грозой. Посол первым посоветовал Марлен и Эриху, не теряя времени, собирать чемоданы и отправляться в далекую

В начале 1929 года в свет вышел его роман «На Западном фронте без перемен» — едва ли не лучший роман, написанный о Первой мировой войне. Эрих понял, что стал знаменит, когда поклонники отвинтили медную дощечку с его именем, висевшую над дверью квартиры

Америку. Марлен отплыла на океанском лайнере «Куин Мэри». Ремарк на своей «Lancia» выехал в Париж, а потом в Гавр. Там он с сожалением оставил дорогую ему машину в гараже знакомого механика. Усаживаясь на пароход, он был уверен, что никогда больше не увидит своей «золотистой пумы». Однако он ошибался. Вернувшись в Европу спустя три года после окончания войны, он застал машину на

своем месте. Немцы не конфисковали ее, так как на ней стояли швейцарские номера, а заглянуть в документы, чтобы установить владельца, они не удосужились.

Первоначально в Штатах Ремарк поселился в Голливуде, в фешенебельных апартаментах Марлен в отеле на Биверли-Хиллз. Соседи Дитрих не были в восторге. Эрих работал по ночам и, как обычно, под аккомпанемент музыки,

люющей из проигрывателя. Вскоре, однако, он снял себе дом в западной части Лос-Анджелеса, где прожил до 1942 года, когда переехал в Нью-Йорк. С Марлен их отношения постепенно сошли «на нет».

яблочную водку в качестве любимого напитка своего героя в «Триумфальной арке», Ремарк и не думал, что прославит ее на всю Америку. Сам он не был большим любителем кальвадоса и выбрал его главным обра-

В Штатах Ремарк не испытывал тягот эмигрантской жизни, которые он так талантливо описывал в своих романах. Его книги пользовались там большим успехом, а голливудские режиссеры снимали по ним более или менее удачные фильмы. Его даже называли «королем Голливуда», и он снялся в фильме, поставленном по его роману «Время жить и время умирать»

Свою роль здесь сыграло и увлечение Дитрих французским актером Жаном Габеном, который в то время также жил и работал в Голливуде.

В Штатах Ремарк не испытал тягот эмигрантского существования, которое он так талантливо описывал в своих романах. Его новые книги пользовались большим успехом. Голливудские режиссеры снимали по ним более или менее удачные фильмы. Его даже называли «королем Голливуда». Правда, Эриху так и не удалось убедить продюсеров снять хоть в какой-нибудь из этих лент Марлен. Зато он сам снялся в фильме, поставленном по его роману «Время жить и время умирать».

Если его соперника Хемингуэя можно назвать «певцом рома», то имя Ремарка столь же неразрывно связано с другим крепким напитком — кальвадосом. Избрав французскую

зюм из-за экзотического для американцев звучания. Однако после того как роман Ремарка стал одним из признанных бестселлеров, продажи кальвадоса выросли поистине фантастически. В нью-йоркских магазинах предприимчивые торговцы спиртным украшали бочонки с кальвадосом книгами Ремарка...

После окончания войны писатель возвратился в Швейцарию на свою виллу. Он женился на известной актрисе Полетт Годдар. Для француженки это был уже третий брак, причем вторым ее супругом был Чарли Чаплин.

Скончался Эрих Мария Ремарк в сентябре 1970 года в возрасте 72-х лет и был похоронен на своей вилле на берегу озера Маджоре.

P.S. Ремарк оставил жене уникальную коллекцию полотен выдающихся мастеров, среди которых ра-

боты Сезанна, Дега, Моне, Домье, Делакруа, Пикассо, Ренуара, Тулуз-Лотрека и Утрилло. В сентябре 1979 года Годдар выставила на аукционе Сотбис в Нью-Йорке двадцать восемь полотен и получила за них чуть больше трех миллионов долларов. Сегодня эта цифра кажется смешной. По самым приблизительным подсчетам, общая стоимость картин, принадле-

жавших Ремарку, составляет более двухсот миллионов долларов.

Но главное сокровище Ремарк оставил потомкам — свое литературное творчество. К сожалению, при жизни он был явно недооценен. Ни за одну из своих великолепных книг Ремарк так и не получил Нобелевскую премию. И это чертовски несправедливо.

Эрих Мария Ремарк **Декаданс любви**

— Очень трудно, сударыня, дать точное определение слову «декаданс». Мы склонны к полутонам, к переходным состояниям, к эстетическому очарованию. Мы, скорее, наблюдатели — в том числе, и за собой — и в

меньшей степени участники. Настроение — легкое, переменчивое, экзотическое — значит для нас больше, чем чувства. Мы все воспринимаем как наркотик, все вокруг нас словно пропитано им. И женщины тоже. Наши предки любили чувством, мы — нервами. Для них целью было обладание, постоянное обладание, для нас обладание — ничто, а возможность обладания — все. Женщины для нас — золотисто-коричневый сладкий наркотик...

Вы улыбаетесь, сударыня, но поверьте: самое прекрасное в любви — не конечный итог, самое прекрасное — прелюдия. Все то, что предшествует любви, все эти прощупывания почвы, несмелое продвижение вперед, просчитывание шагов, это по-кошачьи беззвучное скольжение, эта скрытая борьба партнеров — вот наивысшее наслаждение для нас. Для наших предков любовь была алтарем или пивной — в зависимости от обстоятельств. Для нас же она — фехтование на звонких рапирах в старом венецианском зале, где свечи отблескивают на зеркальной серебристой стали, а на стенах лоснится старая парча...

Я хочу рассказать вам об одном случае, чтобы немного прояснить абстрактную софистику моих слов. На моем левом плече есть тонкий шрам. У этого шрама своя история. Год тому назад в Брюсселе я познакомился с женщиной, которая привлекла мое внимание узкими длинными щиколотками — признак породы и начинающегося вырождения. Она была блондинкой, как и вы, сударыня, только ее волосы не отливали медью, как ваши. Это было вторым, что бросилось мне в глаза. Третьей, решающей причиной было то, что она прогнала мужчину, который пытался говорить с ней о Метерлинке и сравнивать его с Д'Аннунцио. Потому что, милостивая сударыня, к сожалению, мужчины, как вид в целом, настолько утратили свои первоначальные инстинкты и настолько обуржуазились, что осмеливаются разговаривать с дамой холодно и сдержанно, обсуждать с ней факты, быть разумными. Мужчина всегда должен видеть в даме женщину, факт ее женственности всегда должен быть первым и определяющим. Но у кого еще остались эти утонченные первобытные инстинкты, эта обволакивающая женщину каждым словом, каждым движением, вечно бодрствующая мужественность, перед которой не может устоять ни одна женщина, независимо от того, ненавидит она мужчину, презирает или даже — любит?

Простите мне эту злую шутку, моя дорогая, и дайте еще сигарету. Вы видите, эту историю не получается рассказать, не отвлекаясь: итак, я угадал в этой женщине чуткость и тонкую нервную организацию, к тому же она была лишена сентиментальности и достаточно опытна, чтобы борьба была небезопасной. Потому что, дражайшая сударыня, это поединок

нервов и темперамента, и, если побеждает темперамент, ты пропал. А у меня темперамент...

Я часто видел ее за чаем и довольно быстро почувствовал тот нервный трепет, который предшествует наэлектризованности.

Потом зазвенели чашки, заискрились намеки, началась словесная дуэль. Я уже получил определенное преимущество. Когда остроумный, как эпиграмма, разговор на общие темы дрожал в неустойчивом равновесии, я неожиданно в смелом повороте сделал выпад, к которому она оказалась не готова, он сбил ее с толку, и я возликовал. Затем поцеловал ей руку и удалился.

На следующий день она вооружилась остроумием до кончиков пальцев, искрилась и блистала, я время от времени вставлял какой-нибудь парадокс, раззадоривал ее и внезапно сделал мягкое, почти мальчишеское замечание, которое опять поставило ее в тупик.

Но и она уловила мое уязвимое место, ту черту моего характера, которая была меньше всех скрыта: темперамент.

Эта женщина была прекрасна. Одежания чудно облегли ее колени, ибо она не носила платьев, она облачалась в одежания. Наверное, в подколенной ямке билась голубая жилка, так белы были ее руки... Моя кровь начинала бурлить, когда я был рядом с ней. Я это скрывал, но она все равно об этом знала. Тогда я перестал это скрывать, чтобы не ослаблять своих позиций.

Мы танцевали. Она держала дистанцию, при которой мы едва касались друг друга, это сводило меня с ума. Я делал глупости, был нетерпелив, упускал шансы, пылко пытался исправиться, натыкался на сдержанную улыбку, запинаясь, замолкал...

Я начал проигрывать. Мои парадоксы и остроумные выпады больше не смущали ее. Когда ей приходилось молчать, она улыбалась. Вызывающе. Насмешливо. Она намеренно уступала мне. Когда я этим пользовался, иронично улыбалась, а если не обращал внимания, она язвительно на это указывала.

Я начал нервничать, зная, что все ее приманки просчитаны. Что она вела бой своим оружием. Что, как только увидит меня у своих ног, все кончится. Возможно, и отдастся мне, но с таким чувством превосходства, что на следующий день мне придется от стыда пустить себе пулю в лоб.

Я начал сильно нервничать. Во мне проснулось что-то атавистическое. Я любил эту женщину. Кипение крови помутило остроту зрения. Чувство подсовывало обманчивые картины. Я был в опасном состоянии.

Как-то она пригласила меня к себе в будуар на чашку чая. Она встретила меня серьезно. Напрасно я искал в ее глазах издевку, вокруг ее

рта не было ни единой иронической складочки. Она показалась мне нежной, даже сентиментальной. Все хитрости и расчет пропали. Это привело меня в опасное, меланхолическое настроение, такое бывает в пору осеннего листопада, когда на деревьях висят разноцветные, уже умершие листья...

Я попросил ее сыграть на рояле. «Песню без слов» Чайковского. Я смотрел на мягкие линии спины, которые терялись в вырезе ее одеяния... О, эти падающие листья за окном... О, эти опадающие линии плеч так близко от меня — аромат волос — голубые сумерки — полуоткрытый рот — серьезный, почти печальный — эти затухающие минорные звуки...

Я взволнованно поцеловал ее руки и хотел уйти.

Она удержала меня:

— Останься. Я сейчас вернусь. — Еще ни один женский голос не казался мне таким серебристым, как этот.

Я замер в смятении. Кровь стучала в висках, накатываясь волна за волной. Где-то в мозгу еще теплилось сознание, холодная правда... Я хотел уловить эту правду, удержать в пурпурной сумятице чувств — и тут она снова вошла в комнату.

Дверь в спальню она оставила открытой. Мягкий свет плавал в комнате. Был виден край белой кружевной постели.

Тончайший черный шелк. Сквозь него просвечивали — ведь свет из спальни падал сзади — контуры самого прекрасного в мире тела. Глаза: глубокие и преданные. Этот рот: добрый и полный страстного ожидания. Эти тонкие руки, протянутые ко мне. Моя кровь бурлила, гнала прочь все раздумья, призывала к действию. Я устремился к ней и одним рывком уложился в манящую постель.

И вот уже мои руки дрожат над шелковыми одеждами, и вдруг что-то, быть может, запоздалая мысль, спрятавшаяся от жаркого прилива крови, — откуда мне знать, — что-то заставило меня открыть глаза. Я увидел перед собой благородное лицо, ее глаза были закрыты. Вокруг крыльев носа тоже дрожало желание, рот — сама готовность отдаться, — и все-таки вокруг рта — в уголках губ — притаилась почти незаметная усмешка — усмешка, выдававшая триумф — триумф!

Я мгновенно осознал рафинированность западни, в которую чуть, было, не попал, и вскочил. Сразу же успокоился. Кровь перестала бушевать. Я засвистел какую-то мелодию.

Она подскочила, как от удара хлыста, посмотрела на меня и все поняла. Но она больше не могла использовать рискованные средства, которые обычно применяла, не могла усмирить духов, которых сама и вызвала. Они оказались сильнее. Желание когтями впилося в нее. Она хотела, ей

было необходимо получить меня сейчас, игра с огнем слишком распалила ее.

Я собрался уходить. Вы знаете, что для женщины это смертельное оскорбление. Она, словно вакханка, потянула меня к себе. Схватила тонкий мавританский кинжал, который всегда лежал на ее туалетном столике, встала у двери и воскликнула:

— Не вздумай уйти — я убью тебя!..

И вот, моя дражайшая, наверное, вы это поймете, теперь ситуация резко изменилась. Все, что было до того, исчезло. Игра и борьба, поддразнивание и остроумие — все прошло. Решение зависело только от нее.

Вы знаете, как я люблю стихии. Огонь, море, шторм. И вдруг я оказался перед вот такой первобытной стихией, таким земным первобытным инстинктом, желанием женщины! Я неизбежно вынужден был бы полюбить его, точно так же, как остальные стихии, если бы... — да, если бы оно доказало, что оно — действительно первобытное желание. Для доказательства требовался один шаг. Без единого слова я твердо посмотрел на нее и шагнул к двери. Сверкнул кинжал, я почувствовал, как он вошел в плечо. Сразу же выступила кровь.

В следующее мгновение она далеко отбросила кинжал, упала передо мной на колени и зарыдала:

— Прости. — Она ощупывала рану. — Прости...

Я стряхнул ее руку, приложил к ране носовой платок и, уходя, холодно произнес:

— Перед этим вы почти победили, мадам. Но и теперь — если бы вы действительно сделали это, если бы вы ударили по-настоящему, я не смог бы не полюбить вас именно из-за этого поступка, из-за вашей первобытной силы, из-за глубинной связи с природой, из-за мощного проявления чувственного влечения. Но даже в момент самого бурного проявления вашей женской сущности и самого тяжелого ее оскорбления вы — думали. Клеопатра убила бы мужчину, поступившего так. И Помпадур заколола бы его кинжалом. Но вы трусливо остановились на полпути. Вы почти решились на поступок, но он оказался вам не по плечу. Вы — не квинтэссенция желания и духа и не соединение этих двух стихий. Всего лишь смесь. Не Женщина. Только существо женского пола. Выходите поскорее замуж...

Маркиз умолк. Женщина перед ним выпрямилась и резко произнесла:

— Да вы... оставьте меня! Немедленно! Не возвращайтесь. Я не хочу вас больше видеть.

Она вышла... Он посмотрел ей вслед и улыбнулся, надевая шляпу. Маркиз знал, что уже завтра будет обладать ею, а она будет целовать тонкий шрам на его плече, когда он заснет, считая, что он этого не заметил. □

Елена
Калмыкова

НА КОЛУ

Болтая в воздухе ногами, я боялся улететь. Скорее всего, с землей меня связывала только привычка. Поэтому, когда истоптанная обледенелая дорожка кинулась мне навстречу, я необыкновенно обрадовался. Она качалась из стороны в сторону, норовя меня опрокинуть, вставала на дыбы и разлеталась на тысячу осколков. В такие моменты в глаза мне хищно прищуривалась черная дыра, гостеприимно заслоняя собой видимый мир. Спать хотелось нестерпимо. Кусты разбегались как испуганные куры. «Они» уже смотрят, почувствовал я. Дурашливо болтая сам с собой, я старался показать, что «их» нет, но «они», как голодные собаки, подползали все ближе и ближе. Кажется, в десятый раз я приволокся в безнадежный серый тупик и уперся в стену. Слева простирался овраг, переходящий в бескрайнее поле. Опустившись прямо на снег, я обессиленно опрокинулся в сугроб. Ужаснувшись огромным синевато-белым звездам, приветливо ко мне спускавшимся, торопливо забубнил «Отче наш» непослушными губами. Сначала я и сам почти не понимал, что говорю, но скоро начал читать в голос, и неожиданно успокоился, решив во что бы то ни стало дойти до конца стены. Сцепив зубы, я брел сквозь бесконечный холодный и вязкий снег и, ухватившись наконец за ее край, с удивлением опознал бетонный ангар, расположенный справа от моего подъезда. А мог бы сдохнуть, как собака, прямо на пороге собственного дома. Было три часа ночи. Дома не спала любимая.

Лифт зарокотал и возмущенно взвизгнул дверями. Шаги бухнули прямо по сердцу. Ключ расковырял тишину. Зажмурился, я слушала, как ты

возился в прихожей и громко сопел. Наполненное разочарованием сердце заныло, но ярость подмяла боль под себя и подбросила меня, как ошпаренную кошку. Запечатлев мой прыжок в проеме, ты вздрогнул, слегка покачнувшись, и уронил ключ. На мгновение повиснув в воздухе, оставляя красные дорожки на ненавистном лице, я вцепилась в воротник бушлата. Слегка стиснув мои руки, ты меня легонько оттолкнул, и я отлетела к стене. Голова ослепительно вспыхнула, но я тут же присела на корточки и, с отвращением слушая твой храп, заплакала от злости. Затем, выплюнув кровь прямо на пол, с трудом протащилась в спальню и через две минуты провалилась в сон.

Я снова заболел асфальтовой болезнью, и сегодня надо мной невесело шутили друзья по несчастью. Других ведь и не бывает, верно? Ты расцарапала мне лицо, моя кошечка, и я изо всех сил старался сохранить ну хоть какой-нибудь вид. Я с удовольствием придушил бы тебя этим хмурым утром, но вместо этого стойко не замечал того, что ты уже давно не спишь. Почувствовав, что ты следишь за мной из-под опущенных ресниц, я был озабочен только тем, чтобы ты не заподозрила, что я это вижу. Ты ведь должна меня уважать, не так ли... Иногда я думаю, как это хорошо, что у меня осталась только пустая кобура на задней стороне серванта. Кто знает, до чего ты можешь допрыгаться от отчаяния, что я оказался не волшебником и разрушил твои лучшие надежды. Я уже стал заправским лгуном, но ты, разумеется, прекрасно догадываешься обо всем, когда я покупаю у тебя несколько дней или даже часов покоя. В твоих глазах мелькает тогда нечто мышиное и неприятное, я же глупо утешаюсь тем, что всегда могу тебя убить, молниеносно и легко. Сама ты об этом не думаешь. Никогда. Я знаю. Я и не любил бы тебя, не будь ты так бесстрашна. Я мучительно хочу спать, но надо быть настороже, ибо некоторые риторические вопросы все-таки требуют ответов. Так и есть. Чувство беды сжало мое сердце, и я вздрагиваю. Я на облаках, а ты развесила неожиданную тишину. Прощай теперь сон, прокисай утро, а то и вечер — провалиться мне с кроватью вместе!

Я набегала по нашему «скворечнику» уже километров тридцать. Жизнь затихала, и темнота сообщала поэтическую таинственность угрюмому подъезду. Перспектива сузилась до кривого прицела подъездного глазка. В звенящей тишине я плавала, как рыба, проглотившая крючок. Твой телефон отключен, и я превратилась в огромное ухо. Сердце бьется, кажется, в два раза быстрее. Тревога впивается в него острыми зубьями, ввинчивая жало все глубже и глубже. Сейчас я уже намертво прибита им к своей постели. Время остановилось янтарем, и в нем не пошевелиться и не уме-

реть. Боль светится желтой капелькой расплавленного золота. Вернись. Вернись. Вернись! Радость радости моей! Ночь тает, посыпая окна стыдливым белесым пеплом. Окна, в которые не хочется смотреть. Тебя нет, и я бреду по твоему следу в страшной сказке девицей в железных башмаках в своем пугливом утреннем сне.

Ты плакала все утро и говорила, что я лгун. Что я прибил тебя гвоздями к своей никчемной душе. Голова болит так, что ни о каких житейских делах и речи не может быть. Сбежать — сил тоже нет. А ты, между тем, погружаешься в омут своих сладостных страданий и, кажется, всерьез веришь в то, что действительно несчастна. Ты так бессовестно машешь своим страданием, ну, прямо как флагом, что я сатанею. Я еду на танке и уверен, что ты очень скоро перестанешь махать, а будешь сипеть, как раздавленная машиной собака, смиренно подышающая от ужасной боли и плачущая золотыми слезами. Только эти слезы еще покупают меня, но ты-то говоришь о любви! Если бы ты меня простила, я мог бы тебе не врать. Вместо этого ты продолжаешь дразнить меня своей картонной шпажкой и еще поглядываешь при этом в зеркало! Моя храбрая и живучая, но такая неискренняя и гордая собачка.

Тебя опять нет... Всю ночь протаскалась в ужасающе тяжелых железных башмаках. Я ходила, качая свое горе из угла в угол, и тихонько скулила как собака. В четыре ночи ты позвонил из «обезьянника» и сообщил, что до утра просидишь за драку. Какое счастье!

Да прекрати же прыгать у меня перед глазами! Твою любовь к монологам не смущает даже моя анекдотичная лаконичность. О, моя неукоснительная поборница правды, бесконечно выводящая меня на чистую воду. Что стала бы ты делать, поговори я с тобой начистоту? Я из одного только сострадания молчу, когда ты идешь прямо по краю моей бутафории, расшвыривая ее ногами. Мне известно, что ты твердо решила поймать синюю птицу за хвост, и мы навсегда на охоте. Я не такой идиот, чтобы требовать счастья, тем более с тобой рядом. Еще я очень хотел бы, чтобы ты как-то спокойно пережила тот факт, что подо мною не дрожит земля, и мне не повинуются воды. Но ты готова без усталости сыпать свежими блестками на свои мечты, нелепые, как сны кастрированного кота. У тебя оказался чудовищный вкус и даже этого я не могу тебе сказать. Ну вот, наконец ты спишь, и я до утра свободен, как может быть свободен ветер во сне.

Я как глупое насекомое кружусь на своем глупом панцире — образец беспомощности. Опрокинутая пьяная ухмылка размазана по твоему

лицу — яркое свидетельство неменяемости. В твоих слишком блестящих глазах издевательская победа надо мной. Гордый и независимый, как Наполеон, ты целуешь мне руки, стоя на коленях. Но в неглубоком колодце твоего дружелюбия весьма каменистое дно. Впрочем, мне на это наплевать. У меня дух захватывает оттого, что ты враг, и я обречена. Тигриными прыжками я меряю путь до добычи. Я знаю, «он» вот-вот отрастит мне крылья. Он — мой гнев. И на его коротеньких крыльях я камнем кидаюсь на твою гаденькую ухмылку. Ты даже не сопротивляешься. Доверчивый и покладистый, ты ковыляешь за мной в ванную, и я начинаю тебя мыть. В позе эмбриона, обняв колени, ты ослепительно улыбаешься, согласный на все. А я, как злая колдунья из страшной сказки, смотрю на тебя ледяными глазами. Сначала ты смеешься, потом, чтобы не захлебнуться, закрываешь рот, визжишь и никак не можешь встать. «Он» внезапно пропал, не заботясь обо мне, и я камнем лечу вниз. Крылья исчезли, и нет сил даже сдвинуться с места. Трезвый и вменяемый, ты теперь так же зол и несчастен, как и я.

Когда-то всем нам, еще сопливым, много говорили о родной земле, и о том, что ее надо любить и защищать. Позже стало ясно, что на этой земле нам почти ничего не принадлежит, и ей, в сущности, все равно, сверху ты или снизу. Теперь, после вереницы убедительных доказательств того, что я в принципе просто в зале ожидания, слово земля вызывает у меня картинку последнего непросторного пристанища, на которое уже никто не будет претендовать. Родная земля ждет, и мне иногда хочется похлопать ее, как по плечу старого друга. Она справедлива и одинаково крепко целует всех, у нее нет любимчиков. Она молчит, но становится все ближе и ближе. Я видел, как теперь роют могилы экскаватором для тех, кто еще сверху, где так многих нас почти ничего не держит. Тема эта ничем не хуже любой другой, но с тобой ее не стоит обсуждать. Для тебя земля — это супесь, чернозем, клумба или пристанище бактерий. Я знаю, что ты думаешь не о том, что тебя туда упрячут, а о том, что там черви.

Я сегодня снова меняла стекла в твоих очках. По моим подсчетам от драки до драки они служат не больше трех недель, оправка не больше трех месяцев. Тебя нет уже три дня, и я чувствую себя как человек, который выпил смертельный яд, но пока не знает, когда умрет.

Ты позвонил и сказал, что пока не можешь вернуться домой. Я знаю, это не измена. Точнее, это не женщина. Но я чувствую, что против этой холодной великанши я бессильна. Ночью мне снится вертолет, из которого меня выталкивают, я кричу и просыпаюсь на земле.

Хлопнув дверью, ты выбежала на улицу с видом человека, прыгающего в реку. Ты, конечно, не обернулась на пороге и унеслась как ужаленная. Сейчас ты стоишь, прислонившись спиной к подъездной двери. Однако стоит мне выйти, как ты побежишь, заплакав от радости. Меня можно будет помучить вдоволь. Все это утомительно и надолго, а мне смертельно хочется спать. Поэтому я варю тебе кофе. Я больше чем уверен, ты и десяти минут не простоишь в темноте и прибежишь обратно, бряцая доспехами. Ну, не могу я взять тебя на футбол! Вообрази себе потную толпу орущих матом мужиков и рьяно поднимающих тучи пылищи в перерывах между воплями и потасовками. Тебе, моя милая, никогда не стать ближе к народу. Ты оскорблено скучала бы, криво улыбаясь и натягивая юбку на свои средневековые коленки. Гиблое дело — получить вместо пива с лещом порцию свежего адреналина в ожидании инсинуаций. Ясное дело, ты с удовольствием пришила бы меня к своей юбке и мучила бы до тех пор, пока я не опротивел бы и тебе и себе. Поэтому я, ленивый и нахальный барбос, рядом с тобой совершаю чудеса мимикрии, легко превращаясь в слона, кенгуру или мышь. Поэтому пей кофе и не нагоняй на меня тоску своей твердой решимостью не заснуть.

Затаившись в своей глубокой ямке, я всегда считала тебя трусом. Презрение помогало мне молчать. Некоторые слова бывают только последними, верно? По этой причине у меня полная пазуха камней. В этот день ты шел впереди, сияя, как новенький топор, хорош, как Робин Гуд, и загадочен, как Оле Лукойе. Потеряв надежду посадить тебя в такси и увезти, я плелась за тобой, равнодушная, как старая корова. Уже просто выдернуть тебя из теплой компании было чудом искусства и изворотливости. Впереди ожидался скучнейший вечер под храп и перегар, как вдруг... я узрела тебя на парапете моста, по которому мы возвращались домой. В свете круглых, как кулаки фонарей, круглоносые армейские боты победно ухмыльнулись навстречу масляно блеснувшей реке. Я умудрилась повиснуть на твоём воротнике, который и остался у меня в руках через мгновение, словно аккуратно отрезанный ножницами. Проследив за твоим полетом, я грохнулась на колени, обняв чугуна, и стала молиться, следя за твоей головой между судорожными рыданиями. Кажется, я кричала Богу, что это я виновата во всем, что пусть только он сохранит тебя живым. Наконец я увидела, как ты выполз из воды, и понеслась к мокрым следам на берегу.

Но скоро все забылось, и я снова перестала бояться тебя потерять.

Злобная сорока унесла ботинки и бушлат. Закрыла, как белую крысу. Я беззвучно ругал тебя, невесело присматриваясь к своему чужому лицу, почти нюхая зеркало. Друг пришел через двадцать минут, открыл дверь

своим ключом и молча сел рядом. Я кивнул ему на лица. Объяснять ничего не пришлось. Из всех стен торчали головы и, оживленно гримасничая, говорили обо мне. С очевидной легкостью они тискались из бетона и бесцеремонно разглядывали меня с навязчивым дружелюбием. Я пробовал спать, умываться холодной водой, пил таблетки — ничего не помогало. Товарищ молча осмотрел стены. Лица засмеялись. Он встал, взял со столика твой фен, включил его и с хладнокровием наемника направил дуло фена на лица. Те пропали под напором горячего воздуха без следа. С напряженным вниманием я дождался чистых стен, упал и немедленно уснул. В непроницаемой черной яме я проспал с полчаса и проснулся, как обычно, от толчка тревоги. Стены снова опухли лицами. Их стало заметно больше. Некоторые вынули из стен руки и оживленно махали мне, как старому знакомому. Спал я уже обутый и одетый, поэтому, не раздумывая, вышел на балкон, шагнул вниз и с радостью вошел в холодный снег.

Поднявшись пешком по лестнице, я открываю дверь тихо, как вор, чтобы ты не услышал. Ключ прячу в старый носок в почтовом ящике чужой квартиры, где уже десять лет никто не живет. В моей шкатулке тебя нет. Окно зияет пустотой и холодом. Ты упорхнул в него, как жаворонок. Не знаю, во что обулся, но под вереницей окон отчетливо видны следы твоего приземления. Наверняка цел, как резиновый мячик! Шестой этаж — не высота для тебя! Пропади ты пропадом в этой чернеющей холодильнике! Пропади ты пропадом! Я лежу на ковре и смотрю в потолок. Никак не пойму, что у меня отвалилось: руки, ноги или голова. Пропади ты пропадом...

Я бегу к тебе, забыв, как на земле бывает холодно. Ужасно смешно стучат зубы, но лицо так замерзло, что улыбнуться невозможно. Как постороннее всплыло воспоминание, о том, что на свете есть теплая одежда, и я обрадовался и огорчился одновременно. Я чувствую, как холод жует меня, но ему меня не остановить. Они все остались там! Слышишь! Они все! Остались там навсегда! Кажется, я кричал и как будто плакал. Неожиданно накатила дурнота, такая сильная, что заставила меня остановиться. Боль проткнула мое сердце, насадив его на кол. Несколько шагов деревянные ноги несли ком невыносимой боли, но, наконец, остановились и скинули меня в снег. Теперь я был почти рад холоду, обернувшему меня одеялом. Боль вынула из меня острое, напоследок плеснув в глаза чернотой.

Тебя нет — уже пять дней. Я объездила все больницы и морги. Обзвонила всех твоих куролесных друзей и знакомых. Позвонила даже твоей маме. Исходила все твои тропы, принюхиваясь, как больная собака, но не нашла ничего кроме цепкой тоски. Все вокруг грохотало и нагло совалось

в глаза. Сердце ужасно болело — ведь это я помогла тебе отправиться туда, где ты сейчас. Я и знать не знала, как сильно я тебя люблю и как хочу, чтобы ты жил! Я разулась и пошла босиком, чтобы показать Богу, как мне больно и страшно. Чтобы перекричать смерть, я шла туда, куда больше всего не хотелось идти. Собирая в кулак клочки своего мужества, шла в монастырь, чтобы спросить о тебе у Бога. Иначе я просто умру, — и может быть не завтра. А я, как ты знаешь, не умею ждать.

Из черноты вынырнули птицы, хищно кинулись ко мне и прошли мое тело насквозь. Сердце задержалось от ужаса и отвращения. Потом столкнули меня вниз в чавкающую темноту, и я беспомощно затягивался в нее, как уснувшая рыба. Мое скорчившееся тело было совсем чужим, и я понял, что умер. Затрачивая, как мне казалось, колоссальные усилия, я ожесточенно сопротивлялся, но только мычал и елозил руками по черной жиже. Чернота оцетинилась и придавила так, что я не мог уже ни шевелиться, ни мычать. Я попытался вспомнить слова «Отче наш», но они разбежались от меня, как испуганные зайцы. Ужас видел это и стискивал все крепче. Я беззвучно выл от отчаяния и корчился от боли. А потом меня что-то с силой подбросило вверх, и рот мой наполнился кровью. Падал я медленно, как перо в колодец без дна.

Медсестра, толстая и добродушная, с удивлением смотрит на меня. Она уверена, что тебя нет среди безымянных находок реанимационного отделения. Но я с надеждой иду в палату, куда она ведет меня из чистого сострадания. Я бреду домой, даже не попрощавшись, после тупого созерцания дебелого мужичищи, опухшего, избитого и все еще не совсем трезвого. Впереди у меня морг. Старший санитар, флегматично выслушавший меня, ведет в подвал, где лежат всякие безнадзорные авантюристы вроде тебя. Я еле тащусь и определенно какие-то высшие силы поддерживают меня на грани обморока. Я иду мимо плит с серо-зелеными простынками и слегка приподнимаю каждую. Твоих ног здесь не нашлось.

В прежние времена я, бывало, просыпался с похмелья, грянувшись на пол с дивана. Пол тогда был полом. Сейчас же я сижу в таком густом тумане, что не вижу ни своих рук, ни ног. Чтобы вернуть себе тело, я должен хоть что-то почувствовать. Резко откинувшись назад, я стукнулся о невидимый пол. Боль отчасти вернула мне самообладание. Я встал и пополз, надеясь наткнуться на стену, она должна быть где-то здесь. Я был уверен, что, если найду ее, — я спасен, но не находил. Мной овладела паника. Тут я отчетливо вспомнил твои слова, что Святая Дева слышит всякого человека, даже самого грешного. Само собой, я тебя только слу-

шал, твердо зная, что в моей жизни нет места религии. Но сейчас в этом тумане вдруг понял, что у меня нет никого, кроме Нее, и начал звать ее по имени. Она сразу откликнулась и наклонилась надо мной. Ее лицо было таким скорбным, что я сразу понял — она горюет обо мне, и заплакал. Мне стало тихо и спокойно на душе, и я впервые мирно заснул.

Сегодня я проснулась с надеждой. Нужно, впрочем, честно признать, что надежда быстро ветшала под неумолимой прозой серого утра. Звонок обрубил мне ноги, и я взяла трубку, сидя на полу. Через минуту, стоная от урчащей боли, я уже бежала в отделение для опознания. Начисто перестав соображать, бежала наперегонки с маршрутками, и мне даже в голову не приходило, что я могу просто сесть в одну из них.

В комнате для опознания мне показали твой военный билет. Он был найден на месте автомобильной катастрофы. Безо всяких предисловий мне также предъявили фотографии пассажиров. Погибли двое и водитель. Третий пострадавший, очевидно, в шоке, вылез прямо в разбитое окно и, судя по следам, убежал. Предполагалось, что этот третий — ты, и что ты тоже умер где-то неподалеку, и труп скоро обнаружится в одном из городских моргов.

Я сел, судорожно втянув воздух, и сейчас же выдохнул. Тошнотворнейший запах снова облепил ноздри, и я начал задыхаться, бодая темноту. Неожиданно понял, что вокруг меня царит какая-то практически абсолютная тишина, и по характеру некоторых доносящихся сюда звуков предположил, что нахожусь в подвале. Обливаясь потом, я шаркал руками, пытаюсь задержать дыхание, но гнилой смрад пропитал легкие насквозь. Сердце бухало в груди, и я сначала задрожал, а потом начал откровенно трястись, подпрыгивая несколько раз, больно ударился локтем и копчиком о каменную плиту, на которой лежал, и скомкал тряпку, которой был накрыт. Пытаясь хоть немного унять дрожь, я обхватил руками колени и ступни. Левая нога цокнула какой-то железкой, которая сейчас же укатилась. Я медленно сполз с плиты, ощупывая босыми ногами ледяной пол. Отвратительная вонь стала как будто осязаемее, и у меня зашумело в ушах. Вытянув руки, я наткнулся в темноте на горизонтальную плиту и потихоньку начал шарить по ней руками. Поняв вдруг, что наткнулся на ноги трупа, я подпрыгнул и заорал дурным голосом. Какое-то время я носился в темноте, натываясь на стеллажи, кричал, падал, снова вставал, бежал дальше. Пока, наконец, не шарахнулся головой о бетон и потерял сознание.

Это ты держал меня над бездной, а я наивно полагала, что это я тебя спасаю. Любовь к красивым фразам и широким, а точнее, резким жестам

не раз грозили мне бедой, но ты всегда держал крепко. Я говорила — ты молчал. Стоило тебе просто уснуть, и я, попадая на раскаленные угли, пользовалась любым самым ничтожным поводом, чтобы тебя разбудить. Я бесила тебя, жадно вглядываясь в лицо твоего гнева. Рассыпала перед тобой звездную пыль, но твои глаза не загорались ответным огнем. Ты так и остался для меня закрытой книгой. Сколько я ни выслеживала в твоих глазах двоедушия, я так и не узнала ответов на самые простые вопросы.

Придя в себя, я с облегчением понял, что все еще жив, и попытался взять себя в руки и хоть немного успокоиться. Постепенно я начал различать в темноте смутные очертания предметов, находящихся в этом подвальном помещении. Слева горбатилась побеленная лестница, состоящая из огромных ступеней, ведущих к выходу. Я пополз к ней и стал карабкаться по этой монументальной штуке, которая, могу поклясться, знала лучшие времена. Огромная дверь была все ближе. Не думал, что смогу, но выпрямился и, вполне устояв на ногах, схватился за холодную железку внушительных размеров. Тяжелая дверь открылась неожиданно легко и тут же захлопнулась, выпихнув меня в затертый хлоркой коридор, в котором я, наконец, смог отдышаться. В тусклом свете одинокой лампочки я углядел висящий на стене халат, нацепил его на себя, выглянул в окошко и, с невероятным облегчением втянув свежий воздух, прыгнул на обледеневшие следы труповозки...

В монастыре я купила красную с золотом книжечку, молитвы из которой и читала подряд, не понимая и половины слов. Слезы превратили мое лицо в подобие подушки, к которой я время от времени прижимала переплет молитвенника, чтобы хоть немного остудить горящее лицо. Небо за стеклом потихоньку из черного сделалось сизым, и я с унынием вслушивалась в грохот лифта, который кого-то к кому-то поднимал. Двери грохнули на нашем этаже, и пронзительный звонок вернул меня к жизни. Это был ты. □

Владимир
Карпов

Злата

из эпопеи «Малинка»

— Мне было полгода, когда отец убил маму.

Девушка была полна достоинства: точеные черты — высокий лоб, прямой нос, выпуклый подбородок, который принято называть «волевым». Губы — резко очерченные, своенравные. Надменные стрелки бровей.

— Приревновал? — Иван думал, что, если мать была похожа на дочь, то можно сойти с ума от ревности.

— Обкурился. Им было по восемнадцать.

В Чуфут-Кале они кружили с запрокинутыми головами в рукотворной пещере. Сколько труда надо было вложить, чтобы выскрести у скалы нутро?! Стены до сих пор хранили сантиметр за сантиметром словно бы выгрызенные ложбинки. Чтобы прокормиться, человек тратил усилий с наперсток по сравнению с непомерным трудом, для того, чтобы защититься, остаться в живых, спрятаться, укрыться от врага. Или же, наоборот, поймав его, засадить в каменный мешок и сделать рабом.

— Мой отец отсидел двенадцать лет, — продолжала Злата. — Когда он вернулся, мне было двенадцать, а ему — всего тридцать. Мне он таким старым показался! Я тогда начала танцевать в стриптизе.

— В двенадцать лет?!

— Я выглядела почти так же, как сейчас, хуже только. Я танцами занималась. Танцами и рисованием: костюмы, которые ты видел у нас, — по моим эскизам шиты. Меня пригласили выступать: я не понимала, куда попала, думала, что стала артисткой.

По обе стороны распадка, в отвесных скалах, словно чижинные норы, зияли глазки монашеских келий. Какое чудо тысячелетия назад помогало беглым византийским монахам вырубать в камне эти жилища: не птицы же они, чтобы висеть в воздухе? Страх? Да нет, эти знали только божий страх, потому и уходили в далекие земли, спасая веру.

К наскальному храму, сооруженному тогда же, вел долгий каменный подъем.

— Мне было полгода, а кажется, что я все помню. Как отец зашел, как мама испугалась, как он резал ее ножом. Может, кажется потому, что взрослые потом об этом много говорили. Хотя никого из них в комнате тогда не было, я одна только лежала там в коляске.

Как она несла себя — с ума сойти можно! Ни одного лишнего движения, ни радости, ни горя — настоящий признак «белой косточки».

— Отец хотел меня забрать, когда вернулся. Или помогать, сказал, буду. Я его на порог не пустила. Мне всегда говорили, что я на него похожа, а мне хотелось быть похожей на мать. Увидела его — и как отсекала. Не приходи, говорю, больше...

Около притвора горбоносый православный монах с густой черной бородой — словно вчера из Византии — объяснял прихожанам-туристам, почему в долине происходят столкновения с татарами-мусульманами: выходило из-за того, из-за чего люди дрались всю жизнь — из-за земли.

— И что, ты отца так больше и не видела?

— Нет.

— И ничего не знаешь про него?

— Почему? Знаю. Он недалеко живет, в Старом Крыму.

— Это же по пути. Мы проезжали.

Злата согласно кивнула и снова заговорила:

— Женился, ребенок у него, мальчик. Звонил мне недавно, сказал, что бабушка умерла — его мама, — приезжай. От нее дом остался, по завещанию, часть тебе принадлежит. А я что, резать его буду? — повела она плечом. — Там же люди живут!

— Можно взять деньгами, — заметил Иван.

— Не хочу. Ничего от них не хочу.

Сумрак стоял в храме, двигались полутени. В туго повязанном белом платке Злата стала похожа на древнюю воительницу или греческую богиню Фемиду — богиню правосудия.

Арбузы, надрезанные для пробы, дыни виселись горами, пестрели лотки с яблоками, клубникой, помидорами и прочей зеленью.

«Старый Крым» — оповещал знак у дороги.

Иван невольно покосился на Златку, как она? Изваяние.

— Вот здесь он живет, — кивнула Злата в глубь пересекающей улицы, — в конце, третий дом от реки.

— Там река? — резко свернул к обочине Иван.

— Пруд.

— Заедем?

— На пруд? Он грязный.

— К отцу.

— Зачем?

— Ты же все равно о нем думаешь. И всегда думать будешь.

— Тебе-то это зачем?

— Не могу, когда женщина со мной думает о другом. Пусть это и отец.

Миновала встречная машина, и руль податливо стал набирать левые круги.

Рослый молодой мужчина заливал фундамент пристройки к дому: он в одиночку размешивал лопатой раствор из цемента и щебенки и спешно заполнял им емкости опалубки, приращенной к стене.

Обнаженный по пояс, мускулистый, с выгоревшими русыми длинными волосами, налегающими на уши, он, скорее, был похож на актера, игравшего принцев. Но по тому, как человек намеренно не замечал остановившейся напротив его дома машины с тонированными стеклами, из которой явно наблюдали за ним люди, как при этом настороженно собрался и следил боковым зрением, можно было определить в нем бывшего «сидельца».

— Вперед! — повел головой Иван.

Злата набрала грудью воздух и улыбнулась. Теперь она не скрывала волнения. Мужчина распрямился, лишь в первое мгновение глаза его пробежали по двум приближающимся людям, а затем он, не отрываясь, смотрел только на дочь.

Если фигурой он выглядел молодо — на свои тридцать семь лет, то лицо было почти старческим: с глубокими морщинами на лбу.

Отец мельком глянул на Ивана, на машину, на раствор, который в считанные минуты мог «застыть» и превратиться в камень, шагнул к двери дома, но передумал и повел их на летнюю терраску в саду.

Зайдя в дом, принес закуску, а Ваня выставил выпивку — без бутылки он обычно в дорогу не отправлялся.

Златка долила себе в стакан до того уровня, какой был у отца и по-мужски, одним махом выпила.

— Как ты? — повернул к ней голову отец.

— Нормально, — пожала она плечами.

— Работаешь где?

— Танцую.

Отец кивнул, и за столом снова воцарилось молчание. Он посмотрел на машину, на Ивана, хотел что-то спросить, но не стал.

— Мне журнал с тобой принесли! — вдруг вскочил он и, помчавшись в дом, вскоре вернулся с журналом под мышкой.

Руки отца подрагивали: он не знал, как к этому относиться — на титульной обложке была помещена фотография дочери — со спины, вполоборота. «Мисс Эротика», — гласила крупная надпись. Внутри, на развороте, тоже была эта фотография, но уже маленькая, среди десятка других. А в тексте говорилось, что в течение года проводился конкурс читательских симпатий, и вот победительница определена: ею стала Злата Залевская из Феодосии!

— Я знаю, — бросила мимолетный взгляд на журнал Злата. — Письма стали приходить. Сама я еще не видела.

— Дом от матери остался. Избушка. Продать хотим. Тебе — четвертая часть, — сказал отец.

— Ты зачем маму убил? — неожиданно спросила Злата, пристально посмотрев на него.

Они сидели друг против друга, два, словно точеных, профиля. «Шляхтичи», подумал Ваня.

Отец медленно опустил голову и долго молчал.

— Так мне легче, — наконец тихо проговорил он.

— И не жалеешь?!

— Так мне легче, — уже тверже повторил он.

Молодая полная женщина с тяжелой сумкой в руке отворила калитку и внимательно посмотрела в сторону терраски. Мальчик лет пяти, опередив мать, побежал по тропинке.

— Папа, мы машинку купили! — протянул он отцу игрушку, но тут же остановился в застенчивости, наткнувшись на взгляд строгой «тети».

— Иди сюда, познакомься... — Отец осекся, не зная как назвать, как представить дочь — сестру мальчика.

— Пошли! — кивнула Злата Ивану и резко поднялась.

— Я понимаю, что я тебе должен! Но я нищий! Я бы тебе весь дом отдал, но там не я решаю, там дети сестры, — взволнованно проговорил отец.

— Не надо мне ничего от тебя! От вас ничего не надо! Ему так легче! А ты думал, как мне?! Мне легче?! Я одна росла, маму твою в глаза не видела! Где она была?! Тоже мне, бабушка нашлась! Перед Богом она откупиться захотела! Не надо! Я сама заработаю!

— Заработаешь! — потряс журналом отец.

Злата вырвала журнал из его рук и побежала к калитке. Хлопнула дверцей машины и исчезла за непроницаемыми стеклами. Иван пожал мужчине руку, мол, ничего, перемелется, мука будет, это жизнь.

Они уехали. Злата сидела рядом с Иваном и молча смотрела вперед. Затем положила голову ему на плечо: неожиданно мягко, приютившись,

как маленькая обиженная девочка. В эти мгновения он был для нее отцом, а она — дочерью. Но он — не отец, он — чужой мужчина, которого хотелось ощущать родным.

Иван остановил машину, и Злата потянула его в горы. Внизу раскинулся морской простор, яхта, чуть накрываясь, держала курс вдоль берега, виднелась полоска пляжа, где загорали отдыхающие, казавшиеся сверху совсем маленькими.

— Здесь я лишилась девственности, — вела Ивана по своей жизни Злата. — Мне было четырнадцать лет, а ему двадцать два. Он был очень красивый лицом, но невысокий ростом. Сказал, что ему восемнадцать. А я прибавила себе, сказала, что мне семнадцать. Потом, когда он позвал меня замуж, пришлось признаться, что мне всего четырнадцать. Он так испугался! Так меня ругал! Правда, мы с ним все равно остались хорошими друзьями.

— Почему ты всегда говоришь о прошлом?

— А о чем ты хочешь, чтобы я говорила?

— Неважно, мне все интересно. Просто, когда человек постоянно думает о прошлом, ему трудно жить настоящим.

— Это не так, — покачала головой Злата. — Я и живу настоящим. Люблю танцевать. И еще, у меня был муж. Ну, не совсем муж: гражданский брак.

— Муж? Когда ж ты успела?

— Я с двенадцати лет танцую в стриптизе. Он был из крымских татар, милиционер. И поставил мне условие, чтобы я бросила стриптиз. А я не хотела — мне это нравится.

— Танцевать? Или обнажаться?

— И то, и то, — немного подумав, ответила Злата. — Это такое восхитительное чувство. Хотя многие считают, что, если ты стриптизерша, значит — продажная. Вот и муж бил меня ногами. А я все равно сказала ему, что не брошу танцы. Это единственное, что мне интересно в жизни...

Они остановились рядом с большим камнем с редкими прогалинами жидкой травы. Злата чуть искоса посмотрела на Ивана, и он вдруг понял, что ему сейчас предстоит стать по-настоящему первым ее мужчиной, которому она искренне отдаст себя.

Ева, которую Бог дал человеку, должна была быть именно такой. Спадающие волосы, развернутые плечи, прямая, чуть прогнутая спина, гладкие полушария ягодиц, все в меру, хищно и складно скроено, напоено силы. Она действительно была очень сильной, она привыкла летать, кружиться вокруг шеста. «Фжи-их», — прокатилась волна прибоя. Она даже море заставила ходить волнами, вымещая тем самым обиду и желая быть любимой.

И в то же время Злата была холодна, почти бесчувственна. Потому что хотела быть с тем, первым, с другим, но на самом деле еще не была ни с кем. А была ли она собой? Или эта прекрасная телесная оболочка жила

автономно, отдельно от души, оставшейся там, где ей всего двенадцать лет?

— Итальянец, — приподнявшись на локте, стала показывать фотографии Злата. — А это предприниматель, из Киева.

— Это же Воровский! — узнал Ваня пожилого актера на небрежно брошенном снимке.

— Пишет, что я ему напомнила его первую любовь.

— Молодец, не стареет!

Вдруг ее голос изменился, наполнившись почтительной серьезностью, и она протянула Ивану отдельно сложенную пачку:

— А это — из тюрем.

Тюрьма ли, куда отправили отца, и о которой постоянно вспоминали вокруг, жила в ней с детских лет? Или то сердобольное бабье чувство, которое на Руси извечно вело жен за ссыльными мужьями в Сибирь, на каторгу?

От последнего снимка дыхнуло холодом, подземным, знакомым, стылым. В черной робе, с номером на груди, с развилкой шрамов на бритой голове, с фотографии смотрел несомненный красавец: сильный, суровый.

— Лет десять — срок? — предположил Иван.

— Четырнадцать. Двенадцать уже отсидел.

— Двенадцать? — Ваня повторил число, которое из уст Златы звучало, как магическое.

— Двенадцать.

— Убийство?

— Грабежи и убийства.

— Хороший жених.

— И мне он понравился, — смутилась девушка. — Он пишет, что выйдет и начнет новую жизнь. Будет работать, учиться.

— Ты к нему ездила?

— Собираюсь. — Злата забрала у Ивана снимок. — У меня был муж, милиционер, он меня ногами избивал, но я его не боялась, смеялась над ним. А этот, только на фотку гляну, жуть берет, — возбужденно проговорила она.

— Вот ведь что женщине надо! — не удержавшись, рассмеялся Иван.

Мысленно он видел: девочка в белых колготках поднимала ножку перед зеркалом в танцевальной студии. Какой же удивительной ей виделась жизнь впереди?!

Утробно щелкнул ключ, с перестуком открылся засов, тяжело подалась вперед массивная литая дверь.

Сколько раз, в детстве, Злате мерещилось, как приедет к отцу. Так же, на свидание. Незаметно, в рукаве, пронесет с собой нож, маленький, перочинный. И когда они останутся вдвоем, вытащит нож и ударит отца пря-

мо в сердце. За маму. За бабушку, которую стала звать мамой и которая вырастила ее.

Злата переступила порог тюремной камеры — комнаты свиданий.

Он ждал, ее избранник, такой, каким рисовала она мужчину, когда училась в художественной школе: нависал скалой, затмевал пространство широкими плечами.

— Не верил, что ты приедешь. — Над крутым подбородком проплыла застенчивая улыбка.

— Я же обещала.

Он повернулся к охраннику и протянул ему деньги:

— Коньяку, шампанского, шоколад, закуски разной. И цветы. Цветы найди! — Потом, взглянув на Злату, взволнованно спросил: — Остаться можешь? — Глаза его по обе стороны тонкой, чуть расплющенной переносицы смотрели с надеждой. Добрые глаза.

— Здесь? — удивилась она.

— Ну, не насовсем. До завтра, дня на два. Есть помещение, для близких родственников.

— Для близких?

— Для жен, матерей.

— А ты где будешь?

— С тобой.

— Так можно?

— Договорюсь, — похлопал он себя по карману.

— Я на день отпросилась. Я ведь танцую.

— Позвоню ребятам, договорятся.

— Я сама договорюсь, — покачав головой, возразила Злата.

Вновь щелкали замки. Двигались, как заводные, вооруженные конвоиры. Стучали, уходили в свои оковы, за спинами, по другую сторону запирающихся дверей, тяжелые засовы.

Замкнутое пространство. Решетка на окне. Страх, промелькнувший, острый: а как не выпустят отсюда? — скатился от плеч к локоткам и застыл ледяными каплями в кончиках пальцев. Он положил ей на плечо руку — сильную, стальную, способную раздробить кости в порошок, мягко, бережно коснулся. И посмотрел так, как смотрит ребенок, потерявший маму.

Злата познала мужчину в четырнадцать лет. С той поры их в ее жизни было немало. Она ощущала радость, похожую на ту, которую несла со сцены, когда танцевала, обнажаясь, и видела устремленные на нее воспаленные от возбуждения глаза. Таяли льдинки в кончиках пальцев, растворялись, жгли. Растворялись железные полозья, так долго сковавшие ее тело, мешавшие всей ее жизни. Она превращалась в желе, теплое, разливающееся. Становилась ласковым, желанным для зноем истомленного пловца морем.

Старая железная кровать отыграла свою африканскую, со звуками тамтамов, мелодию.

— Выйдешь за меня? — прозвучало в полной тишине.

— Выйду.

— Мне еще два года.

— Я подожду.

Мужчина вздохнул, сладко, с надеждой. Вздохнула и она: будущее удивительно прояснялось.

...Жениха привезли в ЗАГС в наручниках, но на время церемонии «браслеты» сняли. Свидетелями были конвоиры. А через два месяца Рому освободили.

Теперь ее планы касательно доли в доставшемся от бабушки наследстве изменились. Ехали втроем. Друг Ваня вел машину, руки его были заняты, а муж, убийца и грабитель Рома, смотрел ему в затылок, зная о прежних отношениях своей жены с мужчиной за рулем.

— Ты в Москве там, — заговорил Рома, — не слышал: «Бои без правил»?

Как почти все уважающие себя бывшие «зека», он не «блатовал», говорил на нормальном, «гражданском» языке, даже бравировал хорошо поставленным голосом.

— Слышал. По телевизору видел, — ответил Иван.

— Не знаешь, сколько им платят?

Ваня из-за плеча взглянул на парня: боец был несокрушимый.

— Не думаю, что много. Смотря, с чем сравнивать.

Дом продали за двадцать тысяч гривен: Злате причиталось — пять. Конечно, это тоже деньги, но когда говорилось «наследство», казалось, что речь идет не о тысяче долларов.

— Сейчас на побережье цены упали, — словно оправдывался отец. — А у нас половина улицы продается, все в России работают!

— За кредит расплатиться не хватит, — повернулась Злата к мужу.

Рома внимательно проследил за рукой тестя, спрятавшего остальные три четверти выручки за дом во внутренний карман, и тот дрогнул: он, убийца «по любви», давно уже жил семейной трудовой жизнью, но до сих пор не мог сладить со страхом, накопленным за лагерные годы перед убийцами «по охоте».

Застолье пошло с размахом.

— Мир, доченька, мир, прости меня, — чуть не плакал отец. — Кто у тебя, кроме бабушки? Только я. Жизнь — штука долгая.

Странно: Ваня привык думать, что жизнь — коротка. А здесь, для человека, убившего любимую женщину и треть жизни проведшего в заключении, она, оказывается, долгая, будто его тюремный срок не кончался.

Дочь по-мужски протягивала руку, но слез не роняла.

Хлебный нож лежал посередине стола. Ваня видел, как наточенное лезвие притягивает взгляд Ромы. Он разлил всем по стаканам, взял нож и, нарезав хлеб, убрал оружие подальше от глаз.

Жали крепко друг другу руки и зять с тестем. В прошлом все хлебнули горького. Вместе — оно легче, если, конечно, все по-людски, по-хорошему.

Рома был немногословен, кивал с пониманием, располагая к себе участием.

Молодым постелили в новой пристройке, а Ване — в смежной комнате.

В ночной тиши хорошо различались звуки шуршания одежды, сбившегося дыхания, взаимного движения тел: стенка была из «оргалита» — одно название, что стенка. У Вани даже под ложечкой засосало — так вдруг стало досадно, что Златка не с ним.

— Валить надо твоего тятю, — будто треснула сухая ветвь, прозвучал мужской голос.

— Зачем?

— Ты же хотела за маму отомстить?

— Хотела.

— Бабки возьмем: они твои.

Сопенье в тишине. Одинокое, долгое.

— Я документы подписывала у нотариуса. Нас тут все видели! — зывала к здравомыслию Злата.

— Ма-аленькая, я все разложи-ил. — Рому распалила скорая добыча. — Картежник всегда все сечет. Москаль твой хлеб резал. Пальцы на ноже его-о!..

— И что?

— Он из России. Его искать не будут.

Она молчала. Долго молчала.

— Он уезжать не собирался.

— Море большое. Он же на море приехал? — хихикнул Рома, уверенный в своем хитроумном плане. — Тачка тоже будет наша!

— Машина российская.

— Номера перебьют.

Иван прислушивался, ожидая, что она начнет отговаривать мужа, защищая его, такого внимательного друга, привезшего их сюда. Молчание сменилось новым слышимым движением, шорохом ткани. Скрипнула половица, а потом наступила тишина. Никаких противоречий. Только дыхание...

Ваня думал. Он заприметил у ворот лопату и теперь решал: сходить, взять, и сходу уделать этого Рому. Или разумнее спокойно выйти, открыть ворота во дворе, сесть в машину, и — поминай, как звали.

На воротах, с внутренней стороны, висел замок: хозяин, зная, позаботился о сохранности его машины, запер их. Ваня постоял, кинув руки на штакетины забора, посмотрел на звезды. Вечно его тянет влезть в какую-нибудь муть, и зачем все это ему надо?! Уйти, оставив машину, в баре где-нибудь посидеть до утра, вернуться, и как раз узнать, чем тут все закончится? Или разбудить хозяина: предупредить человека? Заодно ворота откроет?

— Замучил, — закурила, спустившись с крыльца, Злата.

Лопата стояла у забора, по левую руку: ухо надо было держать начеку.

— Не выбежит тебя искать? — встревожено спросил Иван.

— Нет. Удовлетворение получил, теперь до утра будет храпеть.

— Зато секс с ним особенный, — провоцировал Ваня. — Вам же нравится, когда страшно. Экстремальный секс!

— На весь век, по-моему, отбил охоту ко всякому сексу.

— Ты же говорила, там, в тюрьме, это было необыкновенно!

— Там было. Там он был человек. А здесь — хуже зверя. Что ему надо: заложить стакан и кого-нибудь избить. В компанию друзей приведешь, обязательно или обворует кого-нибудь, или изобьет. По улице идешь с ним, видит человека, тот по дорогому телефону звонит или деньги достал, все, у него аж ноздри раздуваться начинают. И не остановишь — бесполезно останавливать.

Иван это знал: некоторым нужна тюрьма, монастырь или жизнь под секирой, чтобы они были людьми. Как и иным женщинам нужны оковы, висящая на стене камча, грозящая в каждый миг пройтись по спине, опасность биения камнями, строгие нравы и суровый моральный суд — иначе они себе не будут рады. А возведи рамки, устраняющие личный выбор, и — отличный работник, служака-исполнитель.

Она курила, смотрела во тьму, рассказывала: освобождала душу.

Иван слушал и поражался тому, насколько в человеке много животной природы. Вот и в нем вместо должного чувства брезгливости к женщине, в которой только что побывал какой-то тупоголовый бык Рома, начинало все внутри подрагивать, звенеть. И вдыхаемый воздух наполнялся вибрацией: феромоны, батенька, феромоны!

— Он же картежник, что он, картами не может заработать? — как можно спокойнее проговорил он.

— С кем здесь играть? Одна нищета.

— Ну, не знаю. Сколько приезжих. Да и здесь богатеньких-то!..

— К ним его не допустят. — Злата вдруг резко подалась вперед и с надеждой взглянула ему в глаза: — Вот если бы с тобой, на пару? Вот пошло бы!

Они замерли, глядя друг на друга.

А у Ромы была великолепная реакция: некогда в заключении он зарабатывал деньги простой игрой на скорость и ловкость. Иван не успел даже шелохнуться, как обнаружил себя под воротами. От удара горел висок.

Роман мог бы забить его кулаками и ногами, но «боец без правил» стоял над ним с ножом.

— Бабло, ксиву, ключи от мотора. — Теперь он был блатным и говорил по-блатному.

У Вани появилась возможность подняться, он лез в один карман, вставая на колено, рылся в другом, распрямляя ногу. Отдавал, оттягивая время, что требовали. Понимал — выбора нет. Нож, при любом исходе, Рома обязательно пустит в ход. Лопата стояла, прислоненная к штакетине. Не успеть!

— Только не у меня, мне не надо крови! — выскочил из дома отец и попытался разнять их. Он уже не боялся, его переполняла злость. — Ты знаешь, он мой гость, здесь я за него отвечаю.

— И ты знаешь. Я не проститутка, — показывал Рома нож в руке. — Не он — тогда ты.

— Тогда я, — встала перед мужем Злата.

— Отойди, уйди, дура! — завопил Рома. — Завалю же!!!

— Мне без разницы, все равно жизни не видала.

Как же спокойна и прекрасна она была!

Ваня успел заметить, как дрогнул парень, трясся ножом, как забилося в нем сомнение. Лопата поднималась долго. Описывала полукруг. Уже, казалось, за эти растянувшиеся мгновения можно двадцать раз его достать ножом, ударить. Лопата стала опускаться и... рассекла воздух. Он точно видел, что не попал. Но Рома лежал на земле. Навзничь. Пена, словно выпаренная соль, выступала вокруг рта, стальное тело сотрясали судороги. Злата склонялась над ним, держала плечи, раздвигала тесно сжатые челюсти.

— С ним случается, — пояснила она. — Припадки.

«Все пребывают в вымышленном мире. Какие ему бои без правил?!» — подумал Ваня, тоже пытаюсь помочь...

Отлежавшись, Рома поехал навестить друзей. Злате позвонили на следующий день: опять требовались деньги, иначе условно-досрочному освобождению суженого придет конец: его взяли с поличным прямо в поезде.

— Пусть сидит. Мне так легче, — решила она, повторив один в один слова своего отца, убившего жену: «Мне так легче». □

«Десятка» по-фински

В конце 2012 года по случаю 95-летия со Дня независимости своей страны Хельсинкский университет поинтересовался у населения, какое самое крупное достижение в истории своей страны оно бы назвало. Трое из четырех участников опроса сказали, что это 9-летняя общеобразовательная школа, которой в том же году исполнилось 40 лет и которую финны называют «основной школой». Основной, потому что после 9 класса почти половина детей продолжает учиться либо в гимназии, либо лицее еще в течение трех лет. А остальные идут в ПТ...

Недавно я был в гостях у своего финского коллеги Хейкки Хаапавара (Heikki Haapavaara). Как и положено, хозяин повел меня сначала в сауну. Бросая очередную порцию воды на раскаленные камни, Хейкки показал мне деревянный ковшик и с гордостью сказал: «Сын сделал».

— Молодец, — похвалил я 12-летнего Йоханнеса, или как его называют родители — Йопи, ученика седьмого класса, который сидел тут

же. — Как бывший столяр, ставлю тебе пятерку за эту работу.

— Пятерка — это у вас в России отличная оценка, — поправил меня Хейкки. — А у нас пятерка — это двойка с плюсом. Самая высокая оценка у нас — десятка. Я бы Йопи за ковшик поставил девятку.

— Где мастерил? Кто научил? — спросил я юного столяра.

— В школе. У нас отличный учитель по труду. Сейчас долблю управляемый катер. К весне будет готов.

*Йоханнес Хаапавара
(Йопи) — финский
школьник*

— Йопи может еще и водопровод смастерить,— продолжал хвалить сына отец. И пояснил, что как-то на уроке химии разговор зашел о воде. Чтобы закрепить материал, учитель пригласил на урок муниципального водопроводчика. Тот не только рассказал, откуда и как поступает вода в дома, но и показал детям, как правильно надо монтировать водопровод на даче.

— А на следующем уроке мы уже сами мастерили трубопровод

и проверяли его в деле,— добавил Йопи...

В финской школе кроме столярного дела детей учат готовить пищу, шить, делать украшения и другие полезные в доме вещи. И это не случайно. Дело в том, что финские учителя считают, что именно в процессе ручного труда ребенок учится точности, планированию, аккуратности и умению доводить дело до конца. Помните, что сказал великий китайский мыслитель Конфуций: «Когда я

слышу — забываю, когда я вижу — я запоминаю, а когда я делаю — я понимаю».

Тут мне вспомнился разговор с учителем географии и труда одной московской школы. Она пригласила меня рассказать детям о природе Финляндии и заодно о финской школе. Лекция состоялась в кабинете по труду. Я заметил две антикварные швейные машинки фирмы Зингер и в шутку попросил одну из них продать.

— Не могу, — ответила педагог, — потому что девочки учатся на них шить.

— А для чего у вас на подоконнике стоят десять современных машинок? — спросил я. И получил удивительный ответ:

— Рано 14-летним шить на таких машинках. Не дай бог, палец еще проколют.

Финны вообще на мелочах, на которые мы никогда не обращаем внимания, воспитывают детей. Например, в финской школе уже давно нет звонка. Перемены есть, а звонка нет. Оказывается, так они приучают детей к пунктуальности, чтобы ребенок сам следил за временем. Неплохо бы нам перенять такую традицию.

И еще я заметил, что почти все школьные предметы написаны так, чтобы ребенок получал попутно как можно больше информации о том, что его окружает. Я присутствовал на уроке в четвертом классе. Дети решали такую задачу: лес живет долго. Сосна 600 лет, ель — на сто лет меньше сосны, а дуб в два раза дольше ели. Надо было узнать, сколько живут ель

и дуб. А следующий урок учитель провел в парке и показал детям те деревья, о которых шла речь в задаче.

Когда я рассказал об этом случае Йоппи, он не удивился. «Это математика на природе. Математику я не люблю. Даже на природе. Природоведение — другое дело. Сначала теория. Потом практика в соседнем парке, куда мы вместе с учителем ездим на велосипедах. Потом просмотр диапозитивов. И, наконец, групповые (по 3-4 человека) занятия. Учитель кладет в мешок то, что мы собрали в лесу (мох, шишки, камешки, песок) и предлагает нам на ощупь определить, что там внутри».

— Меня учили совершенно по другому принципу: учи больше, авось пригодится, — подвел итог нашей беседе в парной Хейкки и пригласил нас в дом...

Финны начали школьную реформу больше 40 лет назад. Политики поняли, что со скудными природными запасами и малообразованным населением (в 60-е годы в гимназии поступали только 17 процентов детей) конкурентоспособную экономику не создашь. А тем более не изобретешь мобильник Nokia. Было решено отказаться от спецшкол и всех детей (даже с физическими и психическими отклонениями), начиная с 7 лет, учить в 9-летней основной школе по облегченной, но приближенной к жизни программе. Акцент — на гуманитарные предметы. А программы обучения в гимназии и в ПТУ, наоборот, усложнить.

Государство взяло на себя все школьные расходы: учебники, ручки, тетради и питание — все бесплатно. Резко была повышена зарплата учителям (в среднем 120 000 рублей в месяц).

— Мы покупаем ребенку только лыжи, коньки и то по собственному желанию, потому что все, что нужно для физкультуры, есть в школе, — добавляет к нашему разговору Анна-Стина, мама Йопи. По ее словам, родители могут купить ребенку более дорогой и красивый пенал и ручки, если ему не нравятся казенные.

Финская школа сама справляется со всеми хозяйственными вопросами и никогда не просит помощи у родителей. К тому же родители никогда не собирают деньги на подарки учителям. Это не разрешается.

— По случаю окончания учебного года я могу по собственной инициативе подарить учителю открытку, цветы или книгу. Но не более, — поправляет меня Анна-Стина.

Пока хозяйка накрывала стол, я поднялся на второй этаж. Там три комнаты. Одна из них Йопи. Стол завален учебниками. Это новые и совершенно не те учебники, которыми пользовались когда-то его родители. Перед авторами пособий была поставлена задача: написать учебники, рассчитанные на среднего ученика, чтобы у слабых учеников учеба не вызывала чувство неуверенности. Авторы так и сделали. Тексты учебников были богато иллюстрированы, сокращены и упрощены. К примеру, курс всеобщей истории наши школь-

ники изучают в 6 и 7 классах, а финны проходят за один год. Почему? Да потому, что этот курс начинается с периода жизни Карла Великого, то есть с IX века. Финны удалили историю четырех предыдущих веков. Они вообще преподают детям только самое главное, самое основное. И по принципу: пусть меньше, да лучше.

Кроме того, некоторые предметы вообще объединили. То есть природоведение с географией, физику — с химией. А геометрия, тригонометрия и алгебра объединены в один предмет — математику.

На рабочем столе Йопи я заметил компьютер и калькулятор и спросил:

— Вам, что, всем этим разрешают пользоваться?

— И не только разрешается, но всячески поощряется. И не только дома, но и в школе во время выполнения тестовых заданий. И не только этой оргтехникой, но и справочной литературой, Интернетом.

Я полистал учебник по математике для 7 класса. Задачи совершенно не такие, как у нас. Условие каждой задачи на первый взгляд простенькое. То есть с помощью математических вычислений надо посчитать расход электричества за месяц, длину пути от дома до школы, проанализировать статистические данные, составить графики и кривую. Короче говоря, все задачи на внимание. Недавнее внутреннее тестирование показало, что из семи тысяч финских школьников 91 процент легко справляются с такими тестами. Причем девочки гораздо быстрее, чем мальчики.

И по грамотности чтения финские школьники впереди планеты всей. Почему? Да потому, что их учат не только анализировать литературные отрывки, но и работать с текстами делового стиля: инструкциями, объявлениями, рекламой, расписанием авиарейсов, анкетами для приема на работу и т.п. При поиске ответов дети прочесывают Интернет и справочную литературу. То есть читают много. А это то самое, на чем строятся все тесты международного рейтинга PISA.

Вообще смысл каждого предмета в финской школе — дать те сведения, которые понадобятся ребенку во взрослой жизни. Чтобы он знал с детства, что такое налоги, банки, умел бы заполнять правильно квитанции по оплате коммунальных услуг, умел бы анализировать статистические данные.

В программе новой школы большое место отвели иностранным языкам и, прежде всего, английскому. Цель такая: выпускник школы должен бойко говорить на английском, шведском (это второй государственный язык в Суоми) и еще на каком-нибудь иностранном языке. Для чего это делается? Во-первых, при трудоустройстве работодатель отдает предпочтение именно специалистам со знанием иностранных языков. Во-вторых, тем, кто уезжает из страны на чужбину с английским или другим иностранным языком, легче там адаптироваться.

Английский язык дети учат с 3-го класса по 2 часа в неделю. И, видимо, изучение поставлено хорошо,

потому что по знанию английского финские дети занимают четвертое место в Европе, уступая Швеции, Дании и Норвегии. С четвертого класса на добровольной основе дети выбирают второй иностранный язык. Йопи выбрал русский. Выбор смелый, потому что в финской школе русский учат только полтора процента школьников и в основном дети из смешанных семей.

Полагаю, что на его выбор повлияли родители. Они часто бывают в России и прекрасно знают о масштабах торговых и других отношений между нашими странами и потому уверены, что их парень без работы не останется.

— Мы на всякий случай спросили мнение учителя, мол, потянет ли наш сын столь трудный язык или нет? Он ответил, что Йопи — парень смывленный. Короче, выдержит, — сказала Анна-Стина.

Сам Йопи признался мне, что русский его раздражает. Частично потому, что нет хороших учебников, частично из-за того, что учитель финн. Но парень не сдаётся и продолжает учить этот «великий, могучий, правдивый, свободный язык».

Его мать, видя страдания сына, из-за солидарности тоже стала учить русский. В вечернем рабочем училище.

— Чувствую, что и я скоро присоединюсь к этой компании, — пошутил Хейкки.

Кстати, вечернее бесплатное образование для взрослых очень популярно в Суоми. Судите сами: 900

разных курсов по всей стране. Там преподают не только иностранные языки, но и учат играть на музыкальных инструментах, ораторскому и театральному искусству, помогают освоить компьютер, учат рукоделию, фотографии, танцам и многому, многому другому.

Своим успехам финская школа обязана, конечно, учителям. Финский педагог — это профессионал, который при поступлении в университет выдержал конкурс из 12 человек и который отобран на работу из 10 процентов бакалавров, имеющий степень магистра, то есть степень мастера своего дела.

Работа учителя хорошо оплачивается. Оклад учителя начальной школы (с 1 по 7 класс) 120 тысяч рублей. У предметников, то есть у тех, кто учит с 7 по 9 классы, — зарплата превышает 160 тысяч рублей. А классному руководителю, тому, кто ведет еще школьные кружки, — надбавка в размере примерно месячного оклада. Интересно отметить, что в каждой финской школе есть специальный педагог, задача которого помочь ученикам определиться с будущим, то есть, где продолжать учебу после окончания 9 классов: в гимназии или в ПТУ. Этот педагог анализирует наклонности, способности ребенка и делает свой вывод о его возможностях. Беседа с таким педагогом — дело сугубо добровольное. Но если ученик пришел к нему, то учитель высказывает ему все свои выводы. И дело ученика — принимать их или нет.

В финской школе существует еще и так называемая группа поддержки. Это психолог, социальный работник и медсестра. По числу этих сотрудников финская школа лидирует в Европе.

Финский учитель — личность свободная. Ему в школе дан полный карт-бланш. То есть, он может сам выбирать учебники, составлять методику. Он освобожден от отчетов, его не аттестуют. А школьных инспекторов и вовсе нет, потому что их сократили за ненадобностью. Для финского педагога существует единственный документ — государственная программа школьного образования. Вот он на нее и ориентируется. Качество работы учителей проверяет муниципалитет, да и то выборочно.

Основная задача учителя — довести всех учеников до финиша, до окончания 9-го класса. Желательно, с одинаковым уровнем знаний. Это трудная задача, поскольку каждый пятый финский школьник испытывает трудности в учебе. До 1970 года таких учеников называли тупицами и лентяями, а сейчас научно доказано, что это всего лишь индивидуальная черта человека. И задача учителей, во-первых, убедить всех других школьников относиться к таким детям толерантно, а во-вторых, заниматься с ними дополнительно по 2–3 часа в неделю по индивидуальной программе. Что и делает специальный педагог.

С целью подтянуть отстающих практикуются и занятия по группам. Учитель разбивает класс на небольшие группы по 3–5 человек, в каж-

дой из которых обязательно больше сильных учеников и меньше слабых. Они вместе обсуждают заданную учителем тему. Это занятие напоминает мне нашу телепередачу «Что? Где? Когда?» Парты на роликах, что позволяет быстро и бесшумно формировать группы.

Такая работа с отстающими дает неплохой результат. Во всяком случае, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), именно в финской школе разница между сильными и слабыми учениками самая маленькая в мире.

В каждом классе финской школы много оргтехники: компьютер, телевизор, проектор со сканером, музыкальные инструменты, и учителя активно используют все приборы. Типичный урок по математике проходит так. Учитель с помощью проектора рисует на экране два телевизора. Сбоку пририсовывает цены — одна меньше, другая больше. Детям надо подсчитать, на сколько процентов один телевизор дороже другого.

Классная доска есть, но учитель к ней детей не вызывает. Считается, что неудачный ответ, да еще в присутствии сверстников, может травмировать психику ребенка. Поэтому дети на уроке работают за партами. Учитель раздает всем ксерокопии заданий, потом собирает тесты, а результаты не оглашает.

У финского педагога нет классного журнала. Вся информация о детях — в компьютере. Там же тема урока, результаты тестов, электронная почта, предназначенная родителям.

— Это спецсайт Wilma, — поясняет Анна-Стина. — Три раза в год родители получают от учителя по Интернету подробный отчет об учебе ребенка. Кроме оценок, учитель рассказывает о поведении ребенка, его активности на уроках, об отношении к школьному имуществу и к сверстникам. Там же отчет о сочинениях детей на тему: «Как ты оцениваешь поведение одноклассников». В основном дети перечисляют слабые стороны друг у друга. Например, как тот или иной реагирует на хулиганство, насмешки (хихикает или застывает). А учитель иллюстрирует эту информацию конкретными примерами.

По Интернету родители объясняют педагогу причины отсутствия ребенка в школе, никакой медицинской справки от них не требуется.

Два раза в год — осенью и весной — классный руководитель лично беседует с каждой семьей отдельно. Это так называемые «родительские четверги».

— Сначала мы втроем выслушиваем мнение сына, — поясняет Хейки. — Потом говорит учитель. Если мнения сильно расходятся, дальше разговор происходит без участия ребенка. Но ни в присутствии Йопи, ни в его отсутствии учитель его не ругает. Он даже не имеет права называть ребенка лентяем, в противном случае мы можем пожаловаться на него директору.

— В школе бывают и общие родительские собрания. Два раза в год. Но мы на них не ходим, поскольку

ку это лекция, например, на тему: «Эмоции подростка» или что-нибудь подобное, — добавляет Анна-Стина.

Школа Йопи работает по госпрограмме борьбы против хулиганства в школе. Финские школы в принципе безопасные, это признают как педагоги, так и родители. Но, согласно исследованиям в 8 и 9 классах, 10 процентов мальчиков и 6 процентов девочек становятся жертвами насмешек и издевательств со стороны сверстников. Причина, в основном, — их физические недостатки (полнота, плохое зрение или необщительность).

— Я слышал, что обо всех случаях издевательств или хулиганства дети обязаны сообщать учителю. Если, к примеру, учитель спросит, кто разрисовал парту, ты поднимешь руку и назовешь имя шалуна? — обращаюсь я к Йопи.

— И не только я, но еще три-четыре руки поднимутся. Учителя нам постоянно напоминают, что в ябедничестве нет ничего плохого, мол, тем самым мы помогаем укреплять дисциплину. Кроме того, перед началом учебного года нам раздают специальную памятку о том, что я обязан докладывать учителю о любых нарушениях школьной дисциплины, в том числе о тех, кто пользуется шпаргалками или подсказками. И я обязан ее выполнять, — без смущения говорит законопослушный юный финн.

Короче говоря, у финских учителей с информацией о «плохишах» проблем нет, а вот средств для

борьбы с ними мало. Оставить нарушителя дисциплины после уроков — это все, что он может. Да и то только с разрешения родителей. Практически любое решение учителя родители могут обжаловать в суде. Идеи о расширении шкалы наказаний есть, и они обсуждаются. Например, профсоюз учителей предложил злостных нарушителей исключать из школы ... на три дня. Министр образования предлагает «лечить» таких детей трудом, то есть, после уроков заставлять их мести школьный двор. А еще министр собирается разрешить учителям проверять при входе в школу портфели учеников. Дело в том, что в последнее время дети стали все чаще приносить в школу ножи, кастеты, отвертки и другие опасные предметы. Есть уже случай, когда десятилетний мальчик порезал лицо сверстнику.

— Да. У нас сейчас эти предложения обсуждаются. Родители, кажется, не против увеличения прав педагогов. Но дело в том, что у нас от слов до решения проходит очень много времени, — заключает Анна-Стина.

Может быть, и по этой причине сами финские учителя оценивают качество образования в 9-летней школе всего лишь на восемь с половиной, то есть по-нашему на четверку.

И все же по международным рейтингам PISA, PIRLS, TISS финское образование признается одним из самых лучших в мире. □

Чисто КОМПЬЮТЕРНОЕ Убийство

ГЛАВА 1

ОЗАБОЧЕННОСТЬ ВОЕННОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Весна — она и в Африке весна. Весна везде весна. Но в Питере весна — веснее всех весен. Когда слякотная и серая стужа сменяется затяжными периодами солнечного и небесно-голубого тепла, это действует на организм освежающе и живительно, как контрастный душ.

Заместитель командира воинской части в/ч № 755605 капитан первого ранга Гаврилов сидел в кресле своего просторного рабочего кабинета. Свободно откинута на спинку кожаного кресла голова слегка свесилась

ЧИСТО

КОМПЬЮТЕРНОЕ

УБИЙСТВО

вправо и чуть вниз. Казалось, он спал и видел во сне какой-то страшный сон — на его лице застыла гримаса душевной муки, а пальцы в буквальном смысле мертвой хваткой вцепились в подлокотники кресла. Из ушей на кремовую форменную рубашку тоненькой струйкой стекала кровь.

Такую картину увидела Ниночка, Нина Васильевна Рубцова, секретарша Гаврилова, когда в восемь часов две минуты утра, придя на работу, решила заглянуть в кабинет к шефу, поскольку на ее обращение к нему по местному переговорному устройству никто не отозвался. Две минуты понадобилось ей, чтобы прийти в себя от шока, еще через пару минут прибыл вызванный по тревоге дежурный офицер с КПП, который, узнав, в чем дело, распорядился никого в кабинет не пускать до прихода компетентных лиц. К половине девятого ситуацию взяли под контроль следователь военной прокуратуры Паламарчук Василий Аполлинарьевич и эксперты-криминалисты.

Описание обстановки, в переводе с сухого протокольного языка на обычный, выглядело следующим образом. Собственно воинской частью был НИИ — научно-исследовательский институт военно-морского ведомства. Рабочий кабинет капитана Гаврилова располагался на втором этаже трехэтажного старинного здания в Шестом Бронешилетном переулке, которое фасадом выходило на площадь Танкистов, а тыльная сторона его была обращена к Неве. Окна кабинета были защищены прочными железными решетками, рамы открывались внутрь. В настоящий момент створки одного из окон были распахнуты, так что в кабинете было свежо от проникающего с реки апрельского влажного воздуха. На просторном рабочем столе стоял, мерцая заставкой в виде старинного замка в багровых лучах заходящего солнца, работающий компьютер. Рядом с ним — наполовину опустошенная чашка уже остывшего и потерявшего аромат черного кофе, а рядом с ней открытая бутылка

коньяка с дефицитом содержимого граммов пятьдесят, не больше. Во всем кабинете, на рабочем столе и даже внутри него царил идеальный порядок, и это было характерно для хозяина кабинета.

В течение дня эксперты тщательнейшим образом исследовали и сам кабинет, и прилегающую территорию. Паламарчук с помощниками опросили всех сотрудников этого военного НИИ, кто был или мог быть в помещении. Ни намек на след, ни малейшей зацепки обнаружить не удалось. Специалисты военно-медицинской академии дали предварительное заключение о вероятной причине смерти. Поскольку сердце и другие жизненно важные органы были в полном порядке, сигнал на остановку сердца, скорее всего, дал мозг. По-видимому, последнее сокращение сердечной мышцы было аномально мощным, в результате чего создалось пиковое давление крови, и некоторые периферические сосуды лопнули. Но почему мозг дал приказ на прекращение жизни, медицина ответить не могла. Судебные медики лишь определили, что кровь в сосудах погибшего перестала циркулировать примерно в четыре часа утра.

Опрос сослуживцев и секретарши, а также результаты осмотра места происшествия позволили восстановить более-менее точную картину последних часов жизни капитана первого ранга Гаврилова. Накануне вечером, уже почти в двадцать два часа, он отпустил Ниночку домой, а сам остался еще немного поработать. Надо было обязательно закончить проверку отчета по какой-то плановой теме к завтрашнему дню, и он обложился многочисленными сводками и документами. В его распоряжении был только один, но заменяющий целый штат помощников, адъютант — компьютер. Он все знал, надежно хранил и по малейшему требованию выдавал необходимую информацию.

Время от времени Гаврилов взбадривал себя свежеприготовленным крепким кофе с глотком коньяка, каждый час открывал окно и минут пять проветривал кабинет. Дежурный офицер, проверяя помещение, заглядывал к нему последний раз около двадцати трех часов. Заместитель командира части был здоров, бодр, свеж и говорил, что часика два-три еще придется посидеть. А когда дежурный направился к выходу, попросил его больше не беспокоить, мол, все у него в полном порядке. И действительно порядок был полный, не стало только его самого.

Было, правда, непонятно, как согласуется время смерти с тем, что Гаврилов в двадцать три часа говорил дежурному, будто собирается еще поработать часика два-три. То есть он собирался в районе часа или двух часов ночи уйти. А тут получается, что он был еще жив до четырех часов. Разумеется, кофе, коньяк и все другое, что могло попасть внутрь организма, внимательнейшим образом проверили на предмет наличия какой-либо

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

отравы. Следы, отпечатки и прочее на столе, предметах, дверных ручках, оконных шпингалетах и подоконниках также тщательно были изучены, но они не дали повода для каких-либо подозрений. Оставался компьютер. Нужно было установить, над чем непосредственно работал в эту ночь на компьютере погибший капитан первого ранга.

Сам Паламарчук, по его собственному выражению, был «не Копенгаген» в этом вопросе, и даже для печати своих документов пользовался допотопным по нынешним временам инструментом — пишущей машинкой и копировальным аппаратом. Поэтому для консультаций были приглашены двое молодых старлеев — программистов из информационно-вычислительного отдела. Те, растолковав предварительно следователю, что и как они делают, установили по основному меню пятнадцать последних документов, которые открывались или создавались пользователем. Это были в основном файлы баз данных и программы их обработки. Они носили характер специнформации и были защищены паролями. Последним действием компьютера было принятие сообщений по Интернету. Правда, что это за сообщения, установить не удалось, так как соответствующая страничка, высвечиваемая на экране, была пуста. На корпусе же и на клавиатуре были обнаружены отпечатки пальцев только самого погибшего. Итак, что касается улик, зацепок, даже подозрений, то здесь у следствия был абсолютный неурожай, засуха, пустыня. «Просто чертовщина!» — сокрушенно подвел про себя итог следователь военной прокуратуры Паламарчук.

Академик Софийской, Нью-Йоркской и еще нескольких Академий наук по отделениям информации и компьютерных технологий Арсенид Иванович Жуй-Жевайло выбрался на дачу, которую уже много лет снимал в Лисьем Носу. К полудню он успел хорошо физически поработать — вско-

пал две грядки, на которых из года в год рано по весне выращивал для себя только укроп, петрушку и лук с чесноком. Да еще хрен у него разросся. На даче. Эти занятия на микроогородике не давали застояться его дряхлеющим мышцам, обеспечивали так необходимыми по весне витаминами, а, главное, вкупе с созерцанием водной глади залива, успокаивали его нервную систему, разгоряченную научными спорами и творческими дискуссиями на всевозможных симпозиумах, заседаниях секций академий и ученых советов, а также регулярными банкетами.

Сегодня к нему за город должен был подъехать один военный следователь, которого Арсенид Иванович обещал принять по просьбе своего старого и доброго друга-академика, секретаря Российской академии наук. Следствию потребовалась консультация по вопросу каких-то паранормальных явлений в сфере информации. Поскольку академику Жуй-Жевайло давно осточертели всякие нормальные явления, он с некоторых пор переключился на изучение аномальных, или, как их еще называют — паранормальных явлений. Титул и известность в широких научных кругах придавали вес его рассуждениям на тему параллельных миров, искривленности пространства и неведомых космических псевдоэнергий.

Многие его коллеги за глаза иронизировали по поводу его увлечения, но в повседневной реальности это оказалось очень удобным клапаном для отвода разных мутных течений. Например, идут многочисленные письма с хитроумными проектами вечных двигателей — их отправляют для отзывов Арсениду Ивановичу. Засветят под опухшим после вчерашнего перепоя глазом фонарь какому-нибудь механизатору под Вологдой, а тот сразу в газету, как он «наблюдал неопознанный летающий объект!» Письма идут со всех концов нашей страны, а кому из ученых во всем этом разбираться? Разумеется, академику Жуй-Жевайло.

Конечно, все эти аномальные явления Арсениду Ивановичу тоже были «до фени». Ему вообще все было до этой самой «фени», он давно уже ничем всерьез не занимался кроме дискуссий и банкетов, причем последние для него были предпочтительнее. Но реноме его поддерживалось на высоком уровне, поскольку под его крылом, точнее, под его именем работали многочисленные ученики, аспиранты, докторанты и прочие молодые, умные, энергичные, зубастые и равнодушные к науке люди. Но что у Арсенида Ивановича было не отнять, так это то, что он тщательно следил за всеми выходящими по паранормальной тематике публикациями. Нет, он не сидел в библиотеках и не рылся в каталогах. Копии всех статей, выходные данные книг для него старательно собирались теми же прорывающимися в науку молодыми энтузиастами и хранились большей частью на дискетах, а более ранние — в виде бумажных оттисков. За порядком в библиографии следила

его жена, и делала она это, как бывший библиотечный работник, грамотно и надежно.

Василий Аполлинарьевич Паламарчук приехал перед обедом. От предложенного академического угощения отказался, согласившись только на чашку чая, и, устроившись на стареньком дачном диване в прохладной, отапливаемой калорифером комнате, сразу приступил к делу. Описав кратко, но точно ситуацию, он попытался, было, решить исход встречи одним конкретным вопросом: «Что могло послужить причиной гибели человека, если он общался только с компьютером, и никаких, так сказать, контактных воздействий на погибшего ни снаружи, ни изнутри не обнаружено? Может ли компьютер стать орудием убийства или самоубийства? И если да, то где найти прецедент?»

Нельзя сказать, чтобы Арсенид Иванович не имел дела с военными. Конечно, имел, да и не мог не иметь. Санкт-Петербург, несмотря на всю уникальность и столичный характер происхождения, похож на любой другой крупный город нашей страны тем, что со времен Советского Союза основная часть его промышленного и особенно научного потенциала работала на военные нужды. И все-таки военная прямота и конкретика следователя заставили его покраснеть и закряхтеть. Тем более что ответить такой же прямотой и конкретикой он в данный момент был не готов. Рандеву вскоре завершилось тем, что Паламарчук заручился обещанием ученого позвонить и предоставить подборку опубликованных материалов, которые могли бы оказаться полезны следователю.

Надо отдать должное академику. В отличие от подавляющего большинства нового поколения ученых мужей, он унаследовал от недобрых старых времен доброе качество бережно относиться к данному им слову, раз уж пришлось его дать. Через день на столе у следователя уже лежали распечатки нескольких статей из различных газет и журналов...

Паламарчук сожалел, что именно ему досталось это нудное идохлое дело. Подумаешь — загадочное. Ну и что, что таинственное? Сейчас кругом одни загадки. И ни одной разгадки. Ни одно более или менее серьезное убийство не раскрыто, так что загадочностью и таинственностью сейчас никого не удивишь. А тут по горячим следам ничего не удалось продвинуть, предстоял «малоперспективный тягун». Да, собственно, и следов-то не было, ни горячих, ни холодных. Хорошо, что начальство все прекрасно понимало и не строило из себя соковыжималку. Так, давило потихоньку из формальных соображений, только потому, что оно — начальство. С другой стороны, Паламарчук привык к тому, что во всех ранее расследованных им делах четко была обозначена начальственная линия — кого, за что и как надо подводить к наказанию. Он не привык к самостоятельности в принятии таких решений и действовал, как собака, на коротком поводке у начальства. Вот и сейчас он привычно и непроизвольно ждал команды, куда бежать и кого кусать. Но за поводок никто не дергал. А тут и квартира еще не получена, все висит...

Однако дело лежало перед ним, и его надо было куда-то двигать. Возбуждено оно было по факту гибели капитана первого ранга, но естественные вопросы: убийство это или самоубийство, несчастный случай или злоумышленное преступление, каковы причины или мотивы смерти, и даже способ убийства, если это убийство, не говоря уже об оружии убийства, — все это требовало ответов. А о злоумышленнике или злоумышленниках, если, конечно, был этот злой умысел, и говорить нечего. В общем, чертовщина наблюдается, а самих чертей никто нигде не видел.

Василий Апполинарьевич придвинул к себе копию одной из статей в какой-то провинциальной газете «Русский север», которая называлась «Тайна стекольных дырок». В числе прочего автор писал:

«Однажды, это случилось в 1982 году, мы с приятелем, профессором, заведующим кафедрой приборов точной механики, приехали на Финляндский вокзал. Привычное многолюдье, толчея у билетных касс, которые в виде будок из стекла тогда были разбросаны по всему фойе вокзала. Подведя меня к одной из таких будок, приятель обратил мое внимание на аккуратное круглое отверстие в стеклянной стенке кассы. По высоте оно располагалось на уровне глаз и имело диаметр, сравнимый с толщиной спички. Отверстие было снабжено плавной неглубокой фаской снаружи, по форме и размерам с тогдашние пять копеек.

Мы попробовали выяснить происхождение этой дырки у кассирши, однако ей ничего по этому поводу не было известно. По моим представлениям, такие отверстия в стекле оставляет пуля или плазменный пучок мощного лазера. Правда, в этом случае было бы неизбежно привлечение вни-

мания, и были бы свидетели, и, наконец, огласка. Но не было ни свидетелей, ни пострадавших. Разумного объяснения появлению аккуратной дырочки в таком необычном месте тоже не находилось. Пахло чудом!

Но профессор еще подлил масла в огонь удивления и любопытства. Он повел меня снаружи здания вокзала, и тут я увидел, что со стороны железнодорожных путей на стеклах второго и третьего этажей красовались уже знакомые мне аккуратные отверстия фаской наружу. Их тут было несколько. При этом в двойных рамах насквозь были пробиты оба стекла, и только в одном случае внешнее стекло имело отверстие, а внутреннее — нет. И, как можно догадаться, пули или какого другого «снаряда» в этом случае между рамами не оказалось. С разрешения администрации мы поднялись по внутренней лестнице, но никаких следов на стенах напротив сквозных отверстий не обнаружили.

Случай отличался от других известных мне «таинственных» явлений своей реальной осязаемостью, конкретностью, и в то же время — необъяснимостью. И совсем я был добит сообщением профессора о том, что аналогичные дырочки были обнаружены в окнах некоторых служебных помещений, телефонных будок, причем, как правило, они были расположены вблизи реки Невы».

Далее автор задавался рядом вопросов: «Почему эти отверстия возникали в местах скопления людей, но никто не только не был «задет», и даже не нашлось свидетелей самого процесса их возникновения? Почему отверстия, будь то на высоте полутора метров или десятка метров над землей, всегда оказывались перпендикулярными поверхности стекла? Почему в разных районах города они появились в одно время, судя по словам ночного сторожа вокзала, в ночь с 5-го на 6-е декабря?»

На эти «почему» ни тогда, ни сейчас нет ответа. Не нашлось его и у закрытой комиссии военно-промышленного комплекса. Пресса молчала. Продырявленные стекла телефонных будок суеверные и предприимчивые жители растащили на сувениры.

Говорят, аналогичные явления наблюдались в Прибалтике и в Северо-Западном регионе. При этом в одном из случаев, о котором рассказал житель города Вологды Николай Александрович Кротов с улицы Воровского, имелся новый отличительный признак. Дырка величиной с пятак, имевшая ровные края, обнаружена была, как и все другие, утром, то есть возникла ночью, но в данном случае «вырезанный» кружок стекла был найден, он находился между рамами. А это очень существенно, так как отвергает одну, более или менее правдоподобную, гипотезу о происхождении отверстий, согласно которой причиной их возникновения могли послужить внутренние напряжения в самом стекле, возникшие при его варке и затвердевании. Поскольку стекло — это затвердевшая жидкость, в ней возможны включения в виде газовых пузырьков. Так же, как и в воде, они при определенных условиях, а именно при соответствующих кипению жидкости температуре и давлении, вскипают и выходят наружу. Но в данном случае это как раз и исключается, поскольку вырезанным оказался целый кусок стекла.

Убедительного объяснения до сих пор так и не найдено, ведь даже в случае только что приведенной гипотезы возникают вопросы о том, а какие же факторы побудили к одновременному в разных областях большого пространства «вскипанию» этих пузырьков и разнородных включений? А тут еще добавляется вопрос о том, как можно ровненько вырезать целую окружность? В общем, эта загадка Природы так и не разгадана. Можно утешиться лишь тем, что и тунгусская катастрофа 1908 года, несмотря на обилие правдоподобных, но не подтвердившихся гипотез, тоже пока не объяснена. А Природа тем временем подбрасывает бедному человечеству все новые и новые тайны, никогда не раскрывая их до конца...» И так далее.

Паламарчук закончил чтение и поймал себя на мысли, что эта статья его немного развлекла. «Но каким местом она прикладывается к моему случаю?» — спрашивал себя Василий Аполлинарьевич, однако в голову лезла только всякая ерунда.

Следователь снова съездил на место происшествия в Шестой Бронежилетный переулочек и еще раз, уже который по счету, осмотрел все оконные стекла, и не только в кабинете погибшего капитана первого ранга. Никаких повреждений, не говоря уже о пресловутых «дырках», он не обнаружил. Побеседовал с хозяйственниками. Хозяйственники тоже сказали, что и стеклок в последние дни они не вставляли, и ничего подобного тоже не наблюдали,

хотя раньше о случаях продырявленных стекол что-то слышали, кажется, в связи с полтергейстом или тому подобной нечистью.

«Итак, одно направление поиска, можно сказать, отработано», — подумал Василий Аполлинарьевич, когда во второй половине дня принялся за чтение следующей публикации из числа переданных ему специалистом по аномальным явлениям, академиком Жуй-Жевайло. Статья из журнала «Техника молодежи» была посвящена, судя по названию, неопознанным летающим объектам. Следователь недовольно поморщился. Надоела ему эта бесплодная словесная трескотня вокруг природных аномалий, которая вот уже несколько десятилетий, то стихая, то разгораясь с новой силой, не сходит со страниц газет и популярных изданий, вызывая сомнительный ажиотаж и будоража непросвещенные умы. Преодолевая чувство неприязни к предстоящему чтиву, Василий Аполлинарьевич все же решил быть последовательным в своем поиске истины и прочесть статью. Тем более что до конца рабочего дня время нужно было на что-то израсходовать. Содержание ее под названием «Еще раз об НЛО», с некоторыми сокращениями, было следующим:

«Сведения о странных летательных аппаратах, возникающих ниоткуда и исчезающих неизвестно куда, сохранились с давних времен. У разных народов их именовали по-разному: колесницами богов, небесными кораблями, огненными щитами, секретным оружием немцев, летающими тарелками и в последние годы — неопознанными летающими объектами (НЛО). В разные времена внимание к ним со стороны общественности и средств массовой информации то росло, то спадало. Обострение внимания к НЛО особенно заметно было к концу Второй мировой войны и последующего периода так называемой «холодной войны» — великого про-

тивостояния между двумя сверхдержавами, СССР и США, а также в период конца 80-х — начала 90-х годов двадцатого столетия. Так, например, в США в 1947 году по приказу главнокомандующего ВВС под руководством майора Э. Руппольта в центре авиационно-технической разведки были развернуты работы по проекту «Знак», целью которых была организация наблюдений за НЛО и обработка сообщений, поступающих из войск.

В феврале 1953 года представитель ПВО заявил: «Мы имеем огромную массу сообщений о летающих тарелках. Мы воспринимаем все это очень серьезно, так как потеряли уже много людей и самолетов, пытавшихся атаковать НЛО...» Были созданы также организации по изучению НЛО во многих других странах, включая такие, как Италия и Франция. Появились группы, работающие на общественных началах в Болгарии, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, Японии и ряде других. Пик этой деятельности, пожалуй, приходится на 1978 год, когда вопрос об организации международного изучения НЛО рассматривался в политическом комитете на 33-й Генеральной Ассамблее ООН. Основанием для этого послужили обширные сведения по наблюдениям за НЛО, касающиеся, прежде всего, военно-политических аспектов, ведь ошибочно принятая за ракету противника какая-нибудь светящаяся фитюлька могла вызвать взаимно-упреждающий обмен ракетно-ядерными ударами и мировую катастрофу.

Однако здравый ум настоящих ученых перевел эту проблему из плоскости мистификаций в плоскость конкретно-практических действий. Изучать возможный феномен надо, но поддаваться непроверенным фактам и эмоциям — нельзя. И поскольку ни в документах, ни в выступлениях экспертов конкретных идей и предложений, что же делать с огромным ворохом часто сомнительной информации, не содержалось, — интерес постепенно стал угасать. И только у нас в стране с началом перестройки и последующим открытием цензурных клапанов все желающие выпустили информационный пар. Мыльный пузырь фальсифицированных сенсаций лопнул, и к настоящему времени остались лишь редкие, действительно оставившие реальные следы и пока еще необъясненные и потому интересные факты.

Один польский гражданин, Влодзимеж Завиша, любил отдыхать в горах. Он каждый свой отпуск проводил в Альпах с фотоаппаратом, выискивая изумительные пейзажи, и никого и ничего ему больше было не надо, он получал удовольствие от одиночества. Однажды, это было в 1953 году, во время очередной прогулки по горному плато, с ним приключилась вот такая история. На горную площадку рядом с ним бесшумно опустилась летающая посудина, из которой вышли человекообразные существа и вступили с ним в контакт на каком-то незнакомом гортанном языке. За-

тем, как водится, предложили продемонстрировать свои неземные способности и кое-что еще сугубо для пана Завиши личное. Они почему-то настолько были заинтересованы в доверии к ним со стороны пана Завиши, что, учитывая фотографическое его хобби, предложили прокатиться с ними в их летающей посудине вокруг Луны, чтобы он смог ее самолично сфотографировать с невидимой для землян стороны.

Полет состоялся, и Влодзимеж Завиша был доставлен обратно в ту же точку, откуда был взят. Все происшествие показалось ему приятным сном, но... при нем оказалось около трех десятков отчетливых фотоснимков, которые он по логике событий принял за снимки обратной стороны Луны. Нелишне напомнить, что в 1953 году, то есть за несколько лет до появления первых искусственных спутников Земли, увидеть обратную сторону Луны человечество не могло по той причине, что Луна, вращаясь вокруг Земли, повернута к ней всегда одной стороной. А тут в наличии оказались даже снимки — реальные, отчетливые — неведомого человеку лунного ландшафта.

Вернувшись домой, пан Завиша поведал обществу о своих необычайных приключениях, предоставив в качестве доказательства снимки неведомых участков лунной поверхности, сделанные с близкого расстояния. Поскольку пан Завиша состоял на учете по поводу нервно-психического заболевания, а также по той причине, что снимки лунного ландшафта очень уже походили на снимки земной местности, у фотографа-путешественника признали обострение заболевания, и он был помещен в соответствующий диспансер для стационарного лечения.

Эта история так и забылась бы, но спустя несколько лет, в 1959 году, советская автоматическая станция впервые облетела Луну и сделала, впервые в истории человечества, фотографические снимки обратной стороны Луны, которые

были широко опубликованы в наших и зарубежных газетах. Затем кому-то пришло на ум сравнить эти снимки с прибереженными кем-то в секретных сейфах до случая снимками пана Завиши, и оказалось, что в них очень много схожего! Так эта история стала предметом обсуждения серьезных засекреченных людей в секретных лабораториях...»

Далее статья продолжалась в том же духе, но ни желания, ни рабочего времени не осталось, и Паламарчук отправился домой, во временно отведенную ему казенную жилплощадь на Васильевском острове, где его ждали заботливая жена, капризная дочка и сибирские пельмени.

А на следующий день с утра, еще раз побывав на месте происшествия, поговорив с сотрудниками и жителями близлежащего жилого района, Василий Аполлинарьевич сделал и зафиксировал в соответствующих документах следующий вывод. «Проведенная при участии Академии наук и лично академика Жуй-Жевайло разработка версии о том, что причиной гибели капитана первого ранга Гаврилова могли стать какие-либо аномальные природные явления типа НЛО, положительных результатов не дала, что и засвидетельствовано стенограммой встреч с академиком, показаниями сотрудников воинской части, жителей прилегающего района и заключением метеослужбы города».

Оперативно-исследовательская работа продолжалась, и, как ни странно, Паламарчук поймал себя на мысли, что ему хочется поглубже окунуться в загадку этого необычного дела. Он вызвал к себе мужа секретарши Ниночки Рубцовой Олега. Тот явился к назначенным десяти утра с пятиминутным опозданием. Извинился, объяснив, что подвозил попутного пассажира. Официально Рубцов считался безработным, но втихаря занимался частным извозом и не пытался скрывать это от следователя, когда отвечал на анкетный вопрос о роде занятий.

— Ну а как сейчас проживешь? Не в банду же вступать, — пояснил Олег. Он был уверен, что вызов к следователю связан именно с этой стороной его жизни. Но поскольку ничего криминального не обременяло его совесть, то и держался он спокойно.

— А что, приглашают? — шутливо улыбнулся следователь. — И на какую должность?

— Да трупы развозить по моргам, — ответил Рубцов. — Только ввиду массового их производства расценки настолько снизились, что я решил пока отказаться. Живых возить куда прибыльнее.

Перейдя с шутливого тона на официальный, Паламарчук попросил Олега вспомнить, что тот делал вечером и ночью двадцать пятого апреля. Рубцов не без запинок, что показывало на незаготовленный характер от-

вета, но довольно уверенно вспомнил, что в тот вечер отвозил клиента в Сестрорецк, вернулся поздно, после полуночи.

— А вы не боитесь один ездить так поздно и далеко в наше-то время? — спросил Василий Аполлинарьевич.

— Да, опасаться, конечно, приходится. И мы в таких случаях стараемся страховаться. Во-первых, ездим всегда вдвоем с приятелем, во-вторых, клиентов берем одного-двух, чтобы их было не больше, чем нас. Это хоть немного, да придает нам уверенности. Ну, и, в-третьих, под рукой всегда монтировка, а у приятеля даже газовый пистолет имеется. Конечно, с разрешением.

— Кто ваш приятель и как его можно найти?

— А что, серьезное что-нибудь случилось? — Олег инстинктивно задал этот вопрос, опасаясь, как бы ненароком не подставить друга.

— Это вы узнаете, но не сейчас, позднее, — развел руками следователь. — Так какие у него координаты?

Олег назвал его полное имя и номер домашнего телефона.

— А вот адреса я точно не знаю, мы с ним работали вместе в «Металлоремонте».

— Да ничего, этого вполне достаточно. — Василий Аполлинарьевич сделал соответствующие заметки в своем блокноте и продолжил: — А теперь скажите мне вот что, Олег Сергеевич. Ваша жена не рассказывала чего-нибудь необычного о своей работе в эти дни?

— Как же, как же, — оживился Рубцов, сообразив, наконец, для чего его пригласили в военную прокуратуру, — рассказывала. Я почему уверенно говорю, что рассказывала? Обычно она о работе вообще ни гу-гу. Уж иной раз сам спрашиваю, как тебе там посреди мужиков-то, не обижают? Смеется: « Не твоего ума дело. Много будешь знать, скоро состаришься!» А тут приходит как-то вся в слезах. Шеф ее, заместитель их-

него командира, умер. И не известно от чего! Был, говорит, и нету! Подробностей, правда, и тут не рассказала, но очень горевала. Хоть и приставал он к ней, проходу не давал — я уж, грешным делом подумывал, не устроить ли ему... — а все равно жалко очень.

Судя по тому, что рассказывал и, главное, как держался Олег Рубцов, его можно было исключить из списка подозреваемых или уж сдвинуть в самый конец этого списка. Правда, Паламарчуку приходилось встречаться за свою следовательскую карьеру с такими артистами, что даже Станиславский вместе с Немировичем-Данченко ходили бы у них в подмастерьях. Но в данном случае, склоняясь к выводу о непричастности Рубцова, Василий Аполлинарьевич руководствовался не только интуицией и своим опытом. Он разыскал напарника Олега, и тот подтвердил слова Олега об их поездке в Сестрорецк и все остальное. Правда, люфт между временем их возвращения, а они называли что-то около двух часов ночи, и временем гибели Гаврилова, это от трех до пяти часов утра, оставляя некоторые сомнения, да и слова Рубцова «...я уж, грешным делом, подумывал, не устроить ли ему...» настораживали. Но уж больно бесхитрым выглядел этот парень для такого сложного убийства, если это было действительно убийство. Короче говоря, Паламарчук пока сложил материалы по этому направлению поиска в дальний угол сейфа.

Он встретился также с компьютерщиками и проконсультировался у них относительно того, насколько опасны для человека излучаемые работающим компьютером электромагнитные поля. Вопреки расхожему мнению, электронщик из отдела компьютерного обеспечения капитан-лейтенант Максим Орехов относился к подобным угрозам весьма скептически.

— Я не буду приводить технических доводов, — сказал он в беседе со следователем, — с точки зрения биофизики тут очень многое пока неясно, и доводы против, равно как доводы в пользу благоприятного воздействия сопутствующих свечению экрана полей, нельзя считать обоснованными. Но давайте посмотрим на проблему чисто философски. Несмотря на все предостережения и рекомендуемые нормы, десятки и сотни миллионов людей сидят ежедневно по много часов за компьютерами, и около миллиарда — перед экранами телевизоров. А вы слышали когда-нибудь, что кто-то умер за этим занятием? Даже если и есть какой-то вред с этой стороны, так он неощутимо мал по сравнению с любыми другими массовыми бытовыми факторами, например, с табакокурением.

Василий Аполлинарьевич поежился. Только две недели он выдержал добровольный переход в лагерь тех сорока семи процентов мужского населения страны, которые не курят. И пару дней назад, под непреодолимым давлением физиологической потребности затянуться никотиновой

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

отравой, вернулся в лагерь пятидесяти трех процентного большинства. Эти цифры он недавно услышал по тому же телевизору в разделе социальных новостей.

— ...Конечно, разрабатываются, выпускаются и продаются защитные экраны для мониторов и телевизоров, но кто достоверно мог проверить их медико-биологическую эффективность? — продолжал тем временем электронщик. — И я уверен, что, если как следует покопаться, то за теми, кто раздувает проблему, пропагандирует и настоятельно рекомендует борьбу с побочными рентгеновскими излучениями, стоят те же производители защитных стекляшек с экранами. Типичное паразитирование на во многом искусственно раздутой проблеме. А очень дешево выпускать и сердито продавать стекляшки к мониторам — да это ж сказочно прибыльный бизнес!

— Я впервые слышу такие радикальные высказывания, — вставил Василий Аполлинарьевич. — Обычно в столь деликатных, поддерживаемых на государственном уровне делах люди осторожничают и стараются выразиться нейтрально.

— Ну, государственный ранг еще не гарантия разумности, — распалился молодой офицер. — Или вот, возьмите, даже в специальной литературе пишут, будто бы кактусы, эти ромашки пустыни, поглощают вредные излучения мониторов. Кто сказал? Почему? Кто и как это проверял? Запустили слух, он откликнулся многократным эхо в средствах массовой информации, а какой-нибудь Федот Федотыч, что стоит за спиной рынка кактусов, потирает руки.

— Ну, хорошо, — прервал красноречие капитан-лейтенанта Паламарчук, — так что же, по-вашему, все кругом одна сплошная

рекламная дезинформация, и никакого вреда от компьютеров нет? А для чего же тогда эти предельные нормы допустимых значений? Ведь они же приняты на международном уровне.

— А-а! — с усталым сожалением непонятого гения закончил свое выступление Максим Орехов. — Разумеется, нет ничего идеального. И на Солнце возникают пятна, и самые лучшие лекарства не лишены побочных эффектов и противопоказаний.

— Что ж, благодарю вас. Вы обогатили меня новой информацией и существенно расширили мой кругозор. У меня к вам еще один, уже последний вопрос. На ваш просвещенный взгляд, загипнотизировать человека компьютер может? — Паламарчук с интересом смотрел на собеседника. Эта мысль пришла к нему неожиданно прямо сейчас, но она ему показалась интересной, особенно в разговоре с таким знатоком новой техники.

— Сам компьютер — это машина, и управляется она, в конечном итоге, человеком, вернее, программой, которую придумывает человек. А человек может все! В том числе и гипнотизировать себе подобных. Разные люди могут это делать с разной степенью успеха, но, в принципе, могут все. Одни используют для этой цели пассы руками, другие — средства массовой информации, а третьи — компьютер. Так что, почему бы и нет? Но это мое частное мнение дилетанта, а отнюдь не профессионала, — признался капитан-лейтенант. И на этом они распрощались.

Следующим шагом, который Паламарчук наметил для себя, — это выяснить, каков был характер той информации, над которой работал в последние перед смертью часы Гаврилов. Могла ли она представлять какой-нибудь интерес для определенных организаций за рубежом, можно ли ее похитить из компьютера, где она хранилась. Все это касалось военных аспектов работы капитана первого ранга Гаврилова, поэтому требовалось как согласование предпринимаемых действий со своим начальством, так и разрешение военного руководства НИИ на доступ к информации, которая наверняка имела гриф секретности.

Наконец все необходимые утряски были произведены, разрешения получены, и Василий Аполлинарьевич встретился с сотрудником информационного отдела, которого ему специально выделил для этой цели командир части. Этот сотрудник в чине капитана третьего ранга, что эквивалентно майору сухопутных войск, то есть тому званию, которое имел и сам Паламарчук, был немногословен и отвечал только на поставленные вопросы, не отвлекаясь на комментарии. Отвечал он не раздумывая, поэтому беседа протекала молниеносно.

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

— Каков характер информации, с которой работал на компьютере ныне умерший заместитель командира части?

— Ответ на этот вопрос в компетенции руководства части, но не моей.

— Могла ли такая информация заинтересовать посторонних лиц, включая иностранные спецслужбы?

— Любая информация о нашей деятельности их может заинтересовать.

— Не сочтите вопрос обидным, но входит ли в круг занятий вашего, скажем, гм... учреждения, коммерческая деятельность?

— Сейчас любая деятельность любой организации содержит элемент бизнеса. Но военными секретами мы не торгуем, если вы это имели в виду.

— Как защищены ваши компьютеры от несанкционированных вторжений?

— Защищены, как надо. У нас многоуровневая система защиты, не хуже, чем в главном сберегательном банке России.

— Не было ли попыток завладеть вашей информацией или информацией подобных вашему учреждений?

— Попыток подобраться именно к нашим компьютерам не было. А если говорить вообще о военных организациях, то несколько таких попыток были пресечены. Но все они совершались мальчишками-хакерами из хулиганских побуждений и по недомыслию. За рубежом были случаи посерьезнее. Отмечались поползновения на взлом системы управления военными спутниками. Но они в этом склонны винить также наших хакеров. Были у них и аналогичные попытки, предпринимаемые местными, родными спецами. С целью вымогательства.

— Благодарю вас, господин капитан третьего ранга. Вы существенно просветили меня

в этом новом для меня вопросе. Могу я рассчитывать, в случае необходимости, на вашу консультацию и в дальнейшем?

— С разрешения моего командира, я всегда к вашим услугам.

— М-да! — Таков был итог проведенной беседы, который подвел Паламарчук, уже находясь один в своем кабинете. Может, знакомство с еще непрочитанными материалами паранормального академика натолкнет его на какие-нибудь позитивные соображения?

Но тут вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Жуй-Жевайло. «Вот и не верь после всего этого в передачу мыслей на расстоянии», — с иронией подумал следователь, отвечая на приветствие академика. Действительно, после их первой и единственной пока встречи они больше не общались, даже по телефону. А тут на тебе, не успел Паламарчук только подумать об академике — и он сразу откликнулся.

— Здравствуйте, уважаемый Арсенид Иванович! Легки на помине. Прямо как в опытах по парапсихологии. Только я мысленно обратился к вам, и вы сразу звоните! Как ваши дела, как здоровье?

— Взаимно рад приветствовать, Василий Аполлинарьевич! Не напутал я с вашим именем-отчеством? Стариковская память, знаете ли. Вот и думаю, зачем я вам звоню? Кстати, как ваши профессиональные дела, помогли мои материалы? Появились какие-нибудь зацепки?

— Спасибо, Арсенид Иванович. Зацепки-то появляются. Но как зацепился, так и отцепился. Правда, я еще далеко не все ваши подсказки, я имею в виду материалы, проработал. Так что стараемся.

— Ну-ну. Старайтесь. Ищущий да обрящет! А звоню-то я вот по какому поводу, вспомнил. На днях прочел в «Санди ньюс» любопытную заметку, «Mysterious death» называется, то есть «Таинственная смерть». Суть ее заключается в следующем. В этой статье сообщается о том, что некий крупный бизнесмен, по слухам, связанный с мафиозными структурами, был помещен в известнейшую клинику в штате Нью-Йорк и перенес серьезную операцию. Операция прошла успешно, но в послеоперационный период больного перевели в специальную палату и подключили для страховки к электронной системе жизнеобеспечения. Работой этой системы управлял компьютер, осуществляя функцию головного мозга. Дело быстро шло на поправку, и, по мнению медиков, жизни пациента ничто не угрожало. Но однажды утром он был найден мертвым. Сердце остановилось по неизвестной причине. Когда стали раскапывать это дело с помощью технических специалистов, отвечающих за электронную систему жизнеобеспечения, то установили, что программа была изменена вторжением в компьютер извне. Оказывается, какой-то злоумышленник через Интернет проник в оперативную память компьютера и изменил параметры жизнеобеспечения. Давление

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

было поднято почти до четырехсот миллиметров, и мозговые сосуды не выдержали, лопнули. Вы чувствуете, Василий Аполлинарьевич, сходство с вашим случаем? — спросил академик ликующим голосом.

— Да, действительно, это очень интересно, — подтвердил следователь.

— Вы тоже так считаете? Но не менее интересно и другое. Найти лазутчика, того, кто влез в компьютерную программу, по мнению специалистов, практически невозможно. Однако сыщикам удалось невероятное — они все-таки обнаружили и задержали подозреваемого в этом убийстве. Как это им удалось, остается загадкой. Говорят, профессиональная тайна. Мотив — мафиозная разборка или месть обманутого компаньона. Но это уже не интересно. Так прислать вам перевод статьи, или сами заедете?

— Приглашением заехать я обязательно воспользуюсь, Арсенид Иванович. И, возможно, скоро. А если вас не очень затруднит переправить пока мне материал, то заранее благодарю.

Попрощавшись с Жуй-Жевайло, Паламарчук задумался. Судя по материалам, которые все чаще проглядываются в прессе, теле- и радиопередачах на криминальные темы, преступления с использованием компьютеров имеют место быть. Не случайно чуть ли не на правительственном уровне создаются специальные подразделения, назначением которых является борьба с компьютерным криминалом и защита информации.

Пока было время, следователь решил просмотреть все материалы Жуй-Жевайло, чтобы выбрать из них те, которые хотя бы гипотетически можно было связать с расследуемым им делом. На его рабочем столе появилась копия журнальной публикации под названием «Полтергейст», и он приступил к чтению.

«...Хотелось бы коснуться еще одного интересного и, можно сказать, фантастического явления, сопровождающегося непонятным перемещением предметов, неизвестного происхождения звуками или самопроизвольным возгоранием разного рода предметов. Такие явления называют полтергейстом, а в московском варианте — «барабашкой», от слова барабанить, стучать.

По поводу полтергейста, что с немецкого можно перевести как «шумный дух» или «громохвостый призрак», написано уже множество популярных статей. А еще больше ходит всяких слухов, в основном на уровне народных сказок. Я сужу об этой проблеме, (а проблема, по-видимому, все-таки есть) только на основании тех событий, к которым имел непосредственное отношение либо как участник и прямой свидетель, либо как эксперт.

Просматривая недавно имеющуюся у меня информацию по полтергейсту, я обратил внимание на одну особенность в проводимом следствием деле о полтергейсте в г. Енакиево. Цитирую брошюру: «На этот раз жертвой полтергейста оказалась семья, проживающая в квартире большого многоквартирного дома. Все началось с появления в оконном стекле круглого отверстия с пятикопеечную монету. После этого в квартире начались обычные для данного феномена (то есть явления) вещи — самопроизвольное передвижение и полет предметов, падение мебели и так далее. Обстоятельством, отличавшим здешний полтергейст от большинства других, были пожары, которые вспыхивали всякий раз в присутствии Саши К. тринадцати лет...»

Что касается возгораний, то тут милиция пришла к однозначному выводу о причастности к ним подростка. Имел место самый обычный поджог с целью «выделиться», привлечь к себе внимание, хотя мать Саши с выводами следствия и не была согласна. А вот неожиданностью стало упоминание об оплавленном отверстии в оконном стекле. Мы уже раньше писали о дырочках в стеклах, происхождение которых так и не нашло объяснения. Так что примитивным проявлением хулиганства или шарлатанства все не объяснишь!

Когда по поводу событий в Енакиево обратились в Академию наук, то ответ из лаборатории психотроники был таков: «При спонтанном полтергейсте человек или группа людей впадает в особое психофизическое состояние, близкое к самогипнозу. При этом на внешние раздражители мозг автоматически вырабатывает программу, и человек может бессознательно совершать работу с невероятными усилиями. Причем делается это мгновенно. Интересно то, что человек, выйдя из этого состояния, сам удивляется произошедшему.

Интересно, что представители разных наук по-своему объясняют явление полтергейста. Так, геофизики объясняют это странное явление оползнями, подземными пустотами и подвижкой грунта. Акустики — ультразвуковыми колебаниями воздуха и твердых элементов строений. Существует

и множество других попыток объяснений. Это и примитивная «чертовщина» — нечистые силы, бесы и т.п., произвольный телекинез и парапсихология, а также различного рода предположения, основанные на любительских представлениях о физике. Я, со своей стороны, — говорит автор, — на основании опыта конкретных разбирательств склонен объяснять явление полтергейста действием вибраций, включая сюда и ультразвуковые эффекты в различных физических средах. Этому сопутствуют и психологические, эмоциональные факторы — самовнушение и самогипноз. Но!.. Смущает упоминание об оплавленном отверстии в оконном стекле в енакиевском происшествии. Это отверстие, «дырочка в стекле», нарушает логическую связь между всеми физически допустимыми объяснениями. Поэтому точку в объяснениях я бы не ставил, а поставил бы многоточие».

Василий Аполлинарьевич вконец запутался. Придется, видимо, проработать и материал о гипнозе, раз уж на него ссылаются разные авторы. «Но только если вынудят обстоятельства дела», — решил он.

И тут раздался телефонный звонок. Следователя приглашало гарнизонное начальство. А с чем он пойдет? Единственным его козырем, такой козырной «шестерочкой», была связь с академической наукой.

Г Л А В А 2

ОБИДА

Вряд ли будет правильным категорично утверждать, что случайность является основным двигательным фактором развития. Конечно, скажете вы, это форма, способ выражения, но уж никак не фактор. И будете правы. Однако же именно

случайность однажды соединила две из бесконечного множества живых клеточек в одну. И эта объединенная клеточка стала расти, множиться, видоизменяться, пока через девять месяцев не заявила о себе воинственным воплем типа «У-а! У-а!» В связи с этим бывшее одноклеточное существо было зарегистрировано в одном из ЗАГСов в Невском районе Ленинграда и получило собственное имя Юра. Земля от этого не изменила своего вращения ни вокруг собственной оси, ни вокруг каких бы то ни было других осей. После такого знаменательного события она успела около тридцати пяти раз обернуться вокруг Солнца к тому моменту, когда бывшая клетка стала Юрием Борисовичем Александровым, невысоким художавым блондином. Основным видом деятельности его после окончания университета стала биофизика. Прекрасное университетское базовое образование, природная сметка и увлекательная область знаний, где все это пришлось прикладывать, создавали великолепные предпосылки для раскрытия его способностей. Карьерных достижений у него не было. И, вероятно, потому, что выбирал он такие неизведанные закоулки познания, до которых еще не добрался человеческий интеллект. Так, он несколько лет занимался проблемой влияния электромагнитных полей на работу человеческого мозга. Нехватку специальных медицинских знаний Александров старался восполнить самостоятельными факультативными занятиями, выходящими за рамки обязательных по основной работе.

Однажды он наткнулся на статью в малотиражной газетке какой-то производственной фирмы. Речь шла об инфразвуке, к которому уже давно «принюхивался» изобретательский талант Юрия. В статье говорилось:

«В 1948 году голландский пароход «Оранг Меданг» следовал через Малакский пролив в Сингапур при благоприятной для плавания погоде. Вдруг дежурный радицентра в Сингапуре принял торопливое сообщение: «Погибли капитан и все офицеры. В живых остался только я ...» Затем последовал набор бессвязных знаков, и последнее, что удалось разобрать: «Я умираю». Когда спасатели из Сингапура, обнаружившие судно в пятидесяти милях от запеленгованной точки, поднялись на борт, они нашли на мостике и в ходовой рубке трупы капитана, рулевого и офицеров, а на палубе — тела матросов и судового пса. Эксперты тщательно осмотрели погибших, но не обнаружили ничего, что указывало бы на причину их смерти. Единственное, что можно сказать более-менее определенно, так это то, что причина смерти была у всех одна. На лицах всех без исключения моряков застыла гримаса ужаса и боли.

И такое сообщение — не единственное в своем роде. Время от времени подобные сообщения появляются на страницах газет различных стран мира. Характерно, что при этом, как правило, говорится о вроде бы благопри-

ятных погодных условиях плавания, исправности судна и управлении судна опытным капитаном.

Следующую историю, которую, с точки зрения автора той статьи, было уместно привести, читатели, а они же в большинстве и внимательные телезрители, могли заметить и сами. Прошедшим летом по одному из каналов отечественного телевидения, а чуть раньше и подробнее — по радио «Свобода», прошла передача о том, как некий авторитетный московский симфонический оркестр, клюнув на обещание высоких заработков, попал в сети печально известной секты «Аум Сен-рике». Один из участников оркестра рассказывал, что после приезда в Японию их поместили в загородной «резиденции», которая представляла собой, по сути, барак, и подвергли странной и страшной психофизической обработке. Она заключалась в том, что оркестранты, лежа между некими пластинами, похожими, судя по его описанию, на своеобразный конденсатор, вынуждены были слушать проповедника секты, который вещал очень низким и даже сверхнизким голосом. При этом у наших музыкантов ухудшилось самочувствие, у многих нарушилась психика, они обессилили, а вырваться из этого плена и связаться с посольством у них не было возможности. К тому же юридически они были связаны контрактом. Наконец кому-то из пленников удалось улизнуть от охраны и дозвониться до посольства с просьбой о помощи. В итоге они вернулись в Москву, естественно, без обещанных денег и, главное, как сказал дававший интервью музыкант, многие лишились здоровья и стали инвалидами.

И, наконец, еще один широко известный и загадочный факт. Всем рыбакам известно, что в наших северных краях при ветрах северо-восточной четверти практически полностью прекращается клев рыбы. Более того, рыба реагирует резким ухудшением клева даже на предстоящее ухудшение погоды, чувствуя приближающееся ненастье за несколько часов, и даже за одни-двое суток. Почему?

Итак, общий ко всем описанным эпизодам вопрос: «Почему?» Конечно, сюда может быть добавлено и множество других «Почему». Например, почему кошки и многие другие животные чувствуют, судя по их поведению, приближение шторма или землетрясения, почему при сильном ветре у некоторых людей заметно ухудшается самочувствие вплоть до возникновения приступов стенокардии, почему приближение грозы часто вызывает неосознанное чувство тревоги, почему ... и т.д.

Можно найти несколько объяснений этих явлений, но наиболее обстоятельно они описываются, если причиной их возникновения считать инфразвук. Так, еще в тридцатые годы академиком В. В. Шулейкиным была выдвинута гипотеза, а затем теория «голос моря», обоснованная ученым математиком Н. Андреевым. Было строго доказано, что над поверхностью воды могут образовываться инфразвуковые колебания значительной силы, а американский физик Р. Вуд, французский ученый В. Гавро и ряд других ученых установили, что инфразвуковые колебания опасны для человека. Даже кратковременное воздействие на человека инфразвука с частотой около шести герц вызывают головную боль и чувство ужаса, а при более длительном воздействии инфразвука большой интенсивности наступает слепота, мозговые расстройства, смерть.

Интенсивность, или, другими словами, энергия звуковых колебаний резко падает с уменьшением частоты этих колебаний, поэтому породить инфразвук такой мощности могут только такие высокоэнергичные источники, как, например, сильные океанские штормы, землетрясения, грозовые разряды, ракетно-артиллерийские залпы, переходящие звуковой барьер самолеты и т.п.

Инфразвук затихает слабо и поэтому распространяется на большие расстояния. А поскольку скорость его распространения в воздухе в несколько раз меньше, чем в толще воды или земной коры, то становится понятным, почему инфразвуковые волны способны захватывать врасплох экипажи морских судов среди бела дня и при ясной погоде. По воздуху инфразвук еще не успел дойти до судна, и воздух остается невозмущенным, а по воде он уже пришел, и судно с экипажем его ощутило. В приведенном эпизоде с гибелью экипажа радист умер последним, по-видимому, оттого, что его уши хоть как-то были защищены наушниками.

В обычных условиях источником инфразвука может быть и сильный ветер, и, хотя его интенсивность относительно невелика, но все же она достаточна для того, чтобы создать дискомфорт в нашем самочувствии. А что касается феномена бесклевыя при северных и восточных ветрах, то и в этом случае все можно объяснить инфразвуком. Неблагоприятные для рыб условия определяются в наших краях активизацией в холодных водах севера и северо-востока. Инфразвуковая информация об этом, распро-

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

страняясь на большие расстояния по водной акватории с большей, чем сам природный катаклизм, скоростью, достигает «рыбьих ушей» раньше, чем само несчастье, заставляя рыбу загодя искать укрытия и замираться.

Кстати, инфразвук является и каналом общения многих животных и рыб. Так, красивая продольная строчка, тянущаяся вдоль тела рыб, несет не только декоративную функцию, на ней расположены приемники звуковых волн...»

Александров отложил газету в сторону и задумался. Прочитанное неплохо согласовывалось с тем, что уже смутно витало в его голове. Результатом всего этого мыслительного процесса, сопряженного с проработкой научной литературы в патентной библиотеке своего учреждения, стала подготовленная к отправке в бюро патентной экспертизы заявка на изобретение. Обычно заявки подаются или от имени учреждения, где работает автор, или же лично от автора. Если изобретение связано с плановыми работами учреждения, то, как правило, последнее несет расходы по его оформлению, внедрению, и является совладельцем прав на это изобретение. Но в данном случае предприятие не выразило желания помогать автору, считая его идею технически неосуществимой, и Александров отослал заявку от своего имени лично. Центр патентной экспертизы долго мурыжил ее, и, наконец, прислал отказ, сославшись на отрицательное заключение независимой экспертизы. Отрицательный отзыв некоей организации, скрытой под пресловутым сочетанием символов «п/я» — почтовый ящик, за подписью начальника П. Миронова, прилагался. В нем утверждалось, что изобретение не может быть реализовано ни сейчас, ни в обозримом будущем, поскольку промышленно изготавливаемых, а тем более, управляемых по частоте генераторов и приемников инфразвука не существует, и их разработка не предвидится. А создание управляющей программы потребовало бы такого объема памяти, кото-

рого не достичь, даже если сложить вместе все имеющиеся на планете в данный момент компьютеры.

Александров знал, что это неверно, и понимал, что это недальновидно. Он съездил пару раз в Москву к тому эксперту, который вел дело по рассмотрению его заявки, и пытался доказать, что компьютерная техника развивается такими быстрыми темпами, что любые, казалось бы несбыточные фантазии становятся реальностью уже через полгода-год. Эксперт, милостивая и толковая женщина, и начальник отдела, до которого добрался Юрий, в, общем-то, не возражали. Они понимающе улыбались в ответ на эмоциональные доказательства заявителя, но, соглашаясь с его доводами, вместе с тем обескураженно пожимали плечами, мол, а что мы можем? Ведь отзыв дала самая авторитетная в нашей стране по данному направлению организация. Они даже не вправе были замкнуть напрямую Александрова на эту организацию ввиду ее большой закрытости, но предложили автору официально и письменно изложить свое мотивированное несогласие с отзывом. Сами же выступали как бы в роли посредника.

— Зачем тогда вы нужны! — горячился Александров, сокрушаясь по поводу того, что миром по-прежнему правит глупость и бюрократия.

— Ну-ну! Всем ведь кушать хочется, — улыбались чиновники-патентоведы, — и потом, не мы этот порядок придумали. Раз он существует, значит, так нужно.

— Кому нужно? — с бессильным негодованием воскликнул в пустоту Юрий Борисович и отправился восвояси.

Конечно, он подготовил необходимые бумаги, отослал их, и, конечно, пришлось ждать несколько месяцев, прежде чем пришел ответ. Еще одно заключение, уже от какого-то института из системы Академии наук. Прочитал — и ему все стало ясно. В новом отзыве повторялись целые абзацы из предыдущего отрицательного отзыва почтового ящика, повторялись, как говорится, в масштабе один к одному, даже с теми же грамматическими ошибками. Значит, в суть его изобретения, скорее всего, никто и не вникал. Просто передрали предыдущий отзыв, тем более что дан он был самой главной, претендующей на окончательную истину организацией. Круг замкнулся.

В результате заслуживающих отдельной книги индивидуальных контрразведывательных мероприятий, обладая широким кругом знакомств среди спецов, работающих в «секретных» конторах, Юрий вышел-таки на того, кто изначально стоял за всей этой историей. Это был старший научный сотрудник «семерки» — известного в научном мире НИИ №7 — Сергей Ильич Гаврилов. В военной табели о рангах он занимал тогда позицию капитана второго ранга, но уже расчистил на погонах место для третьей звездочки — вот-вот должен был стать тем же капитаном, но первого ранга. А научный его ранг соответствовал степени доктора техниче-

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

ских наук. Недавно он защитил докторскую диссертацию, но, судя по внешним проявлениям, не проникся важностью своей персоны, держался со всеми запросто и на «ты». Открытый взгляд и широкая улыбка располагали к нему любого собеседника, и Александров не стал исключением. Поначалу Юрий, правда, нахмурился в ответ на дружеское: «Здорово! Проходи, садись вот. Это тринадцатый, неучтенный стул из знаменитой коллекции, не узнаешь?» Но скоро понял, что подобные шутки — это не признак солдафонства ее автора, а стремление преуспевающего доктора наук простецким обращением установить дружеские отношения. Что ж, Александров был не против, он всегда за дружбу. Не забыть бы только — зачем пришел. А ведь пришел он для того, чтобы в научном диалоге доказать свою правоту, и то обстоятельство, что его оппонент выглядел толковым и располагающим к общению, обнадеживало.

— У меня еще целых пять минут, — сказал Гаврилов. — Как, успеем мы решить наши проблемы за пять минут?

Юрий неприятно поежился, вспомнив, какие препоны ему пришлось преодолеть и на какие хитрости пуститься, чтобы добиться пропуска в это сверхсекретное учреждение, со всеми его спецсеминарами и спецприборами. И вот теперь предлагалось за пять минут решить жизненно важную для него проблему. А ему казалось, что и целого дня не хватит, чтобы он смог убедительно изложить свои аргументы. Согласиться на эти пять минут разговора — значит, все скомкать и не добиться результата. «Да что он, смеется надо мной, что ли, — подумал Александров, — или специально уходит от разговора?»

Гаврилов заметил смятение на лице пришедшего и, словно прочитав его мысли, сказал:

— Хотя, одному из нас пяти минут может и не хватить, — намекая на то, что для него-то в этом вопросе все ясно, а вот убедить изобретателя будет действительно не просто. — Может, совместим наш разговор с участием в спецсеминаре?

Считайте, что я вас приглашаю. Надеюсь, это не повредит вашему здоровью, — загадочно закончил он, и, не дождавшись ответа Александра, снял трубку, чтобы уведомить начальника о том, что он приведет на мероприятие гостя из «родственной», как он сказал, организации. Он некоторое время что-то выслушивал, изредка вставляя: «Хорошо, Леонид Викентьевич!», «Ну, конечно, Леонид Викентьевич!» и в конце коротко добавил: «Есть!» Видимо, разрешение было получено.

— Ну вот, Юрий Борисович! Командир сказал, что никакая важность темы нашего с вами общения и никакие заслуги перед военной наукой не будут служить нам оправданием, если мы хоть на минуту опоздаем на семинар. У нас с этим, брат, строго. А начало, — он еще раз взглянул на часы, — через полторы минуты. Нам надо еще спуститься на два этажа ниже.

Нельзя сказать, что Юрия, выросшего в центре Ленинграда и воспитанного Невским проспектом, легко было чем-то удивить. Но тут он был немало озадачен тем, как в дальнейшем развивались события. За длинным т-образным столом уже сидели, когда они с Гавриловым туда вошли, человек двенадцать сотрудников, частично гражданских, если судить по костюмам, и не совсем гражданских, если судить по форме обращения друг к другу. Александров толком-то никого и не разглядел, кроме одного, который взгромоздился во главе стола над верхней поперечиной, расположенной горизонтально буквы «т». На его темном форменном костюме поблескивали погоны, вернее, четыре звездочки на них, по две на каждом плече. Он выглядел не в меру полным для военного и не в меру лысым для своего возраста, который тянул лет на пятьдесят. Называли его все Леонид Викентьевич. Не вставая из-за своей поперечины над буквой «т», командир-начальник обратился к подчиненным:

— Уважаемые коллеги! Сегодня в нашем традиционном «семинаре по пятницам» небольшое изменение. Прежде чем приступить к смысловой части нашего мероприятия, слово для трехминутного доклада предоставляется нашему уважаемому доктору Гаврилову Сергею Ильичу. Прошу, — и толстяк постучал пальцем по циферблату командирских часов.

Вот дальнейшие три минуты в немалой степени и удивили Александра.

— Коллеги! — начал Гаврилов. — Вы все, ну, если не все, то многие из вас знают, что я, — тут Гаврилов сделал многозначительную паузу и поправился: — вернее, мы, наш отдел, уже давно прорабатываем в постановочном плане варианты защиты водных и подводных акваторий с помощью инфразвука. Работа эта не афишировалась, сами понимаете — почему. Должен признаться без ложной скромности, что кое-чего мы достигли и стоим на пороге обнародования результатов, в рамках известных ведомственных ограничений, разумеется. Не стану распространяться

здесь о сути моей, то есть нашей разработки. Все, кому положено, о ней и так знают. Так вот, вы, наверное, думаете, «тогда о чем разговор»? А разговора никакого и не будет. Просто эти три минуты я взял для того, чтобы представить вам нашего контрагента из родственной организации. Мой, то есть наш гость занимается аналогичной тематикой, прошу любить и жаловать, — и он жестом обратил внимание присутствующих на Александра.

Юрий смущенно взглянул на Гаврилова, не зная, подниматься ему со своего места или нет. Никаким контрагентом он не был, и зачем было развешивать столько лапши на уши сослуживцев, сразу не сообразил. Скорее всего, Гаврилову нужно было оправдать то, что он привел сюда постороннего человека. Но зачем он его привел — Юрий понял далеко не сразу. Досадуя на своего нового непредсказуемого знакомого, он слегка приподнялся, кивнул головой и попытался отшутиться, сказав, что на самом деле он ни чей не агент, и тем более — не контра. На минутку, но не более, глаза всех собравшихся сверкнули интересом в его сторону, а затем все пошло по обычному, накатанному сценарию.

— Юнга Сизов, — сказал командирским голосом Леонид Викентьевич, — прошу доставить спецприбор в кают-компанию.

Полуседой юнга Сизов не стал ждать повтора команды и проворно переставил с широкого подоконника на стол два больших, накрытых чистыми салфетками подноса. На одном громоздились не блиставшие разнообразием этикеток стеклянные бутылки с водкой и пластиковые с газированной водой, а на другом — бутерброды. Тут разнообразия было больше: с колбасой, с сыром, с селедкой и еще с какой-то красноватой рыбой. Кроме того, стояла уже распечатанная баночка с маринованными грибами. Стаканы извлекли из тумбочки одного из столов командирского кабинета и быстро наполнили их примерно до половины.

Первая, по-видимому, традиционная и очень оригинальная команда «За общий успех!» была выполнена мгновенно. Чувствовалось, что тут собрались люди дела. Секунд двадцать-тридцать слышался нестройный шорох работы челюстей, затем бульканье наполняемых стаканов по команде «Заряжай!», очередной залп под лозунгом «Ну, будем все!», после чего тишина стала нарушаться отдельными фразами типа: «Костя, кинь-ка мне вот ту, с рыбкой». «Валентин Валентинович! Не трудно накапать мне полстаканка боржомом?» «Да конечно не трудно, если ты думаешь, что там действительно боржомом. А тебе не кажется, что это начерпано прямо из нашей Карповки?» В такой обстановке нарастающей всеобщей раскрепощенности проходила подготовка к третьему залпу, который и последовал через несколько минут под командой хмурого серьезного субъекта с совсем бритой в верхней части, и совсем не бритой в нижней своей части головой. «За Россию!» — сурово произнес он и опрокинул стакан в какую-то невидимую щель в сросшейся в одно целое волосяной структуре из усов и бороды.

Первый акт на этом заканчивался, и далее все повели себя как по команде «Вольно! Можно оправиться!» Кто-то ел, кто-то курил, кто-то, сбившись в небольшие группки, обсуждал насущные проблемы от футбольных до чисто научных, а кто-то собирался домой, виновато объясняя бегство из товарищеской среды тем, что «обещал жене железно сходить сегодня в театр». Несколько человек во главе с Сизовым притащили шахматы с часами и организовали блиц на вылет.

Наконец Александрову удалось уединиться с Гавриловым. Они сели на два свободных стула у стены, неподалеку от подоконника, на котором еще осталось достаточно много запасенного спиртного и съестного. Заметив скользнувший по этим залежкам взгляд Александрова, Гаврилов успокоил его:

— Не пугайся, мы еще максимум с полчаса здесь порасслабляемся, и баста. Все останется до следующего раза. Мы иногда в конце недели так собираемся, чтобы разогнать стрессы. Начальство у нас мировое. Знает, как нужно спаивать коллектив. У нас склок действительно почти не бывает. Все гасится на корню, в такой вот обстановке.

Юрий воспользовался моментом, пока Гаврилов на полсекунды замолк, набирая в легкие воздух для очередной тирады, и заговорил:

— Сергей Ильич, вот вы сказали, что давно занимаетесь инфразвуком. И, наверное, вас интересовала не только физика этого явления, а и прикладные вопросы его применения. В военной-то практике уж наверняка. Так вот, если говорить о биологическом аспекте таких приложений, то...

— Дорогой мой! — покровительственным тоном перебил его Гаврилов. — Да я все аспекты, и биологические, и информационные, и чисто технические, исполосовал вдоль и поперек. Я так понял, ты мне в чем-то

хочешь помочь. Так вот, голуба моя, даже не знаю, что тебе сказать. И дело не только в том, что все это закрыто и перезакрыто, и не в том, что принадлежит, как ты видел, не только мне одному. Главное в том, что я дошел до шлагбаума. До предела технических возможностей, понял?

Юрий был ошеломлен тем, что этот Гаврилов, оказывается, давно и плотно работает по инфразвуку, и появление у него Александра воспринял лишь как попытку в чем-то помочь ему, доктору наук и капитану почти первого ранга, уже забившему за собой приоритетное право. Поэтому вместо возражений он лишь затравленно промолчал. А тонкий психолог Гаврилов, видя, что без боя добил своего так и не состоявшегося оппонента, великодушно предложил:

— Впрочем, уважаемый Юрий Борисович, у меня есть к вам деловое предложение. Давайте сотрудничать. На условиях соавторства. Только чур, уж, извините, моя фамилия в нашем дуэте будет стоять на первом месте. Хотя, конечно, по алфавиту вы — «А», а я — «Г». Но сотрудничество будет распространяться не на то, что уже сделано и опубликовано, а только на то, что мы сделаем в будущем. Ну, как, идет? Тогда предлагаю, не дожидаясь, пока все остальные вернутся к столу, выпить за это. Закрепим наш творческий союз!

Многие чувства Александра были смяты кавалерийским наскоком маститого ученого. Многие, но не все. «Неужели этот нахрапистый военный так меня сразу и съел, без перца и соли — без всякой дискуссии?» — подсказал вдруг внутренний голос, и Юрий словно очнулся от гипнотической спячки.

— Извините, Сергей Ильич, но где вы публиковали ваши работы? Я вроде бы отслеживаю все, что выходит в открытой, да и закрытой печати по этому вопросу.

— Ах, даже так? Ну, я смотрю, вы — гигант мысли. — Невольно, почувствовав, что соперник держит дистанцию и не собирается ее сокращать, Гаврилов тоже обратился к собеседнику на «вы». —

Но ведь вы же знаете, что есть такая форма публикаций закрытых материалов, как научно-технические отчеты. И многие материалы, особенно, если по ним поданы в Комитет заявки на изобретение, по другому публиковаться не могут. До принятия по ним решения.

— Значит, у вас поданы заявки по инфразвуку? И сколько, если не секрет?

— Разумеется, это секрет. Но вам, коллега, я скажу — более пяти!

— На способ или устройства? — последнее, что спросил Юрий, понимая, что нужного конкретного разговора по его собственной заявке не только не получилось, но вообще ему как собачке указали на его место в своей конуре, и чтобы не высовывался, пока не пригласят.

— Есть и способы, есть и устройства. — Этим очевидным и ни к чему не обязывающим ответом Сергей Ильич ушел от объяснения, а вместо этого предложил: — Ну, так что, выпьем за наш успех! — тем самым как бы ставя точку в их разговоре.

Они выпили и закусили за этот «общий успех», но что тут могло быть общего — Юрию не было ясно. О формах сотрудничества они не договорились, и при расставании, которое наступило незамедлительно, капитан Гаврилов не дал старшему лейтенанту запаса Александрову ни рабочего, ни домашнего телефона для связи.

«Ну-с, и какие мы сделаем выводы, «поллитрук» Александров? — спросил сам себя изобретатель, выйдя на улицу и вдыхая полный прохлады и влаги питерский воздух. Ответа не было. Было ощущение, что тебя обводят вокруг пальца. Как в цирке. Видишь, как из рукава фокусника один за другим вылетают голуби, понимаешь, что тебя дурят, пытаешься догадаться, в чем тут секрет, и в результате остаешься в приятном неведении. Но если в цирке от всего этого действия на душе остается веселье и легкость, то в данном случае на душе Александрова остались тоска и непомерная тяжесть. Почему?

Вместо поиска ответов Юрий направился в небольшую фотомастерскую в подвальном помещении в середине Невского, где часто по вечерам, а по пятницам — всегда, со времен прекрасной юности собирались его друзья детства посидеть, потрындеть за рюмкой о женщинах, литературе, искусстве и политике.

Нынче все было, как и раньше, только сейчас один из их компании был хозяином этой мастерской, а в предметном ряду обсуждаемых тем политика и женщины поменялись местами. Политика стала первой.

На следующее утро, виновато отводя глаза в сторону, Юрий попросил собирающуюся в магазин жену прихватить там пару бутылочек пива.

— Тебе темного или светлого? — участливо спросила все понимающая жена. — Может, рыбки вяленой или сыру?

— «Балтику», второй или третий номер, — благодарно посмотрев на жену, сделал заказ Юрий Борисович. — А больше пока ничего не надо.

Уже к вечеру в голове прояснилось, и Александров мог сделать осмысленные выводы из всего происшедшего. И так, в его идее с инфразвуком наметился странный параллелизм. Нет, сам по себе тот факт, что кто-то еще мог додуматься до того же, что придумал и он, Юрий, еще ни о чем не говорил. Бывают такие маловероятные совпадения. Но странное поведение этого Гаврилова, как он ловко и вместе с тем внаглую ушел от объяснения, да еще и выставил его, Юрия, таким мальчиком на побегушках, наталкивало на определенные мысли. А именно — напрашивался вывод, что инсценированное Гавриловым приглашение на военно-научный мальчишник имело целью убедить его, да и присутствующих там сотрудников тоже, в том, что Гаврилов не только причастен, но даже находится в авангарде разработки инфразвуковой идеи. Проанализировав еще раз поведение всех присутствующих, да и самого Гаврилова на той пирушке, он в этом своем выводе окончательно утвердился. А вот что теперь делать, пока не придумал.

Александрову было очень неприятно, но еще не смертельно. А вот смертельная обида пришла к нему позднее. Спустя несколько месяцев после бесполезной эпопеи с заявкой на изобретение, ему позвонил приятель, бывший сокурсник Игорь Галактионов. Сейчас он работал в морском ведомстве, занимался гидроакустикой, и был в курсе дел Александрова.

— Привет, Кулибин! Хау ду ю ду? — на английский манер приветствовал он Юрия.

— А как твои дела? — ответил на приветствие Александров.

— Работаем, — коротко проговорил Галактионов.

— А мы с колокольни, ну, этим машем, разгоняем облака, — в пику приятелю съязвил Юрий.

— Чувствуется медицинский уклон в твоих новых увлечениях, — хохотнул в трубку Игорь, — даже твой солдатский юмор стал с медицинским оттенком.

После непродолжительного обмена «любезностями» они, по предложению Галактионова, пообещавшего сообщить какую-то нетелефонную новость, договорились встретиться после работы в «Шхере». Вообще-то шхерами называют небольшие островки вблизи изрезанных всякими фиордами и извилинами берегов, но в данном случае такой островок имитировала баржа, прикрепленная ко дну Невы якорями и соединенная с берегом хлипкими качающимися мостками. Здесь можно было спокойно и недорого провести время за деловой беседой или в веселой компании. Сложилось так, что постоянной клиентурой заведения стали «морские волки», как бывшие, так и настоящие и даже будущие. То есть как действительные моряки или люди, имеющие к флоту самое непосредственное отношение, так и курсанты различных и многочисленных в Питере морских и речных учебных заведений.

За нехитро сервированным столом, где доминирующее положение занимали «Смирновская водка» и «Корабельный салат» из кальмаров, Игорь поведал приятелю вот о чем.

— Вчера я просматривал по своей служебной надобности закрытую, с грифом «Совершенно секретно», литературу, выпускаемую Морским ведомством. И вот в «Морском вестнике» серии «К», номер шестой, наткнулся на засевшее в подсознании ключевое слово «Инфразвук». Понимаешь, Юрка, глаз как-то сам зацепился за заголовок: «Новые функции инфразвука». Ну, я по твоим рассказам помню, что ты там что-то накопал. Вчитался. Очень похоже на то, о чем ты мне рассказывал про охранные применения. Как ты сам понимаешь, ничего записать в нашей спецчасти было нельзя, так я вот накропал тебе потом по памяти, но близко к тексту то, что мне показалось самым для тебя важным. — И он вырвал из блокнота мелко и аккуратно исписанную страничку.

Александров внимательно, даже не один раз перечитал текст и преувеличенно спокойным тоном произнес:

— Д-да-а! Вот это д-да-а! Я много слышал, что такое бывает, но когда это касается не тебя, воспринимается совсем по-другому. А вот теперь коснулось и меня. Понимаешь, Игорь, это же мой материал! Отвергнутый экспертами!

— Я так и догадался, помня рассказанную тобой историю. Значит, я не зря ухватился за эту статью? — спросил Игорь. — Все выходные данные и автор этой публикации у меня на промокашке, — добавил он, словно предвидел, что это обязательно понадобится. — И что ты намерен предпринять?

— Да уж предприму что-нибудь, — медленно, растягивая в несвойственной ему манере слова, сказал побледневший Александров. — Но ес-

ли кто-нибудь когда-то и узнает, что я предпринял, то первым из них будешь ты, Игорек. А сейчас — прости. Давай по чуть-чуть на дорожку, и упрячь язык за зубами понадежнее.

Игорь понял, что его другу нанесена смертельная обида.

Г Л А В А 3

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ МЕХАНИКА ГАВРИЛОВА

Сережа Гаврилов приехал в Ленинград из Алматы восемнадцатилетним юношей и поступил на учебу в Кораблестроительный институт. Особых талантов за ним не наблюдалось, но за счет хорошей самоорганизации учился он легко, без надрыва. Надо отдать ему должное, в борьбе за существование он был последователен и проявил достаточно воли, упорства и расчета. Уже к середине второго курса женился на сокурснице Оле Марщевской, внешне очень уж невыразительной и неинтересной, но умной и всесторонне развитой дочке одного из деканов. Переехав в профессорскую квартиру на Кировском проспекте, он отдалился от всех прежних не то чтобы друзей — таковых у него и не было, — а даже и от знакомых, с кем раньше поддерживал похожие на приятельские отношения.

После окончания института его неожиданно призвали на службу в армию, вернее — во флот, и отправился он в Североморск. Прослужил Сергей на подводной лодке ровно два месяца и четыре дня, так и не успев побывать в походе. Затем его отозвали в Ленинград и, по причине каких-то отклонений в составе крови, определили служить в некой «вэ че» — военном научно-исследовательском институте. Служил он в этой «вэ че», несмотря на ухудшенный состав крови, исправно и ре-

зультативно, за десять лет защитив сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Короткая служба на подводной лодке, хотя она и проходила на базе, в последующем позволяла ему изредка, в необходимых случаях, вставлять в свою речь фразы типа: «А вот, помню, у нас на лодке был случай...» Помогло ему это или нет, но по ступеням воинской лестницы он поднимался быстро и уверенно.

Надо сказать, что основной после вузовской специальностью Сергея Ильича Гаврилова была теплотехника, но близкое знакомство с атомными энергетическими установками в натуральных условиях, попортившее-таки ему состав крови, заставило его поменять ориентацию. Он переориентировался в своей научной специализации, и кандидатскую диссертацию уже защищал по механической специальности — прочность корабельных металлоконструкций. Поэтому сослуживцы иногда стали называть его «механик Гаврилов».

Был ли Сергей Ильич талантлив? Безусловно. Но талант его был своеобразным. Обычно о талантливых людях говорят, что если человек талантлив — то он талантлив во всем. К Гаврилову такое определение не подходило. Он обладал и цепкостью ума, и остротой, и хваткой. Но главное, что его отличало от остальных талантов — это изобретательность его таланта, выборочный характер его любознательности. Он никогда не тратил время и силы на занятия, которые другим людям просто интересны, то есть интересны сами по себе. Например, не любил никаких игр, ни спортивных, ни развлекательных: будь то шахматы, карты, или даже игра на музыкальном инструменте. О всяких там футболах, волейболах и прочих городках и речи не шло. Вряд ли он смог бы пробежать сто метров хоть за сколько-нибудь секунд. Вообще из спорта он признавал только плавание, и активно с его помощью поддерживал свою форму. Два раза по полтора часа еженедельно в бассейне спортивного клуба армии.

И второе, на что он не жалел потратить время — кроме своей карьеры, разумеется, — так это женщины. Даже выпивку он любил только лишь потому, что она у него заканчивалась связью с женщиной. Хотя, впрочем, была у него и особая любовь. Странно это или нет — но к живописи. Сам-то рисовать он не умел, но живопись любил и, кажется, понимал. Регулярно, раз в месяц-то уж точно, бывал у знакомых художников, снимавших студию на Литейном проспекте, и там удачно совмещал любовь к живописи, хорошему алкоголю и к пропахшим насквозь какими-то акварелями и олифами женщинам. Ну и, конечно, Русский музей посещал тоже не только ради приличного тамошнего буфета. Дома у него все стены были увешаны рисунками, подаренными подпитыми художниками и художницами во время разгульных вернисажей в студии на Литейном.

Все пока что сказанное делает естественным тот факт его биографии, что сразу после того, как Сергей получил степень кандидата наук, он развелся

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

с женой. Нет, дело здесь ни в какой-то там любви, которая пришла — ушла и тому подобное. О любви как о чувстве говорить вообще не приходится, поскольку его никогда и не было, этого чувства. Была первая ступень многоступенчатого запуска. Когда эта ступень вырабатывает свой ресурс, она тут же отбрасывается, как ставший ненужным и тормозящим дальнейшее продвижение балласт. Так вот, профессор Марцевский стал Сергею Ильичу больше не нужен. Все необходимые связи с его помощью были завязаны, и дальнейший полет Гаврилов мог осуществлять самостоятельно, так сказать, в автономном режиме. К тому же Ольга Марцевская за это время тоже не похорошела. Такая мелочь как пятилетний сын, которого, надо ради справедливости отметить, Сергей по-своему очень любил, не имела того веса, который на чаше весов судьбы способен перевесить стремление Сергея «к свободе, свету». К расставанию с квартирой на Кировском проспекте молодой кандидат наук тоже предусмотрительно подготовился — купил себе загодя уютную однокомнатную квартирку в приличном районе недалеко от метро.

Большинство своих нужных для карьеры связей Сергей Ильич заводил с помощью женщин. Чем же и где он брал их? Умом, внешностью или еще чем? Трудно сказать. Раньше говаривали, что всех женщин можно разделить на две категории: на «дам» и «не дам». Так вот, Сергей Ильич проводил такое разделение в натуре. А потом уже из общества «дам» выбирал и оставлял для дальнейшего пользования нужных.

В мировой практике восхождения «наверх в мансарду» такая тактика далеко не новинка. Да и чего тут изобретать, справедливо полагал Гаврилов, надо пользоваться хорошо себя зарекомендовавшим вековым опытом предков. И в результате такой тактики отряд различных правителей в военных, научных, политических кругах и даже в рядах «жрецов Мельпомены», казалось, только тем и занимался, чтобы обеспечить тотальное про-

движение Сергея Ильича Гаврилова к вершинам мировой славы по всем фронтам.

Итак, Гаврилову везло всегда и во всем. Как говорили его знакомые, его жизнь сопровождала сплошная «пруха». Однако, как веревочка ни вьется, а ...и на старуху бывает проруха. А появилась она в судьбе Гаврилова вот каким образом. Однажды в конце лета он сидел в затрапезной кафешке на Пяти Углах с очередной девушкой. Они ели салат из крабов, кабачковую икру и чахохбили на косточках. Характер этого меню определял уровень знакомства, а наличие на их столе бутылки с красным столовым вином и маленького графинчика с коньяком предполагало однозначное развитие дальнейшего хода событий. На фоне затененных светильников отчетливый и, говоря по правде, породистый профиль Гаврилова невольно привлекал взгляды немногочисленных в этот ранний предвечерний час посетителей.

Сергей привык к таким посторонним взглядам и обычно реагировал на них вяло. Но тут его вдруг как будто обожгло. Он столкнулся с влажным и всепроникающим блеском темных глаз, стреляющих в него прямой наводкой из-за букета садовых ромашек, установленных в стеклянной вазочке на расположенном от них через один столике. Боже! С ним что-то случилось. Он чувствовал себя необстрелянным новичком, впервые попавшим под обстрел тяжелой артиллерии. Хуже! По нему били испепеляющим лазерным лучом. Блеск этих глаз затмил все кругом и помутил разум. Он даже не рассмотрел всего того, с чем эти глаза были в комплекте, он не видел и не представлял всего облика обладательницы этих глаз, а его рациональный ум не сделал даже попытки поставить перед хозяином вопрос, что могут делать эти глаза в таком дешевеньком заведении. Он ловил этот секундный кайф, благодарил судьбу за то, что она еще не окончательно лишила его способности реагировать на подобные мгновения.

Оправившись от первого шока и продолжая оптическую перестрелку с этими глазами-лазерами, Сергей на минуту отошел к угловому столику, за которым сидели свободные официанты, и, поговорив о чем-то с одним из них, черкнул несколько цифр на бумажной салфетке.

Столик со стреляющими глазами, а там кроме них еще были две пары женских и пара мужских глаз, вскоре освободился. Находящийся все еще во власти призрачного очарования, Гаврилов все-таки довел обед со своей спутницей до логического завершения в своей однокомнатной квартирке возле метро, иначе он не был бы самим собой. Но делал он все механически, без эмоций и, прощаясь с подругой на пороге своей квартиры уже в девять вечера, виновато развел руками. О дальнейших встречах разговора не заводил.

Телефонный звонок в его квартире каждый вечер звонил почти беспрерывно. Сегодня, как и обычно, звонков было много, мужских и женских,

нужных и не нужных. Но самый нужный раздался после двадцати трех часов. Низкий, слегка поскрипывающий голос произнес:

— Здравствуйте! Это вы?

В обычных условиях Гаврилов бы посчитал этот тембр голоса неприятным, но сейчас он видел за этим голосом только глаза его обладательницы. Он безошибочно догадался, что это именно она. Он был уверен, что она воспользуется телефонным номером, который ей при выходе из кафе приватно передал официант.

— Да, это я. Зовут меня Сергей Ильич... Сергей, — поправился он. — Я очень рад вас слышать. А вы так и желаете остаться приятной незнакомкой?

— Ну, нет, отчего же. Познакомиться мы можем. Но только, вероятно, по телефону. Отзываюсь я на имя Зинаида Петровна.

«Банальная оригинальность», — отметил про себя Гаврилов, но посчитав, что женщине, да еще с такими глазами, это простительно, ответил:

— Очень приятно! Но кто вы и откуда, и почему считаете, что знакомство должно остаться только телефонным?

— Я звоню из гостиницы, это на Московском проспекте. Судя по номеру вашего телефона, на другом от вас конце города. И через час уезжаю домой, в Москву. Такси внизу уже, наверное, ждет. Я с трудом до вас дозвонилась — все время занято. Вы такой занятой и интересный молодой человек. Но Бог, видимо, есть, и в последний момент он все-таки соединил меня с вами. Я имею в виду — по телефону!

— Ну, почему я такой не везучий? — почти не притворяясь, заныл Сергей. — Только встретил женщину, которую видел лишь в мечтах, и на тебе...

— Да уж не скажите, — проворковала незнакомка, — а та красавица, что с вами в кафе пальцем на хлеб намазывала кабачковую икру? Не будете же утверждать, что это ваша жена?

Гаврилов утверждать этого не стал. Он посмотрел на часы. До отхода «Стрелы» оставалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы заказать такси и, если повезет, и заказ сразу примут, доехать до Московского вокзала.

— Какой у вас номер? — спросил он, уже переодевая брюки и натягивая ботинки.

— Номер чего? — спросила Зинаида Петровна.

— Да вагона, вашего вагона, поезд я знаю, часто на нем езжу.

— Кажется, десятый. Да, точно, десятый. Какой вы сумасше...

— Пока, до встречи!

С такси повезло, и уже через три-четыре минуты он сидел в машине. Назвав водителю время на пять минут меньшее времени отхода «Стрелы», Сергей спросил, доставит ли тот его к указанному времени на Московский вокзал. Таксист с сомнением покачал головой, мгновение колебался, затем назвал цену.

— Вперед! — скомандовал Сергей и попросил еще проехаться мимо чего-нибудь такого, где можно купить цветы.

Когда он, запыхавшись, добрался до десятого вагона, объект его страсти уже попрощалась с провожавшими ее все теми же двумя женщинами и мужчиной и вошла в вагон. Сергей успел вскочить в тамбур, оттеснив проводницу, и, протянув крайне удивленной Зинаиде Петровне цветы, неожиданно прикоснулся губами к ее щеке:

— Телефон! Ваш московский телефон?

До нее, наконец, дошло. Она сунула руку в сумочку и протянула, по видимому, заранее приготовленную визитку. Он сжал ее руку, поднес ее к своим губам и, утонув на миг в этих бездонных блестящих глазах, прыгнул на перрон. Поезд набирал ход. Так красиво начиналась одна из многочисленных, порой не менее красивых поначалу любовных историй.

Вернувшись уже последним поездом метро к себе домой, он только там, заварив чайку и отхлебывая его в одиночку на кухне с коньячком, позволил себе посмотреть на визитку. На белом прямоугольничке плотной бумаги стандартным красивым шрифтом вытиснено: «Торлин Клавдий Николаевич», и ниже телефоны, служебные и домашний. Ни места работы, ни должности, ни домашнего адреса. «Ну, и что? — подумал Сергей. — А ты что хотел увидеть, фотографию будуара Зинаиды Петровны?» — издевался он над собой. Но не успел выпитый глоток коньяка достичь конца пищевода, как Гаврилов догадался, что у него в руках визитка ее мужа. Значит, номер домашнего телефона — это ее номер. Теперь все понятно. Таким манером эта Зинаида Петровна сообщила и номер своего телефона, и то, что она замужем. Он стал вновь перебирать застрявшие в памяти детали образа этой женщины. Попытавшись откреститься от прекрасных темных

глаз, представил ее рот с отчетливо вычерченными в его уголках возрастными складками, заметную паутину морщинок в устье век и выше переносицы. Ну, конечно, она как минимум лет на десять, а то и на все пятнадцать старше его. Хотя, что это доказывает? У него бывали варианты и похлеще — он вспомнил преподавательницу общественных наук в институте, с ее поздними, до полуночи, зачетами, и улыбнулся.

Гаврилов уже засыпал, когда мозг продырявила внезапная догадка. Торлин! Какая знакомая фамилия. Стоп! Да ведь это же начальник управления по кадрам их военного ведомства! Неужели такое совпадение? Как его инициалы-то? К.Н. Ты смотри, и это сходится! Вот повезло, так повезло! Кажется, привалило по-настоящему. Все-таки «пруха» ему действительно была. Воспаленное сознание рисовало ему картины прекрасного будущего, и сон не сразу одолел его.

А утром по пути на работу он спокойно обдумывал сложившуюся ситуацию и решал, самому ли ему позвонить первому в Москву, или дожидаться, пока созреет для этого Зинаида Петровна. К этому времени на его погонах, которые он почему-то носил не всегда, и даже очень редко, было три маленьких звездочки старшего лейтенанта.

Гаврилов позвонил в середине дня, в обед, со служебного телефона. Московский номер долго отзывался длинными, часто повторяющимися междугородными гудками, пока, наконец, в трубке не раздался еще не забытый им за ночь низкий скрипучий со сна тембр ее голоса:

— Да, я слушаю. Кто это, говорите. Это же вы, Сергей Ильич! Я же вижу, что это вы!

— Конечно, это я, — взбодренный ее пронзительностью, отозвался Сергей. — Как вы доехали?

— Ах, спасибо! Нормально доехала, только спала плохо. Вы не чувствуете в этом своей вины?

— Не чувствую, но виноват. Я со службы, Зинаида Петровна, — уловив в голосе собеседницы удовлетворение оттого, что он ей позвонил, Сер-

гей справедливо решил до предела укоротить разговор. — Рад, что у вас все в порядке. Не забывайте нас. Ну, до звонка! — и положил трубку.

В этот день он был в приподнятом настроении, в обед в буфете много шутил, смеялся, рассказывал коллегам-сослуживцам всякие веселые истории и часто поглядывал на сновавшую за буфетной стойкой Аллу, которая отнесла повышенный тонус Гаврилова на свой счет. Однако с этим она сегодня ошиблась — старший лейтенант после рабочего дня ее не пригласил.

— Какой вы самоуверенный молодой человек, — сказала вечером телефонная трубка на письменном столе в однокомнатной квартире у метро. — Не начав разговор, кладете трубку. А вдруг я бы обиделась и не позвонила?

— Ну, что вы, что вы, Зинаида Петровна! — Сергей ликовал. Его тактика работала как эталонные атомные часы, точно и надежно. — Просто днем вынудили обстоятельства прервать разговор. Служба. А я человек подчиненный.

— И где вы, интересно, служите? Если не секрет, конечно.

— Конечно, секрет, прекрасная Зинаида Петровна, — решил подкинуть пороху в разгорающийся костер их отношений Сергей, — но если мы с вами когда-нибудь увидимся, то я вам смогу все доложить.

— Ну, увидимся мы или нет, зависит от вас. — Она была явно польщена эпитетом «прекрасная» и дала это понять, поощрив его дальнейшим: — Хотя было бы действительно интересно взглянуть на вас при нормальном освещении...

Так продолжалось в течение почти месяца, пока Гаврилов не выбрался вроде бы по служебным делам в Москву. Там, наконец, их отношения были закреплены теми действиями, которые принято называть занятиями любовью. Затем либо она приезжала в Петербург, и Сергей выкраивал для нее часы, отодвигая все запланированные встречи своего любовного ряда, либо навещался в столицу. Все эти их встречи начинались и заканчивались одним — постелью. Она получала от этого утоление страсти и огромное физическое наслаждение, а он — очередные звания и звездочки. К ее глазам он уже присмотрелся, по привычке и уже не тонул в них при взгляде в упор, а так, слегка купался. Но даже при таком неглубоком погружении добрал до звания капитана первого ранга и должности заместителя командира серьезного военно-научного подразделения. И при этом поразительно легко прошагал лестничный пролет научной лестницы от кандидата до доктора наук. В соответствующих высоких кругах о нем уже всерьез поговаривали как о реальном претенденте на вакансию члена-корреспондента Академии наук.

Остановка на достигнутых рубежах произошла из-за нелепой случайности. Однажды, во время его очередного наезда в Москву, они встреча-

лись у нее дома, а утром Сергей собирался уже уходить. Зинаида Петровна повернула ключ в входной двери, взялась за ручку, чтобы ее распахнуть, и вдруг... на пороге возник адмирал Торлин, неожиданно вернувшийся домой. Так «пруха» совершенно случайно превратилась в «проруху».

Стиль жизни Сергея Ильича допускал подобные казусы, и они в его практике походов по чужим женам бывали, и неоднократно. Бывал он и бит, и оплеван. Но это все дела минувших дней. А в этот раз немая сцена оказалась действительно немой. Правда, обошлось без мордобоя, адмирал только в немом бешенстве потряс рогами и ни разу даже не выстрелил. Зинаида Петровна лежала без чувств прямо на полу в прихожей, а Сергей Ильич рационально использовал предоставленные ему судьбой пару секунд замешательства, чтобы с достоинством застигнутого в чужом огороде козла удалиться.

Перевод его на адмиральскую должность руководителем другого подразделения, который практически во всех инстанциях уже был согласован, не состоялся. Но то, что он уже имел — пост заместителя по научной части и звание капитана первого ранга — осталось при нем. И это было совсем неплохо, в сложившейся ситуации...

У Сергея Ильича не имелось биологического счетчика его многочисленных половых контактов, и, между тем, его можно с полным правом считать однолюбом. Почему? А потому, что у него были десятки Тань, Наташ, Галин, Вероник... но только одна Люба. Да, Люба Яропольская. Их давние отношения протекали как бы в фоновом режиме: у нее были, как она выражалась, свои мужики, а у него — свои бабы. Ее мужики служили ей для заполнения длительных пауз в их отношениях, а ему женщины нужны были постоянно и каждый раз новые.

Гаврилов познакомился с ней у художников, о которых она делала телепередачу. После пер-

вой ночи они, как ни странно, стали встречаться регулярно. Редко, но регулярно. В какой-то момент Люба забеременела, но призналась в этом Сергею лишь тогда, когда прерывать беременность по медицинским меркам было поздно. Раздосадованный и обозленный Гаврилов настоял на аборте. В результате Любовь лишилась главного для женщины — возможности стать матерью. И хотя после этого они так же с редкой периодичностью продолжали встречаться, у Любы порой возникало к нему неосознанное чувство ненависти.

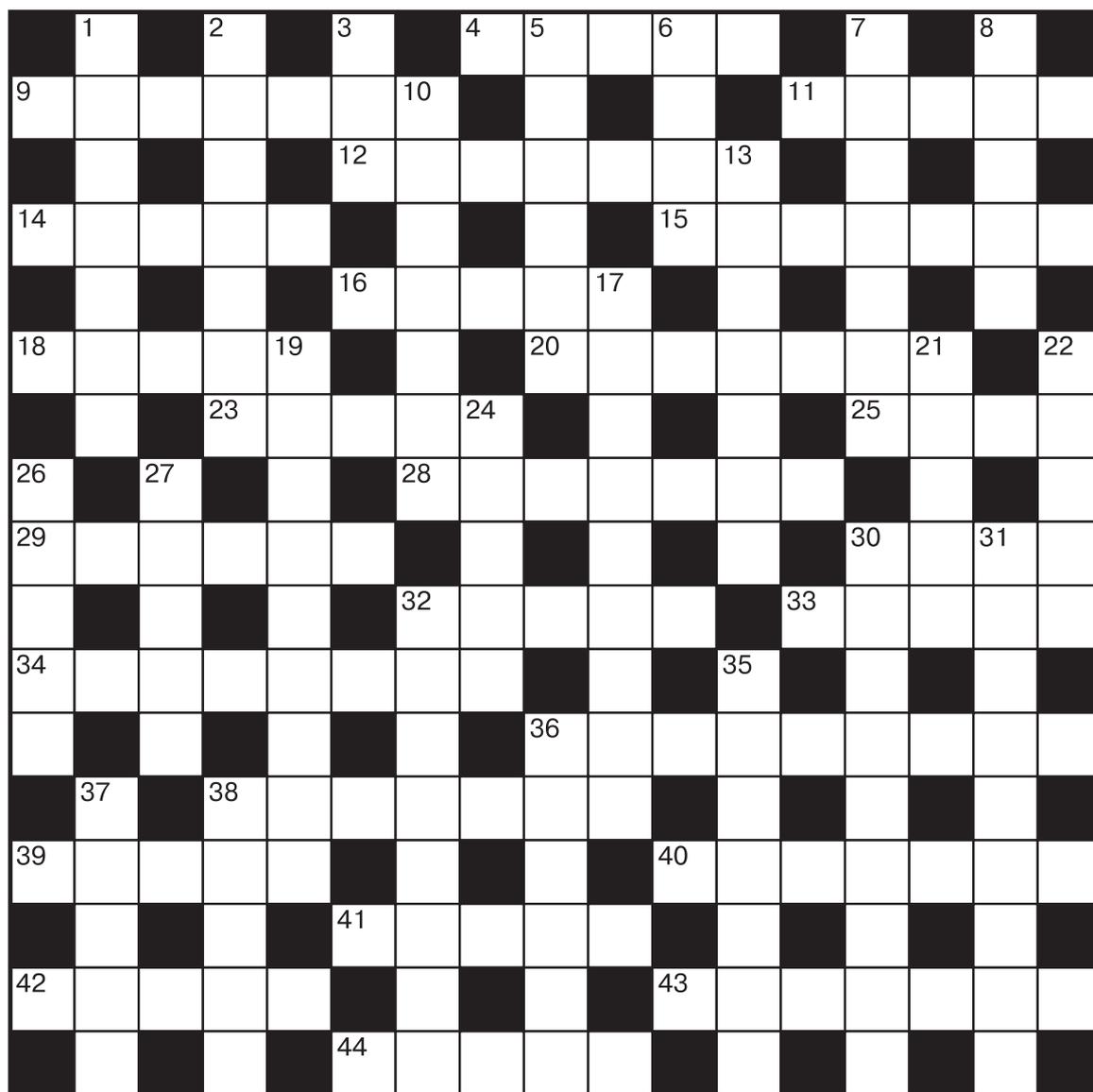
Поэтому, когда весть о гибели Гаврилова достигла ее ушей, она была стопроцентно уверена, что причину здесь следует искать в женщинах. «Шерше ля фам» — банально, но жизненно. Печальное известие Люба Яропольская получила как раз тогда, когда переживала период душевной депрессии из-за своей несостоявшейся женской судьбы и готова была мстить за это Сергею всеми доступными ей средствами. По этой причине Люба и пожелала открыть следователю все, что знала об отношениях Сергея с женским полом. Решив внести посильную лепту и «пнуть уже мертвого льва», она с журналистской расторопностью раскопала, кто конкретно занимается этим делом, и написала следователю письмо с жизнеописанием Сергея Ильича Гаврилова, начиная с известного ей момента — с приезда его на учебу в Ленинград из Алма-Аты. Подписи она не ставила, но особо и не скрывалась, указав в письме свой рабочий телефон — телефон редакции телерадиовещания на случай, если следователя вдруг заинтересует эта жизненная линия Гаврилова.

Потом, спустя несколько дней, настроение ее изменилось, и она уже очень сожалела о своей искрометной предательской озлобленности, но было поздно, птичка упорхнула, и письма назад не вернешь. Правда, знавшие ее историю близкие подруги успокаивали: «И правильно сделала, что написала. Будет знать!» А кто знать? Что знать? Следователь? Тот, возможно, и будет знать. А Сергей ничего не узнает. Он уже досыта доузнавался. И слезы градом полились из ее глаз.

Аналогичные чувства испытывали и многие другие женщины, которые нередко в сердцах, и с полным на то основанием, мысленно желали своему возлюбленному: «Чтоб ты сдох! Ты мне всю жизнь исковеркал!» А сейчас, узнав о постигшем их всех горе, они лили реки слез, которые впадали в водную акваторию Санкт-Петербурга и увеличивали круговорот воды в природе. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Арендованные деньги. **9.** Именно тот ..., что только что отъехал от остановки, и был вам нужен. **11.** Легендарная песня «... кондора» признана национальным достоянием Перу. **12.** 24 июня 1989 года ... Марчюленис стал первым советским баскетболистом, подписавшим контракт на 3 года с клубом НБА. **14.** «Экватор туловища».

15. Съёмные пуговицы. **16.** Старший сын Тараса Бульбы. **18.** Испечь именнинный ... **20.** «На сочинском пляже дельфин спас человека, отговорив его покупать ...». **23.** Что опасно как для людей, так и для компьютеров? **25.** Игрушка из старинной жизни. **28.** Какой конкурсант без награды не остался? **29.** «Прилунившийся» астронавт. **30.** Что означает латин-

ское слово «champus», от которого произошло название шампанского? **32.** Где ООН суд вершит? **33.** Какой экзотический фрукт, если его смешать с молоком, помогает набрать вес? **34.** «Воздушные ворота». **36.** Шура, помогавший Остапу Бендеру. **38.** «Никто не смеет издеваться над моей собакой, кроме меня» (киношный кот). **39.** Партизанский тайник. **40.** Духовик из дуэта пастухов в «Пиковой даме» Петра Чайковского. **41.** «... склонно искать козла отпущения среди пастухов». **42.** «Показательные выступления» солдат. **43.** Какое местечко славится расписными подносами? **44.** Про этого композитора так написал Роберт Шуман: «Снимите шляпы, господа, Гений!».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Летящий флот. **2.** На Андреевском спуске в Киеве, где снимали сцену венчания фильма «За двумя зайцами», установили памятник двум героям картины. Какой из наших знаменитых актеров «стоит там» на одном колене? **3.** «Нотный восторг». **5.** Какой доносчик на дят-

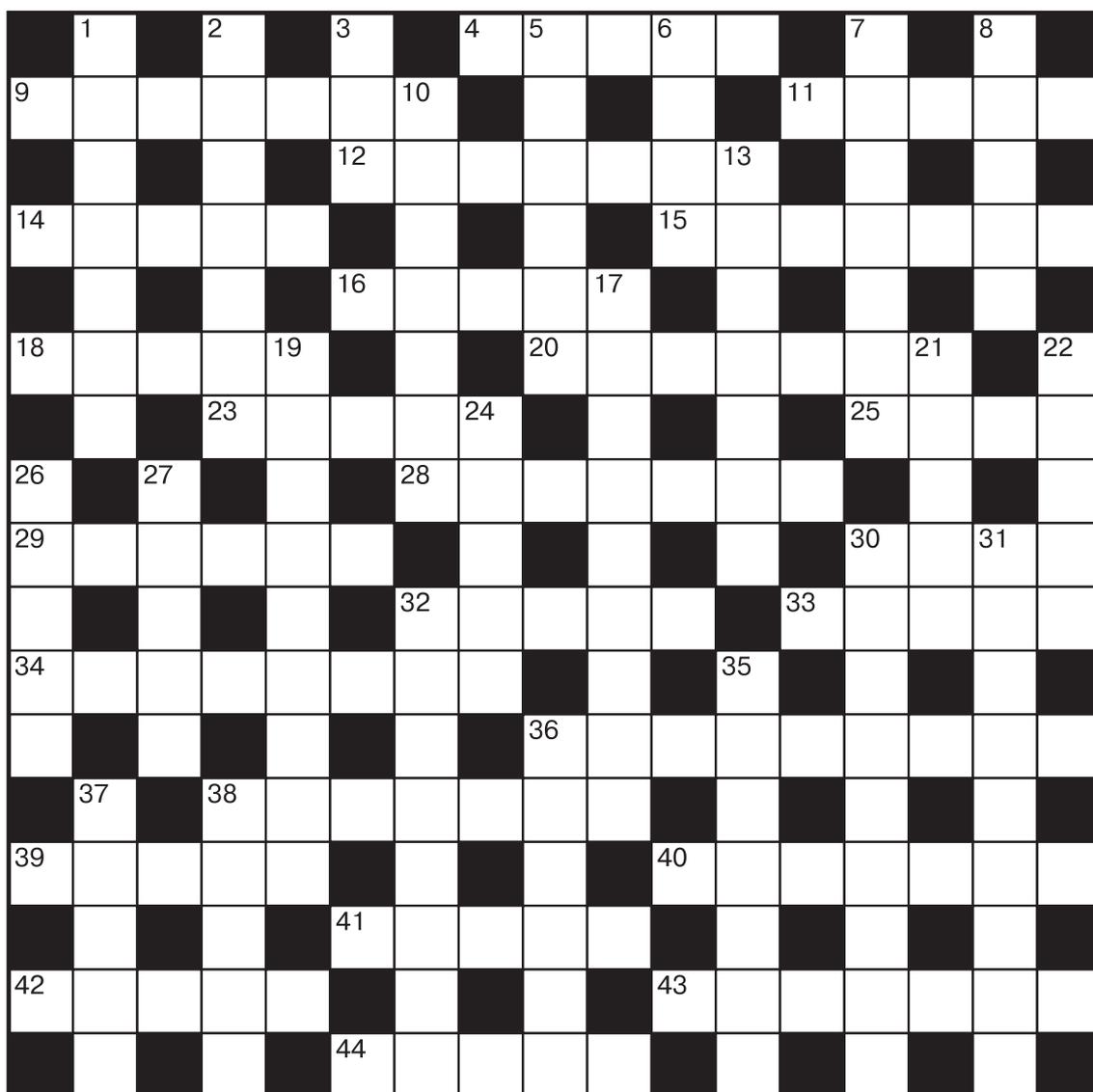
ла смахивает? **6.** Любимая музыка Леонида Утесова. **7.** «Вход туда, не знаю куда» из мультфильма «Иван Царевич и серый волк». **8.** Художник Шагал для режиссера Захарова. **10.** «Топливо» для «корабля пустыни». **13.** «Сам себе прозектор» из японцев. **17.** По какому городу идут герои «Двенадцати» Александра Блока? **19.** Какой самолет не может совершить посадку в аэропорту? **21.** Церковное правило. **22.** Звезда французского кино, панически боявшийся не только огня, но и электричества. **24.** «Не для того я забрался на вершину пищевой цепочки, чтобы есть какой-то зеленый ...» **26.** Форель из озера Севан. **27.** Чему посвящена ода, прославившая Пьера де Куберта? **30.** Какого великого тенора за капризный характер окрестили «Королем отмен»? **31.** «Праздник для желудка». **32.** Английская губерния. **35.** Что помогает покончить как с зубной болью, так и с целым правительством? **36.** Тарелка из чайного сервиза. **37.** «Отработанная ...». **38.** «Идеальный ... тот, при котором хозяин чувствует себя как дома».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Страх. **10.** Подхалимство. **11.** Бульдог. **12.** Стеклотара. **13.** Казарма. **16.** Ртуть. **18.** Сад. **19.** Шашни. **21.** Смех. **24.** Счет. **25.** Сантехник. **27.** Враг. **29.** Кассир. **30.** Раструб. **34.** Сокольники. **35.** Кашемир. **37.** Татарстан. **40.** Удача. **41.** Робот. **42.** Вельвет. **43.** Фрукт. **44.** Диета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Трубач. **3.** Альманах. **4.** Бог. **5.** Охота. **6.** Флокс. **7.** Емкость. **8.** Атлантический. **9.** Топаз. **10.** Поэма. **14.** Маттеус. **15.** Кнехт. **17.** Яство. **18.** «Сезар». **20.** Штирлиц. **22.** Гастрит. **23.** Шик. **26.** Кальмар. **28.** Газетчик. **31.** Бонасье. **32.** Бобслей. **33.** Гайдар. **36.** Ранец. **38.** Ноги. **39.** Пост.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Личный астролог Адольфа Гитлера, окончивший свои дни в концлагере. **9.** Повод использовать «молочные гвозди» в медицине. **11.** «Бессмертный попугай» из сказки «Понедельник начинается в субботу». **12.** Кто бросал библейского Авраама в раскаленную печь за «отказ поклониться»? **14.** Хребет у борзой собаки. **15.** Как на Руси называли молодца, «откосившего» от армии? **16.** «В ущельях гор отродье змей живет, гре-

мит ... и водопад ревет». **18.** Огненная птица из славянских мифов. **20.** В средние века заключение сделки завершали совместным возлиянием. Как оно называлось? **23.** Дуэль с быком — не на жизнь, а на смерть. **25.** Французский десерт из желтков. **28.** Какое автомобильное приспособление нужно для исполнения балета «Парад», написанного Эриком Сати для труппы Сергея Дягилева? **29.** Пестрая куропатка с Мадагаскара. **30.** Абхазская ватруш-

ка. **32.** Для какого товара Александр Пушкин придумал рекламный слоган «Яснее дня, темнее ночи»? **33.** Какому проклятию раввины предали Баруха Спинозу? **34.** Быстроногий динозавр. **36.** Какой камень носят на среднем пальце правой руки, чтобы поддерживать мужскую силу? **38.** Женский танец у армян. **39.** Кто создал первый в мире Музей криминалистики? **40.** Вегетарианец среди братьев наших меньших. **41.** Узбекская паранджа. **42.** Кто в 1995 году доказал теорему Ферма, что до него не могли сделать в течение 350-ти лет? **43.** Крестьянский надел в средневековой Турции. **44.** Из какого фракийского племени взял себе жену Мильтиад Младший?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какое лекарство убило Рюноске Акутагаву? **2.** Ученица Огюста Родена в женах у Райнера Марии Рильке. **3.** День поминовения усопших у японцев. **5.** Бутылка шампанского вместимостью в четыре с половиной литра. **6.** Из-за кого Сафо в море бросилась? **7.** «Собачья петрушка». **8.** Разведчик, ставший одним из про-

тотипов «майора Вихря». **10.** Девичья фамилия супруги Джорджа Байрона. **13.** «Вождь народа» в Древней Греции. **17.** Герцог, собравший первый в Англии парламент. **19.** «Открыватель пива для европейцев». **21.** Какую из своих партийных кличек Иосиф Сталин «заставил забыть» окружающих, поскольку она означала «Рябой»? **22.** Жертва на алтарь за исцеление у поляков. **24.** Храм масонов из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна. **26.** Правитель Могольской империи в XVI веке, который был неграмотным, но ввел новую религию и лично возглавил ее. **27.** Арабский коллега Люцифера. **30.** Что Наполеон Бонапарт считал «самым верным средством остаться бедным»? **31.** Казнь «каждого десятого воина» за невыполнение приказа в армии Древнего Рима. **32.** Какой рожок все узнали благодаря ЧМ по футболу 2010 года? **35.** Праздник граций. **36.** Кто познакомил Анну Павлову с Сергеем Дягилевым? **37.** Какой Папа Римский первым стал отлучать от церкви за курение табака? **38.** Африканский барабан.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Ямщик. **10.** Лириодендрон. **11.** Хлодвиг. **12.** Цангамбато. **13.** Абокадо. **16.** Дерга. **18.** Гис. **19.** Сукук. **21.** Онея. **24.** Олла. **25.** Складенец. **27.** Цабр. **29.** Квасец. **30.** Левитан. **34.** «Коринтианс». **35.** Бирофил. **37.** Настоящее. **40.** Дживс. **41.** Дрегг. **42.** Биткоин. **43.** Юнона. **44.** Ганчо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** «Малибу». **3.** Индукция. **4.** Гиг. **5.** Ширак. **6.** Адыги. **7.** Анамнез. **8.** Архангельская. **9.** Енсон. **10.** Линда. **14.** Мубарак. **15.** Суфет. **17.** Понцы. **18.** Гейбл. **20.** Нарцисс. **22.** Активин. **23.** Век. **26.** Цветоед. **28.** Резолвин. **31.** Ноэтика. **32.** Тиляпия. **33.** Пиджин. **36.** «Лацио». **38.** Ерма. **39.** Агач.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 1-е полугодие 2014 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в отделениях любого банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 01 февраля 2014 года открыта досрочная подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года по Каталогу — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ»

«Спецвыпуск» через любое отделение почтовой связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2014 года.

Примерный образец каталога:

Каталог «Газеты Журналы» Спецвыпуск		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов. Индекс 70820 — для остальных подписчиков
---	---	---

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам: **71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный)**.

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Вспоминая тяжкие дни Великой Отечественной войны, и, в частности, оборону Севастополя, нельзя не вспомнить о другой обороне, произошедшей почти к завершению Крымской войны (1853–1856). За время осады Севастополя русские потеряли почти 83 тысячи человек. Но ничто не изменило их решимости продолжать неравную битву. Более 11 месяцев русские солдаты и моряки сражались с превосходящими силами противника, проявляя необыкновенную отвагу и мужество. И впоследствии пример защитников Севастополя не раз вдохновлял русский народ в борьбе с завоевателями, пытавшимися посягнуть на нашу землю...

Светлана **Бестужева-Лада** «Да, были схватки боевые...»

«Пик ее революционного успеха пришелся на 1917–1920-е годы. В 17-м она входила в Московский окружной комитет партии большевиков, в 18-м под видом главы миссии Красного Креста поехала во Францию, где была арестована за подрывную деятельность, а в 20-х ей нашлось место в системе новой власти. Специально для нее в аппарате ЦК создали отдел по работе среди женщин. К тому же, ее связывали с В.И. Лениным особые отношения, которые немало крови попортили Н.К. Крупской...

Илья **Рюмин** «Товарищ Инесса»

«Еще за одиннадцать лет до появления на свет А.С. Пушкина в окрестностях Вологды родился не менее яркий и талантливый поэт — Константин Николаевич Батюшков. Стихи его уникальны по богатству языковой выразительности, можно сказать, именно с него началась новая эпоха русской лирики. В XIX веке его любили и почитали многие, а в XX-м о нем помнили только то, что поэт Батюшков был сумасшедшим. И все же на Парнасе русских поэтов он является одним из лучших лириков, проживших трудную, но яркую жизнь.

Денис **Логинов** «Безумная гениальность»

«Ее называли иногда «последней принцессой Голливуда». Она и выглядела как сказочная принцесса, хрупкая и загадочная. Одри Хепберн снялась в 31 фильме, и все ее роли были запоминающимися. Но мало кто знает, что звезда Голливуда выкуривала по три пачки сигарет в день и до самой смерти старалась сдержать данное самой себе обещание весить не больше 47 кг. Личная жизнь актрисы была несколько сумбурной, и свою настоящую счастливую любовь она встретила, только разменяв шестой десяток...

Майя **Орлова** «Эльф с глазами олененка»

«Окончание детектива Рудольфа **Вчерашнего** «Чисто компьютерное убийство»